

7313

7313

ШКОЛЬНЫЕ ТИПЫ

(АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ)

9

Имп.

Трестъ. Кад.

П. ЛЕСГАФТЬ

№ 30.

7313

4840
Универсального института
Искусств

Издание журнала «Русское Богатство»

15
1113

4 НОЯ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ПЕШЬМЕННАЯ ПРИБЛЮЖНОСТИ
„МЫСЛЬ“
Торговая улица, домъ № 20
ПРОТ. В. Ж. Курсова

НБ ПНУС

7313

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1884

ШКОЛЬНЫЕ ТИПЫ.

(Антропологическій этюдъ).

Предисловіе.

Самое существенное требованіе, какое мы вправѣ предъявить воспитателю и учителю, берущему на себя обязанность руководить воспитаніемъ и обученіемъ ребенка, вступающаго въ школу, это—знаніе самой личности ребенка, его психическихъ отправленій, а равно знакомство съ его индивидуальными свойствами, такъ какъ, не зная законовъ психическаго развитія ребенка, воспитатель можетъ ежеминутно стать втупикъ передъ проявленіемъ той или другой черты характера воспитанника, не сумѣетъ найти основную причину даннаго поступка и упуститъ изъ виду тѣсную связь нравственнаго міра ребенка съ его до-школьною обстановкою и семейною дисциплиною.

Не менѣе необходимо для каждаго воспитателя отдавать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ требованіяхъ, которыя ставятъ ребенку въ стѣнахъ школы, и строго слѣдить за тѣми вліяніями, которыя оказываетъ на ребенка школьный порядокъ. Сплошь и рядомъ приходится наблюдать, что, какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ, родители и воспитатели воздѣйствуютъ на ребенка, совершенно не отдавая себѣ отчета, почему именно слѣдуетъ примѣнять къ нему тѣ или другія воспитательныя мѣры; а вѣдь подобное бессознательное руководство личностью ребенка никогда не проходитъ безъ серьезныхъ послѣдствій, отзываясь иногда на всей его послѣдующей жизни.

Большинство воспитателей, въ случаѣ неудачи своихъ педагогическихъ мѣропріятій, охотно сваливаетъ все на пресловутую

«наслѣдственность», на «прирожденную» испорченность дѣтской натуры, или же, въ утѣшеніе себѣ и другимъ, ссылается на какія-то неуловимыя вліянія, которыхъ будто-бы нельзя ни предусмотрѣть, ни избѣжать.

Привыкнувъ въ своей обыденной жизни къ очень поспѣшнымъ заключеніямъ, когда намъ приходится указать причину того или другого поступка взрослого человѣка,—мы ограничиваемся только обвиненіями и порицаніями также и тогда, когда насъ спрашиваютъ: гдѣ искать причины дурныхъ привычекъ или безнравственныхъ поступковъ ребенка, едва достигшаго школьнаго возраста?

Однако, эти обвиненія и порицанія ровно ничего не уясняютъ, а только доказываютъ, что педагогъ не желаетъ брать на себя труда выясненія тѣхъ психическихъ мотивовъ, которые составляютъ подкладку каждаго человѣческаго поступка. Вслѣдствіе нашей лѣни, а главное — нашего незнанія, мы спѣшимъ допустить существованіе врожденныхъ дурныхъ наклонностей, мы краснорѣчиво толкуемъ о «неисправимо-испорченныхъ» дѣтяхъ, точно эта испорченность явилась, какъ *deus ex machina*, и за нее отвѣтственъ самъ ребенокъ! Вліяніе нашего руководства какъ-то всегда остается въ тѣни: мы и вѣрить не хотимъ, что «испорченность» ребенка школьнаго или до-школьнаго возраста есть результатъ нашей же системы воспитанія, за которую расплачивается все-таки самъ воспитанникъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ не природженная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а наши педагогическія ошибки — готовятъ ребенку горькую будущность, оставляя на его характерѣ и привычкахъ неизгладимыя слѣды нравственной порчи и умственного безсилія.

Кому неизвѣстно, что все дѣло воспитанія (и въ семьѣ, и въ школѣ) у насъ зачастую сводится къ тому, что ребенка «нужно учить», причемъ подъ словомъ «учить» мы нерѣдко подразумеваемъ: «взыскать», «наказать», «пригрозить» и т. п. Да иначе и быть не можетъ, пока мы поступаемъ совершенно слѣпо, по рутинѣ, не отдавая себѣ отчета въ каждомъ шагѣ; если мы не «познаемъ себя», не приучимъ связывать причину съ слѣдствіемъ,

наши рутинные педагогическіе приемы репрессивнаго характера попрежнему будутъ царить въ стѣнахъ школы, какъ и въ семейномъ быту.

Въ настоящемъ этюдѣ я намѣренъ представить нѣсколько главныхъ типовъ дѣтей, которые приходится наблюдать при появленіи ихъ въ школѣ и, по возможности, выяснить связь, существующую между наблюдаемыми типичными проявленіями и условіями, при которыхъ они развиваются въ семьѣ. Результаты моихъ наблюденій еще очень не полны и я рѣшаюсь представить ихъ въ видѣ антропологическаго этюда только потому, что надѣюсь вызвать ими дальнѣйшія наблюденія и провѣрки, и такимъ образомъ общими усиліями выяснить развитіе и значеніе типовъ, встрѣчаемыхъ въ школѣ и въ семьѣ. Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію и выясненію замѣченныхъ мною типовъ, я долженъ установить значеніе нѣкоторыхъ выраженій, приводимыхъ мною ниже съ тѣмъ, чтобы придать имъ, по возможности, точный и опредѣленный смыслъ.

Самый простой актъ, вызываемый раздраженіемъ какой-либо части чувствительной поверхности тѣла, будетъ рефлекторный, причемъ подъ словомъ «чувствительность» мы разумѣемъ способность воспринимать впечатлѣнія, вызываемыя объектами или образами внѣшняго міра. Актъ этотъ состоитъ изъ раздраженія чувствительной поверхности (кожа, всѣ ткани и органы тѣла), передачи этого раздраженія по проводнику, идущему отъ этой поверхности и именно отъ той части, на которую непосредственно подѣйствовало раздраженіе, къ мѣсту, гдѣ этотъ проводникъ оканчивается (сѣрое вещество въ передней нижней или внутренней части спиннаго мозга, продолговатаго мозга, мозжечка и узловъ основанія головного мозга). Мѣсто это будетъ представлять центральный конецъ проводника. Распространяясь дальше по выходящимъ отсюда проводникамъ до ближайшихъ центровъ (сѣрое вещество задней верхней или наружной части тѣхъ же мозговыхъ центровъ), оно переходитъ отсюда на дальнѣйшіе проводники, достигаетъ до мышечнаго тѣла и вызываетъ въ немъ сокращеніе, заканчивая такимъ образомъ этотъ простѣйшій психологическій актъ. Такой актъ по существу своему будетъ не цѣлесообразный,

т. е. эффектъ раздраженія будетъ представлять собой рядъ движеній, не достигающій опредѣленной цѣли, и только степень движенія будетъ зависѣть отъ степени раздраженія. При повторныхъ раздраженіяхъ изъ ряда безобразныхъ движеній быстро выдѣляются тѣ, которыя удаляютъ причину раздраженія или удовлетворяютъ данной потребности, вызвавшей раздраженіе. Слѣдовательно, только на основаніи опыта рефлекторныя движенія могутъ сдѣлаться цѣлесообразными и появляются въ такомъ случаѣ у человѣка часто въ видѣ такъ называемыхъ инстинктивныхъ дѣйствій. Все, тотчасъ сказанное, вполне подтверждается при совершенно объективномъ наблюденіи надъ новорожденнымъ ребенкомъ, но теперь я не буду останавливаться надъ доказательствами этого положенія; — послѣ, при изученіи новорожденнаго, мы прослѣдимъ шагъ за шагомъ за всѣми замѣчаемыми у него явленіями и тогда можемъ убѣдиться въ вѣрности сказаннаго. Необходимо еще замѣтить, что всѣ проводники и упомянутые выше центры совершенно индифферентны къ передаваемому раздраженію, и если они обыкновенно проводятъ раздраженіе только въ одну сторону, то это зависитъ отъ тѣхъ частей, которыми они начинаются и оканчиваются. Первые части, т. е. начало проводниковъ, способны только воспринимать раздраженія, а окончанія проводниковъ могутъ только передать это раздраженіе тѣмъ органамъ, въ которыхъ они оканчиваются и которыми непременно будутъ мышцы. Весь этотъ актъ объективной передачи раздраженія, вызоветъ-ли онъ безобразныя или цѣлесообразныя движенія, остается безсознательнымъ и субъективно не воспринимается. Отдѣльными моментами этого акта будутъ, слѣдовательно, — раздраженіе, которое въ видѣ впечатлѣнія доходитъ до центра объективнаго воспріятія или ощущенія, затѣмъ передача раздраженія центрамъ объективной дѣятельности и, наконецъ, проявленіе его въ видѣ движенія, дѣйствія. Но раздраженіе можетъ, при постепенномъ и послѣдовательномъ дѣйствіи, проникнуть по проводникамъ дальше — къ периферіи большихъ поверхностей мозга, къ сознательнымъ или субъективнымъ центрамъ, являясь здѣсь въ видѣ чувствованія (удовольствія или страданія) и выражаясь уже желаніемъ или хотѣніемъ. Въ этомъ сознательномъ актѣ

опять же необходимо раньше всего периферическое раздраженіе (кожи, всѣхъ тканей и органовъ тѣла), передача даннаго получаемаго впечатлѣнія къ центрамъ объективной воспримчивости (сѣрому веществу въ передней нижней или внутренней части спиннаго мозга, продолговатаго мозга, мозжечка и узловъ основанія головного мозга), или ощущенія, откуда въ видѣ представленія раздраженіе передается къ центрамъ субъективной воспримчивости, проявляясь здѣсь въ видѣ чувствованія. Последнее составляетъ, слѣдовательно, признакъ или результатъ передачи раздраженія субъективнымъ или сознательнымъ центрамъ (коркового слоя головного мозга). Вліяніе различныхъ (по степени и качеству) раздраженій вызываетъ здѣсь (въ центрѣ субъективнаго воспріятія) сравненіе или сужденіе, порождающее мысль. Далѣе, раздраженіе, передаваясь центрамъ (психо-моторной) субъективной дѣятельности, явится здѣсь въ видѣ желанія или хотѣнія, которое обнаружится движеніемъ. Необходимо опять же помнить, что раздраженія обыкновенно передаются по всѣмъ указаннымъ проводникамъ только въ одномъ направленіи и ни въ какомъ случаѣ не обратно. Проводникъ, оканчивающійся въ мышцѣ, передавая сюда раздраженіе, можетъ вызвать этимъ только мышечное сокращеніе. Проводники же, идущіе изъ мышцы, по которымъ передается такъ называемое мышечное чувство, должны брать свое начало здѣсь, какъ бы съ периферіи. Если, слѣдовательно, г. Гротъ ¹⁾ опредѣляетъ инстинктъ такимъ образомъ, что «это такое психическое преемство, въ которомъ моментъ субъективнаго воспріятія вполне поглощается моментомъ субъективнаго движенія», то такое опредѣленіе трудно связать со строеніемъ и отпращиваніемъ органовъ, гдѣ такая дѣятельность происходитъ.

Въ сознательныхъ центрахъ необходимо отличать центръ разсудка отъ центра разума. Разсудокъ есть, по Канту, способность сужденія (*Vermögen der Urtheile*), т. е. способность сравнивать отношенія различныхъ представленій; результатъ этихъ сравненій или выводъ изъ нихъ будутъ — знаніе субъективно усвоенныхъ представленій и мысли, которыя, слѣдовательно, вырабаты-

¹⁾ Психологія чувствованій. Спб., 1880 г., стр. 440.

ваются дѣятельностью нашего разсудка. Знанія и мысли могутъ вызвать въ центрѣ субъективной дѣятельности (психо-моторномъ) желаніе или хотѣніе, но дѣятельность эта будетъ во всѣхъ отношеніяхъ раздражительная, а не самостоятельная—творческая, такъ какъ она ничего не прибавляетъ къ характеру тѣхъ образовъ и представленій, которые служатъ ей матеріаломъ и, руководясь сравненіемъ, дѣлаетъ только выборку или выводъ изъ нихъ, соотвѣтствующіе той или другой цѣли. Разумъ же есть способность выводить заключенія изъ посылокъ или понятій, данныхъ разсудкомъ (Vermögen der Schlüsse), т. е. устанавливать основныя различія этихъ посылокъ или мыслей, лежащихъ въ основаніи послѣднихъ. Это уже будетъ пониманіе знаній на основаніи анализа и синтеза получаемыхъ посылокъ. Эта способность видимо развивается при медленномъ и настойчивомъ, постепенномъ и послѣдовательномъ разборѣ усвоенныхъ знаній и мыслей. Дѣятельностью разума изъ частныхъ посылокъ создаются общія идеи и истины и, наоборотъ, изъ послѣднихъ выводятся частности и понятія, служившія имъ основаніемъ. Такимъ образомъ разумомъ провѣряются идеи и выводятся истины, т. е. ясно сознанныя идеи, строго соотвѣтствующія характеру образовъ, легшихъ въ основу при возникновеніи ихъ. Только разумомъ вызывается волевая дѣятельность, самостоятельная—творческая. Разумомъ человекъ отличается отъ животныхъ, у которыхъ можно наблюдать развѣ только разсудочныя проявленія. Дѣятельность его развивается только при извѣстныхъ условіяхъ; человекъ можетъ прожить всю свою жизнь, не развѣ у себя проявленія этой способности. Подобно тому, какъ раздраженіе дѣйствуетъ на внѣшнюю чувствительную поверхность, на отдѣльныя части органовъ движенія, вообще на всѣ органы животной жизни, оно дѣйствуетъ также и на органы растительной жизни (пищеваренія, дыханія, выдѣленія и воспроизведенія). Здѣсь встрѣчается только больше препятствій, которыя приходится преодолѣть, чтобы передать раздраженіе къ сознательнымъ центрамъ, гдѣ оно также будетъ выражаться чувствованіемъ и можетъ возрасти до страсти, если эти чувствованія не будутъ задерживаться отправленіями разума.

Признаки жизнедѣтельности ткани состоятъ въ чувствительности, движеніи и питаніи. Послѣднее явленіе въ свою очередь состоитъ изъ постоянной траты и накопленія матеріала, увеличивающагося при раздраженіи и дѣтельности ткани или органа. Увеличенная дѣтельность, суммируясь, производитъ раздраженіе, которое, доходя до сознательныхъ центровъ, проявляется здѣсь въ видѣ чувствованія, и именно въ видѣ удовольствія или страданія. Чувствованіе, слѣдовательно, будетъ такое состояніе сознанія, которое вытекаетъ изъ субъективной оцѣнки ощущеній. «Основую для образованія различныхъ чувствованій, говоритъ Н. Гротъ—должно считать отношеніе работы какой нибудь ткани организма къ ея энергіи. Всякое возбужденіе нашихъ тканей съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, какія оно за собой влечетъ, называется работою этихъ тканей. Всякое состояніе ихъ, предшествующее этой работѣ, принято разсматривать въ отношеніи къ послѣдней съ точки зрѣнія силы или энергіи, каковую эти ткани могутъ обнаруживать во время работы: въ этомъ смыслѣ состояніе тканей равносильно присущей имъ энергіи» ¹⁾).

Эти чувствованія соотвѣтственно дѣленію, приводимому Гротомъ, могутъ быть положительныя и отрицательныя.

Положительное удовольствіе сопровождается всякое соотвѣтствіе траты вещества предшествующему накопленію его. Оно выражается наслажденіемъ-чувствованіемъ, сопровождающимъ сильную работу.

Отрицательное удовольствіе сопровождается всякое соотвѣтственное накопленіе вещества, предшествующее его тратѣ. Оно выражается отдыхомъ, восстановленіемъ.

Положительное страданіе сопровождается всякій избытокъ траты вещества сравнительно съ накопленіемъ. Оно выражается усталостью, истощеніемъ и даже изнуреніемъ.

Отрицательное страданіе сопровождается всякій избытокъ накопленія вещества сравнительно съ его тратою. Оно выражается потребностью дѣтельности и лишеніемъ.

Что касается до внѣшнихъ выраженій нашихъ чувствованій

¹⁾ 1. с. стр. 189.

и въ особенности выраженія лица, то ихъ общій характеръ опредѣляется слѣдующимъ общимъ основаніемъ: «пріучаясь относить сокращенія мышцъ, окружающихъ органы чувствъ, къ получаемымъ впечатлѣніямъ, мы производимъ такія же сокращенія подъ вліяніемъ чувствованій, соотвѣтствующихъ этимъ впечатлѣніямъ, при чемъ степень сокращенія и число участвующихъ мышечныхъ группъ прямо пропорціональны силѣ впечатлѣнія» ¹⁾. Я здѣсь привожу только общее основаніе, которое буду примѣнять при выясненіи каждаго отдѣльнаго выраженія, при чемъ и общее основаніе болѣе выяснится на частныхъ примѣрахъ. Кроме того, вышеприведенные психическіе акты даютъ возможность сдѣлать слѣдующій выводъ: «всякое возбужденіе или раздраженіе непременно переходитъ или непосредственно въ мышечное сокращеніе, или въ умственную работу. Въ послѣднюю оно переходитъ только въ томъ случаѣ, если предъидущею послѣдовательною и постепенною дѣятельностью были устранены препятствія на пути къ сознательнымъ центрамъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, если уже проложены пути къ этимъ центрамъ.

Соотвѣтственно постепенному и послѣдовательному ходу развитія умственныхъ способностей, у ребенка нормальнаго типа, можно бы различать при его развитіи слѣдующіе періоды:

1) хаотическій періодъ, въ которомъ мы находимъ новорожденнаго ребенка.

2) рефлекторно-опытный, продолжающійся главнымъ образомъ до появленія рѣчи, слѣдовательно, приблизительно до начала втораго года послѣ появленія ребенка на свѣтъ.

3) раздражительно-реальный—до школьнаго періода.

4) раздражительно-идейный — школьный періодъ до 20-ти лѣтняго возраста.

5) критическо-творческій періодъ, къ которому собственно долженъ принадлежать взрослый — зрѣлый возрастъ съ различными подраздѣленіями. Эти періоды мы прослѣдимъ только до

¹⁾ См. П. Лесгафтъ. О генетической связи между выраженіемъ лица и дѣятельностью мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ. Москва. 1881 г. Извѣстія Об. Люб. Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

школьнаго при выясненіи нормально-идеальнаго типа ребенка. Прежде же всего посмотримъ, въ какомъ видѣ ребенокъ является въ школу и какая связь существуетъ между его прежнею семейною жизнью и тѣмъ типомъ, къ которому его можно отнести при появленіи въ школѣ.

Самые характерные, изъ замѣченныхъ мною типовъ, слѣдующіе:

- 1) Типъ лицемѣрный.
- 2) » честолюбивый.
- 3) » добродушный.
- 4) » забитый.

{	a) типъ забитый—злостный.
	b) » забитый—мягкій.
	c) » угнетенный.

Прослѣдимъ теперь эти типы въ частности ¹⁾.

1. Лицемѣрный типъ.

Подобный ребенокъ при появленіи въ школѣ отличается обыкновенно своею скромною внѣшностью; въ игрѣ — онъ подвиженъ и веселъ. Вначалѣ онъ очень привѣтливъ и внимателенъ ко всѣмъ

¹⁾ Въ послѣднее время явилась въ печати статья д-ра И. А. Сиворскаго подѣ заглавіемъ: „О дѣтяхъ трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи“. (Клиническая газета, 1882 г., № 25). Авторъ раздѣляетъ этихъ дѣтей, какъ онъ говоритъ, по ихъ нервно-психологическому состоянію на 5 типовъ. Первые четыре изъ нихъ отличаются главнымъ образомъ своею „нравственною неустойчивостью“. Къ пятому типу принадлежатъ дѣти и юноши, отличающіеся либо „наклонностью къ дерзкой, наглой лжи, обману, цинизму, упорству, жестокости, эгоизму, либо, не обнаруживая въ рѣзкой формѣ дурныхъ качествъ, которыя сейчасъ исчислены, проявляютъ наклонность къ мечтательности, героическимъ выходкамъ, похождениямъ, учиненію дѣтскихъ комплотовъ, къ возбужденію вражды между товарищами и т. п. Какъ трудно совмѣстить въ единѣ типъ только что приведенные признаки 5-го типа Г. Сиворскаго, также трудно отличить одинъ отъ другого первые четыре типа съ „нравственною неустойчивостью“, между которыми къ первому типу принадлежатъ дѣти „съ легко-возбудимымъ нервно-психическимъ строемъ“, а къ четвертому „подвижно-безпокойные“. Къ этому я еще долженъ прибавить, что говоря о школахъ необходимо всегда оставаться на объективной почвѣ.

окружающимъ, а потомъ болѣе къ тѣмъ, отъ которыхъ что либо зависитъ. Онъ сближается съ ними всего болѣе, угождаетъ имъ и даже внимательно предупреждаетъ различныя ихъ желанія. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ ласкается къ своимъ учителямъ и воспитателямъ, цѣлуетъ ихъ (въ особенности дѣвочки) и конфузливо указываетъ на свою привязанность къ нимъ. Онъ охотно говоритъ съ ними о добрѣ и не пропускаетъ случая высказывать самыя ходячія правила нравственности, заученныя имъ наизусть, смотря при этомъ прямо въ глаза наставнику, къ которому обращается. Для этого онъ въ особенности пользуется случаемъ, когда замѣченъ какой нибудь проступокъ товарища. Иногда онъ является въ видѣ такого простодушнаго или откровенно-добродушнаго ребенка, что всё къ нему относятся съ участіемъ. Въ классѣ онъ всегда старается быть скромнымъ, и только своею высокоподнятою подвижною рукою показываетъ учителю свою готовность отвѣчать или рѣшать задачу. Отвѣты его, не всегда удачныя, чаще всего содержать въ себѣ слова учителя, которыя онъ успѣлъ запомнить. Такой ребенокъ вначалѣ обыкновенно учится хорошо и примѣрно исполняетъ все, что отъ него требуютъ, но это продолжается недолго.

Вскорѣ оказывается, что этотъ прелестный ребенокъ не любимъ своими товарищами, что часто поражаетъ наставника, который однако сначала объясняетъ себѣ это явленіе кознями худыхъ учениковъ, тѣмъ болѣе, что неудовольствіе и является раньше всего со стороны нелюбимыхъ учителемъ. Мало по малу этотъ ребенокъ все болѣе отдалается отъ своего класса, оставаясь однако часто любимцемъ учителя, который, видя его угнетеннымъ и преслѣдуемымъ, еще болѣе защищаетъ его. При этомъ сближеніи съ наставникомъ, ребенокъ передаетъ, какъ бы случайно въ разговорѣ, а то и прямо, всё дѣйствія товарищей и ихъ проступки.

Въ отношеніи низшихъ, а въ особенности въ отношеніи прислуги, онъ всегда отличается большою важностью, даже грубостью и хвастовствомъ. Стараясь унижить другихъ, онъ постоянно хвастаетъ богатствомъ, значеніемъ, выдумывая при этомъ всевозможныя небылицы, и попрекаетъ другихъ низкимъ происхожденіемъ и дурными качествами.

Онъ пользуется хорошимъ расположеніемъ наставниковъ, чтобы, подъ различными предлогами, отдѣлываться отъ своихъ занятій. То ребенокъ прямо высказываетъ нерасположеніе заниматься, дѣйствуя при этомъ своею откровенностью, то у него являются различныя страданія, мѣшающія ему заниматься, причеиъ онъ даже самъ заявляетъ свое сожалѣніе, что долженъ пропускать свои занятія, и часто кажется, что онъ дѣйствительно озабоченъ этимъ.

Наблюдались случаи, гдѣ подобный ребенокъ, желая освободиться отъ предстоящихъ экзаменовъ, уже болѣе чѣмъ за два мѣсяца до нихъ, сталъ заявлять своему воспитателю, что онъ худо видитъ. Онъ постоянно сталъ наткаться на различные предметы и на людей, въ особенности когда при этомъ было много свидѣтелей и, наконецъ, заявилъ, что онъ ничего не видитъ. Его водили къ врачамъ, совѣтывались съ ними; эти послѣдніе, изслѣдовавъ его, заявили, что въ этомъ случаѣ страданіе можно допустить, какъ слѣдствіе его слабости и малокровія и т. д.

Обо всемъ этомъ сообщили родственникамъ, которые однако-жъ, знали ребенка и наказаніемъ сдѣлали его зрячимъ.

Въ школѣ часто случаются пропажи мелкихъ вещей у товарищей, которыя также часто находятся у этого любимца. Онъ какъ будто не отличаетъ имущества другихъ отъ своего, причеиъ свое все же тщательно хранить и въ этомъ отношеніи отличается даже особенною жадностью. Часто онъ собираетъ совершенно негодныя и ненужныя ему вещи, а если что ему нравится своимъ видомъ, блескомъ, цвѣтомъ или вкусомъ, то онъ какъ будто не въ состояніи удержать себя отъ присвоенія этой вещи. Нуждаясь въ чемъ нибудь, онъ обыкновенно предпочитаетъ получить необходимую ему вещь скорѣе тайкомъ, чѣмъ открытымъ путемъ.

Всѣ эти качества, открытыя наставникомъ, измѣняютъ нѣсколько его отношеніе къ ребенку; онъ начинаетъ къ нему присматриваться болѣе объективно и видѣть его недостатки. Ребенокъ же, не находя болѣе для себя никакой выгоды въ приспособленіи къ старшимъ, какъ бы махаетъ на все рукою и является уже въ настоящемъ своемъ видѣ. Только подъ опасеніемъ нака-

занія, онъ исполняетъ требованія окружающихъ, а все, за что онъ, по своему мнѣнію, наказанію не подвергнется, онъ не исполняетъ. Онъ отдѣливается, гдѣ только возможно, самую беззащитную ложью, говоря часто неправду съ совершенно невиннымъ и откровеннымъ видомъ, а иногда даже безъ всякой нужды. Подозрѣваемый или даже уличенный во лжи, онъ никогда не сознается, въ особенности если не предвидитъ наказанія. Всѣми средствами, а иногда и рядомъ небылицъ, онъ старается оправдаться и если ничего не помогаетъ, то, заливаясь слезами, онъ горько будетъ жаловаться на несправедливость и пристрастное отношеніе къ нему окружающихъ. Ложь составляетъ вообще характеристичное явленіе у такого ребенка. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется только личною выгодною и совершенно безучастенъ къ требованіямъ или страданіямъ другихъ, даже самыхъ близкихъ ему лицъ. Только что увидѣвъ страданія и мученія, причиненныя имъ другимъ, онъ можетъ спокойно заснуть безмятежнымъ сномъ, какъ будто онъ тутъ не причемъ. Онъ ни къ кому и ни къ чему не привязанъ и даже охотно мѣняетъ свои связи и условія жизни, гдѣ при новой обстановкѣ и людяхъ опять пользуется прежними выгодами и является любимымъ ребенкомъ. Если новые окружающіе его люди окажутся добрыми, мягкими и не настойчивыми, то онъ будетъ высказывать замѣчательную самоувѣренность; оказывается, что онъ все знаетъ, онъ будетъ учить даже взрослыхъ и всегда пользоваться ими для своей выгоды; вскорѣ онъ такъ безпрекословно и увѣренно будетъ всѣмъ распорядиться, что сдѣлается властелиномъ и тираномъ окружающихъ, причемъ всегда будетъ отличаться своею требовательностью и жестокостью. Ни малѣйшей скромности или деликатности у него нѣтъ; онъ знаетъ, какъ уже сказано, только свою выгоду и исключительно ею руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ. Привязанность его къ другому можетъ выразиться только въ томъ видѣ, что онъ не даетъ чужому сдѣлать что-либо невыгодное этому близкому лицу или что нибудь взять у него, причемъ самъ вскорѣ можетъ нанести этому же лицу гораздо большій вредъ, если это для него будетъ выгодно.

Между товарищами онъ всегда нелюбимъ: часто онъ еще находитъ себѣ приверженцевъ въ забитыхъ мягкихъ дѣтяхъ, которыми онъ распоряжается по своему, обыкновенно одѣляя ихъ имъ же принадлежащимъ имуществомъ, или же заставляя ихъ дѣлать и отвѣчать за себя. Эта «жила» или «листочка» въ классѣ всегда преслѣдуется всѣми остальными учениками. Онъ всегда отличается своимъ хвастовствомъ и жестокостью въ отношеніи слабыхъ и низшихъ, лестью и трусостью въ отношеніи сильныхъ и старшихъ. Клевета, сплетня, наговоръ, доносы, ложь дѣлаютъ его, какъ невозможнымъ товарищемъ, такъ и вообще невозможнымъ сожителемъ.

Если такого ребенка исключать изъ школы за лѣность и другія подобныя качества, или если школа на него вообще мало повлияла, то онъ является въ обществѣ либо съ виѣшнимъ видомъ кроткаго благотворителя и страдальца, разыгрывающаго роль отца и благодѣтеля, либо въ видѣ ханжи—этихъ вредныхъ паразитовъ общества, не пропускающихъ, однако, ни одного выгоднаго для себя случая, чтобъ не воспользоваться имъ,—либо въ видѣ тѣхъ нахальныхъ и самоувѣренныхъ людей, для которыхъ нѣтъ ничего святого, и которые знаютъ только личную свою выгоду и удовлетвореніе своихъ животныхъ стремленій и потребностей.

Теперь, спрашивается, какимъ же образомъ могъ развиваться такой типъ въ семьѣ и дойти еще виѣ школы до такихъ установившихся формъ, какъ это мы иногда видимъ? Какія условія могли породить такого ребенка, какую связь и значеніе имѣютъ всѣ эти явленія, которыя у него наблюдаются?

Случаи, гдѣ можно было прослѣдить за условіями, при которыхъ такіа дѣти росли до появленія ихъ въ школѣ, даютъ возможность предположить, что развитію такого типа болѣе всего способствуютъ: ложь и лицемеріе со стороны старшихъ, окружающихъ ребенка, чисто практическое направленіе домашней жизни, постоянный мелкій расчетъ и стремленіе къ легкой наживѣ, отсутствіе всякой заботы о дѣтяхъ, оставленныхъ на собственномъ ихъ попеченіи или на произволъ судьбы; всякая ложь и лицемеріе, требуемыя отъ дѣтей, а также соблюденіе различныхъ виѣш-

нихъ обрядовъ, значеніе которыхъ неизвѣстно ребенку или даже недоступно его пониманію; отсутствіе условій, возбуждающихъ вниманіе ребенка и вызывающихъ его на размышленіе, или даже стараніе окружающихъ отстранить такіа разсужденія; удовлетвореніе тѣхъ желаній ребенка, исполненія которыхъ онъ стремится достигъ ласкою, смиреннымъ видомъ и просьбою; участіе ребенка во всевозможныхъ расчетахъ и развлеченіяхъ взрослого, напр. карты, угощенія, попойка и т. д.; требованіе только внѣшняго приличія въ выраженіяхъ и въ разговорѣ съ другими при общей распушенности всего окружающаго ребенка и его постоянного присутствія при всѣхъ оргіяхъ и сужденіяхъ, совершенно недоступныхъ его пониманію, почему онъ и усваиваетъ себѣ только одни выраженія и фразы. Вообще всѣ тѣ случаи, гдѣ ничто не возбуждаетъ ребенка къ мышленію и гдѣ онъ окруженъ ложью и лицемѣріемъ, въ какомъ бы то ни было видѣ. Ребенокъ, то остающійся безъ всякаго призрѣнія и вниманія, то принимающій участіе въ расчетахъ и развлеченіяхъ взрослыхъ, научается цѣнить эти послѣднія, потому уже старается прибѣгать ко всевозможнымъ приемамъ, чтобы только ими пользоваться.

Прослѣдимъ теперь всю связь между этими условіями и явленіями, замѣчаемыми у ребенка впоследствии, при появленіи его въ школѣ.

При объективномъ наблюденіи за новорожденнымъ, легко убѣдиться, что у него существуютъ только безобразныя рефлекторныя явленія въ вышеприведенномъ смыслѣ и что у него нѣтъ ни единого, такъ называемаго опытно-рефлекторнаго явленія. Мы послѣ еще остановимся надъ этимъ вопросомъ и разберемъ его въ частности. Изъ всѣхъ этихъ хаотическихъ движеній младенецъ очень быстро начинаетъ выдѣлять движенія, удовлетворяющія или удаляющія причины, вызвавшія эти рефлекторныя явленія. Наблюдая безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, не трудно убѣдиться, что новорожденный не умѣетъ сосать, но что онъ очень быстро пріучается къ этому, выдѣляя изъ хаотическихъ движеній тѣ, которыя подъ вліяніемъ болѣе непосредственнаго раздраженія, вслѣдствіе соприкосновенія съ соскомъ и истекающимъ оттуда молокомъ, скорѣе удовлетворяютъ причину раздраженія. Младе-

нецъ первоначально совершенно не въ состояннн приспособить свои руки къ захватыванію или удерживанію предметовъ, но соприкосновеніемъ съ ними онъ скоро выдѣляетъ болѣе цѣлесообразныя движенія и вскорѣ въ состояннн захватывать и удерживать напр. грудь при сосаннн. Во всѣхъ этихъ явленняхъ еще не участвуютъ сознательныя центры, это ничто другое, какъ цѣлесообразныя рефлeкторныя явлення, выдѣленныя изъ хаотическихъ движеній, на основаннн болѣе частаго изолированнн движеній, вызываемыхъ непосредственнымъ раздраженіемъ или иначе говоря— на основаннн опыта.

Впослѣдствнн, при всѣхъ быстрыхъ, сильныхъ и случайныхъ раздраженняхъ или впечатлѣнняхъ, появляются и повторяются именно эти опытно-рефлeкторныя или, какъ ихъ иначе называютъ, инстинктивныя движенія. Далѣе, уже со времени явлення рѣчи, младенецъ, подѣ влияннемъ слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣннн, начинаеть повторять, имитировать замѣчаемыя имъ явлення, переходя при этомъ отъ самыхъ простыхъ и однородныхъ къ болѣе сложнымъ явленнямъ. При разборѣ нормальнаго типа мы прослѣдимъ въ частности всѣ эти явлення. Изъ этихъ имитационныхъ дѣйствій онъ опять же очень быстро усваиваетъ себѣ и чаще повторяеть тѣ, которыя легче и выгоднѣе для него, т. е. скорѣе удовлетворяють его ощущеннямъ. Если при этомъ онъ подвергается прибавочнымъ, болѣе сложнымъ раздраженнямъ или впечатлѣннямъ, которыя удовлетворяють тѣмъ или другимъ ощущеннямъ его, то безъ этихъ раздраженій онъ уже не такъ скоро успокоится, а для его успокоеннн придется не только повторять эти раздраження, но какъ мы увидимъ послѣ, даже постоянно увеличивать ихъ. Качайте однообразно младенца, чтобы скорѣе его усыпить, произносите или пойте съ этою цѣлью самыя однообразныя звуки, прнучите его къ этому, и онъ потомъ не будетъ засыпать иначе. Однообразнн качаннн и звуковъ скорѣе утомить его (гипнотизируетъ) и онъ уже затѣмъ безъ этого прибавочнаго раздраженнн (безъ этой папироски у взрослого) уже не заснетъ. Если взять молоко матери, прибавить къ нему сахару и напоить младенца, то послѣ этого онъ откажется сосать грудь и можетъ быть принужденъ къ этому только голодомъ.

Періодъ имитационный продолжается у ребенка довольно долго и въ это время устанавливаются главныя его привычки и способъ его дѣйствій. Оставленный безъ вниманія, онъ не получаетъ никакого разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, на которые натывается, а они обыкновенно являются у дѣтей въ большомъ количествѣ, а поэтому не пріучается задумываться и разсуждать о нихъ. Первоначально онъ плачемъ старается достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей, но когда видитъ, что это приводитъ его только къ непріятнымъ для него ощущеніямъ, и что ему скорѣе удастся достигнуть такого удовлетворенія ласкою или выпрашиваніемъ, онъ, на основаніи своего опыта, вскорѣ постоянно прибѣгаетъ къ такимъ дѣйствіямъ. Если онъ кромѣ того видитъ, какъ окружающіе его при людяхъ говорятъ одно, а при немъ другое, при чемъ иногда даже хвастаютъ ловкимъ достиженіемъ своей выгоды, то все это легко имъ усваивается и имитируется. Обыкновенно даже предполагаютъ, что ребенка можно и обмануть — вѣдь онъ глупъ, не разберетъ. Между тѣмъ какъ различіе правды и неправды у него слагается именно такимъ образомъ, что онъ пріучается провѣрять слышанное имъ съ видимымъ и осязаемымъ. Если ему говорятъ, что «мамы» нѣтъ дома, а онъ случайно увидитъ ее, то онъ при первомъ удобномъ случаѣ, если ему что не понравится, заявитъ, что его самого нѣтъ дома. Чѣмъ чаще его обманываютъ, и чѣмъ болѣе онъ встрѣчаетъ въ семьѣ разладъ слова съ дѣломъ, тѣмъ менѣе выясняются для него признаки правды и тѣмъ легче онъ начинаетъ говорить то, что ему выгоднѣе. Необходимо твердо помнить, что ребенокъ первоначально только и знаетъ впечатлѣнія, получаемыя органами его чувствъ, онъ только имъ и повинуется и дѣйствуетъ исключительно на основаніи этихъ чисто реальныхъ впечатлѣній. Отъ ребенка имѣютъ обыкновеніе все скрывать, но если онъ видитъ, что окружающіе пользуются чѣмъ нибудь, а ему не даютъ, то онъ при первомъ же удобномъ случаѣ непременно присвоитъ интересную для него вещь, разъ она плохо лежитъ, и затѣмъ во всякомъ подобномъ случаѣ не приминетъ повторить то же самое. Будучи пойманъ въ своихъ проступкахъ и за это наказанъ, онъ опять же на опытъ видитъ, что необходимо быть осторожнѣе и что выгоднѣе пользо-

ваться всякимъ случаемъ такъ, чтобы не видѣли и не знали; онъ старается быть умникомъ и пользуется удобными случаями осторожнѣе, болѣе скрытно. Наказаніе не можетъ выяснитъ ему объективность правды, оно только покажетъ ему, что не попадаться — добро, а попадаться — зло, и имѣя возможность сдѣлать кому нибудь зло, онъ именно такъ и поступитъ, какъ съ нимъ поступали при наказаніи. Мнѣ приходилось видѣть семейство, гдѣ мать очень не охотно занималась и слѣдила за своими дѣтьми, которыхъ у нея было не мало. Дѣти терпѣли голодь и всякія недостатки, то вдругъ, напротивъ, ихъ надѣляли всякими лакомствами и прихотливыми игрушками. Въ особенности охотно держали ихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ они могли дѣлать, что хотѣли. Если они тамъ ужь слишкомъ разшумятся, то наиболѣе шумливыхъ раздѣвали совѣмъ и клали въ постель, гдѣ имъ предоставлялось кричать до тѣхъ поръ, пока не заснутъ; если же это не помогало и крикъ продолжался, то подносили ребенка къ водопроводу и обливали его голову водой прямо изъ-подъ крана, хотя бы это было зимой. Дѣти знали часто всѣ счеты и расчеты матери и даже иногда принимали участіе въ совѣтахъ, какъ бы добыть то или другое болѣе легкимъ способомъ, пользовались также подарками, приносимыми по временамъ матери, и всегда охотно у каждаго все просили и выпрашивали. Совершенно безчувственная и въ сущности безучастная мать часто хвастала передъ дѣтьми своимъ будущимъ богатствомъ и состояніемъ. Дѣти ея отъ 5 до 14 лѣтняго возраста представляютъ хара́ктеристичные лицемѣрные типы, съ которыхъ можно было бы прямо списывать всѣ черты этого типа.

Всматриваясь и спокойно наблюдая за всѣми дѣйствіями лицемѣрнаго ребенка, легко убѣдиться, что дѣйствія его, большею частію, опытно-рефлекторныя. Онъ рѣшительно ни надъ чѣмъ не останавливается и не задумывается, а дѣйствуетъ большею частію непосредственно, порывисто, случайно. При всякой возможности онъ прямо старается присвоить себѣ болѣе блестящія вещи съ рѣзкими цвѣтами, — вообще все, что производитъ болѣе сильное и пріятное впечатлѣніе на его зрѣніе и вкусъ; если же этого сдѣлать нельзя, то онъ возьметъ ихъ тайкомъ. Пойманный, онъ от-

дасть назадъ взятую вещь и будетъ сильно горевать, плакать; скажетъ, что брать безъ спроса и вообще чужое — нехорошо, и общается никогда болѣе такъ не поступать; его горе и раскаяніе будутъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ знаетъ на основаніи опыта, что этимъ минуется наказаніе; но потомъ тутъ же, рядомъ онъ поступитъ опять совершенно также. Если же онъ не опасается никакихъ наказаній, то даже пойманный онъ ни за что не признается въ своей винѣ и будетъ настойчиво доказывать, что онъ тутъ не при чемъ, противорѣча при этомъ на каждомъ шагу. При простомъ подозрѣніи онъ обидится и разыграетъ самую трогательную сцену, стараясь доказать, что его оскорбили ни на чемъ неоснованнымъ и несправедливымъ подозрѣніемъ. Все это онъ дѣлаетъ безъ всякаго дурного замысла, безъ сознанія или, лучше сказать, безъ пониманія своего поступка, а между тѣмъ постоянно вводитъ окружающихъ въ заблужденіе. Сосредоточивать свое вниманіе, мысленно разбирать какой либо предметъ или явленіе онъ положительно не въ состояніи и опять же легко вводитъ въ заблужденіе своего учителя тѣмъ, что запоминая слова и главныя части предшествовавшего объясненія или чтенія, онъ ихъ повторяетъ даже въ такой формѣ и въ такомъ оборотѣ, какъ ихъ слышалъ. Онъ скоро усваиваетъ себѣ внѣшніе приемы и на основаніи ихъ рѣшаетъ данныя ему задачи, но стоитъ только видоизмѣнить вопросъ, потребовать выясненія связи и значенія производимыхъ имъ дѣйствій и онъ будетъ не въ состояніи сдѣлать это. Поэтому такой ребенокъ, то радуется своего учителя хороши~~мъ~~ исполненіемъ или рѣшеніемъ постановленнаго вопроса, то приводитъ его въ ужасъ глубиною своего незнанія. Легко усваивая вообще внѣшнія проявленія, онъ можетъ достигнуть нѣкотораго успѣха въ ремеслахъ и искусствахъ, но и здѣсь онъ въ состояніи только повторять и имитировать, да и то безъ всякой настойчивости. Представить кого либо, вообще все видѣнное имъ, онъ можетъ очень точно, иногда до мелочей. При разговорѣ онъ не охотно останавливается надъ какимъ нибудь однимъ явленіемъ,—въ это время онъ отводитъ глаза то въ ту, то въ другую сторону, какъ бы отыскивая новыхъ впечатлѣній; при этомъ онъ не пропускаетъ ничего, что общается ему какою нибудь выгоду.

Поэтому у такихъ дѣтей, въ особенности уже у взрослыхъ, глаза постоянно подвижны, постоянно бѣгаютъ и очень рѣдко смотрять въ лицо говорящаго съ ними. Явленіе очень характерное для этого типа.

Память у ребенка лицемѣрнаго типа относительно слабо развита; онъ нисколько не привыкъ сосредоточивать свое вниманіе надъ получаемыми впечатлѣніями, чтобы болѣе основательно усвоить ихъ себѣ; онъ усваиваетъ главнымъ образомъ то, что сильнѣе дѣйствуетъ, и то, что легче дается по разнообразію впечатлѣній. Область отвлеченныхъ идей лежитъ за предѣлами прямыхъ впечатлѣній, отъ которыхъ она отдѣлена настойчивымъ трудомъ, развивающимъ въ насъ способность комбинировать и разъединять реальныя представленія и обогащающимъ насъ знаніями; далѣе, еще болѣе упорная работа разума, которой мы достигаемъ возможности подвергать строгому анализу и синтезу наши знанія и ихъ результаты, вводитъ уже насъ въ область отвлеченныхъ понятій и идей. Здѣсь, слѣдовательно, долженъ уже происходить сложный психическій процессъ, къ которому лица этого типа тѣмъ менѣе способны, что даже и надъ прямыми впечатлѣніями, какъ сказано выше, они не въ состояніи сосредоточить свое вниманіе. Не рѣдко приходится видѣть взрослыхъ, которые изъ чтенія литературныхъ произведеній выносятъ только внѣшнія реальныя формы этихъ произведеній и совершенно неспособны уловить общіе типы выведенныхъ лицъ или идей, лежащія въ ихъ основаніи. Поэтому они не въ состояніи найти этотъ же типъ, эту же идею въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ ¹⁾.

¹⁾ Насколько внѣшняя обрядность можетъ совершенно замѣнять внутренній смыслъ явленій, можно убѣдиться изъ наблюдений надъ жизнью нѣкоторыхъ народовъ, какъ напр. китайцевъ, гдѣ существуютъ на всякій возможный случай готовыя молитвы, которыя поражаютъ своею реальностью и отсутствіемъ всякой отвлеченной идеи. Въ подтвержденіе приведу здѣсь образецъ такихъ молитвъ. При брачномъ обрядѣ у нихъ существуетъ слѣдующая форма молитвы. (Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. С.-Петербургъ. 1857 г. т. III). „Такого-то года, мѣсяца и числа, такой-то сынъ или внукъ осмѣливается откровенно донести такому-то умершему предку о важнѣйшемъ обрядѣ брачнаго союза, составляющемъ единственный источникъ для поддержанія нашего потомства. Мой родной сынъ, по имени такой-то

О нравственныхъ качествахъ даже молодаго человѣка лице-
мѣрнаго типа и говорить нечего. Идеаловъ у него нѣтъ, къ пони-
манію идеи правды и любви онъ не подготовленъ, у него нѣтъ
вѣры и вообще ничего святаго. Сдерживать его можетъ только
физическая сила и боль, чего онъ болѣе всего опасается, передъ
чѣмъ преклоняется и даже унижается. Какъ эгоистъ, знающій
только свою выгоду, такой ребенокъ не гостепріименъ; онъ можетъ
только угостить на счетъ другого, да и то только тогда, когда
уже вполнѣ удовлетворилъ самого себя. Привязанности—ни къ
кому; при удаленіи его изъ родной семьи нельзя замѣтить даже
признака грусти, въ особенности если существуетъ надежда на
жизнь при болѣе выгодныхъ условіяхъ. Ему чужды чувство ува-
женія и исполненія долга, какъ и вообще всякое глубокое и ис-
реннее чувство. Это, впрочемъ, составляетъ прямое послѣдствіе
уже раньше разобранныхъ его качествъ, его отношенія къ правдѣ,
къ добру и злу.

Теперь спрашивается, можно ли винить такого ребенка? Можно
ли винить мать или тѣхъ лицъ, въ семьѣ которыхъ онъ выросъ?

Понятно, что нельзя: ребенокъ можетъ вырасти при данныхъ
условіяхъ, прожить весь свой вѣкъ и умереть, не отдавши себѣ
никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Мало того, такія лица
всегда очень увѣрены въ своихъ дѣйствіяхъ и очень довольны со-
бой. Такъ проходитъ вся ихъ жизнь, исключительно животная и
всегда вредная человѣческому обществу. Мать или лица, въ средѣ ко-
торыхъ ребенокъ выросъ, во всякомъ случаѣ недѣйствовали вполнѣ
сознательно. Ихъ точно также нельзя винить, какъ какую нибудь
крысу, которая можетъ или вскормить, или же съѣсть своихъ
собственныхъ крысятъ. По крайней мѣрѣ, болѣе продолжитель-
ныя наблюденія обыкновенно показываютъ, что кромѣ поверх-
ностнаго внѣшняго отношенія матери къ своимъ дѣтямъ здѣсь

вступилъ такого-то числа въ законный бракъ и его молодую жену, по имени
такую-то, осмѣливаюсь представить при семь на возрѣніе предковъ. Благого-
вѣнно умоляю обратить на нее милостивое вниманіе и благословить ее сча-
стьемъ и долголетствіемъ, хранить ея домъ и родственниковъ и возвеедлить ее
видѣніемъ многочисленнѣйшаго потомства, о чемъ смиренно доношу“.

Этого образчика, я полагаю, будетъ достаточно.

нѣтъ ничего другого. Еслибы такія лица не были бы такъ трусливы, то они, задушивъ другого, спали бы спокойнымъ сномъ.

Горе, если взрослые съ установившимся лицемѣрнымъ типомъ займутся школьнымъ дѣломъ или воспитаніемъ дѣтей. Въ святое дѣло вводится ложь, внѣшность, безграничная самоувѣренность и нахальство. Мнѣ приходилось наблюдать подобныхъ представителей школы. Кругомъ была ложь, хлопотали только о внѣшнемъ эффектѣ и о томъ, чтобы спрятать концы тамъ, гдѣ дѣло и слово расходятся. Но такъ какъ лицемѣрный типъ плохо умѣетъ даже хоронить концы, то понятно они вездѣ выступаютъ, и стоитъ только объективно и тщательно всмотрѣться, чтобы найти ихъ. У такихъ людей всѣ явленія и дѣйствія рефлекторныя, имитационныя и опытно-рефлекторныя,—собственныхъ мыслей у нихъ отыскать трудно, а понятій и слѣдовъ нѣтъ. Я здѣсь не касаюсь сознательнаго лицемѣрія, синонимомъ котораго иногда является дипломатія или іезуитизмъ; это не имѣетъ отношенія къ школьнымъ типамъ и семейному воспитанію.

Наказаніе и преслѣдованіе ребенка-лицемѣра сдѣлаетъ его забитымъ и совершенно апатичнымъ. Исключать его изъ учебнаго заведенія, значитъ лишать его именно того, что для него нужно, такъ какъ только школа и можетъ дать условія для его переработки. Педагогъ, лишающій такого ребенка образованія, отказывается отъ исполненія болѣе трудной задачи, требующей только большаго анализа, сдержанности и настойчивости. Въ такихъ-то случаяхъ и необходимо его вліяніе, иначе онъ только покажетъ незнаніе и непониманіе своихъ обязанностей и своего дѣла.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что характеристическіе признаки ребенка лицемѣрнаго типа будутъ: непривычка разсуждать, ложь во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, способность улавливать внѣшнюю сторону предметовъ и явленій, отсутствіе какихъ либо серьезныхъ чувствованій и понятія о правдѣ, исключительное соблюденіе личной выгоды. Дѣйствія его преимущественно опытно-рефлекторныя (инстинктивныя) и имитационныя, направленные исключительно къ удовлетворенію минутнаго требованія и къ достиженію всего того, что на основаніи опыта оказывается выгодно въ отношеніи животныхъ его потребностей.

2. Честолюбивый типъ.

Дѣти этого типа всегда отличаются вѣншимъ своимъ видомъ, выраженіемъ чувства собственнаго достоинства, что можно замѣтить при первомъ ихъ появленіи въ школѣ. Обыкновенно чистый и опрятный, ребенокъ смотритъ прямо, увѣренно, спокойно при-сматриваясь къ окружающему и не выскакивая впередъ. Онъ внимательно слѣдитъ за всѣми дѣйствіями учителя и наставника, стараясь не пропустить ни единого ихъ объясненія или замѣчанія. Онъ спокойно представляетъ лицемѣру лѣзть впередъ и охотнѣе выражаетъ свое желаніе отвѣтить тогда, когда другіе не могли или же не выказывали намѣренія отвѣчать. Сначала онъ очень остороженъ и сдержанъ и прежде, чѣмъ отвѣтить, старается побольше и поточнѣе распросить, при чемъ охотно выражаетъ свои сомнѣнія въ вѣрности сказаннаго. Ребенокъ постоянно сосредоточенъ надъ разъясненіями учителя, почти исключительно занятъ ученіемъ, хотя при случаѣ не прочь показать, что знаетъ свое дѣло, что все это легко ему дается. Поэтому онъ рѣдко занимается при другихъ въ классѣ; у него по возможности все рассчитано и приготовлено заранее. Онъ можетъ настойчиво заниматься и готовиться наединѣ, чтобы потомъ блистать при всѣхъ. Если онъ чего нибудь не умѣетъ дѣлать или не знаетъ, то наотрѣзъ откажется отъ исполненія обращенныхъ къ нему требованій и сдѣлаетъ или рѣшитъ только то, къ чему успѣлъ приготовиться такъ какъ сильнѣе всего онъ желаетъ отличиться и не быть простымъ смертнымъ. Къ товарищамъ онъ также сначала обращается съ вопросами, при чемъ старается выказать свои знанія, затѣмъ относится къ нимъ поощрительно, охотно рѣшая для нихъ болѣе трудные вопросы и задачи, если его просятъ объ этомъ. Всякая неудача приноситъ такому ребенку много горя, которое онъ не скоро забываетъ и которое въ началѣ совершенно лишаетъ его энергіи; но вскорѣ онъ снова и даже съ большимъ рвеніемъ берется за занятіе, всякими мѣрами стараясь исправить дѣло, отличиться передъ товарищами и ни въ какомъ случаѣ не уступить соперникамъ. Похвала и отличіе составляютъ наибольшее его

удовольствіе, и онъ, сіяющій, съ торжествующимъ видомъ, осматриваетъ всѣхъ окружающихъ, какъ бы утѣшаясь ихъ слабостью и невѣжествомъ. При спорахъ онъ неохотно соглашается съ мнѣніемъ другихъ и не легко отступаетъ отъ своего. Замѣчаній и въ особенности порицаній не терпитъ и не забываетъ, часто сильно реагируя на нихъ. Мнѣ приходилось наблюдать одну уже взрослую дѣвицу, которой стоило только сказать, что она не знаетъ или не умѣетъ хорошо сдѣлать то или другое, чтобы вызвать у нея горячія слезы, довести до безсонныхъ ночей и заставить избѣгать всякихъ встрѣчъ съ своимъ оскорбителемъ; такимъ образомъ можно было сдѣлаться даже вѣчнымъ ея врагомъ. Если же замѣчанія были сдѣланы въ рѣзкой формѣ и при чужихъ, то могли бы превратить друга во врага съ полною невозможностью восстановить добрыя отношенія; оскорбленіе же или наказаніе, особенно если въ нихъ существуетъ хотя бы тѣнь несправедливости, можетъ заставить его совершенно бросить дѣло, впасть въ полную апатію и даже дойти до самоубійства. Мститъ онъ обыкновенно страстно, всегда довольный неудачею противника. Главное стремленіе такого ребенка отличиться, быть первымъ въ своемъ классѣ и распоряжаться другими. Товарищи сначала хорошо относятся къ такимъ ученикамъ, а затѣмъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ отъ него удаляются. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ ихъ иногда обожаютъ. Въ играхъ такія дѣти стараются по возможности распоряжаться и любятъ, чтобы ихъ выбирали въ распорядители и судьи. Однако они не годятся для этой роли, такъ какъ относятся обыкновенно пристрастно къ своимъ противникамъ и вообще ко всѣмъ непризнающимъ ихъ первенства. Они часто образуютъ партіи и враждуютъ съ лицами лицемѣрнаго типа, но впрочемъ скоро ихъ одолеваютъ, такъ какъ послѣдніе не особенно стойки.

Они охотно занимаются музыкою, искусствами и живописью, въ особенности, когда есть какой либо успѣхъ и когда они видятъ, какія оваціи приходятся на долю артистовъ.

Одна четырнадцатилѣтняя дѣвочка, умѣвшая еще быть стеровенной, признавалась мнѣ, что она занимается музыкой главнымъ образомъ для того, чтобы давать впослѣдствіи концерты съ воз-

можно большимъ успѣхомъ; что она и теперь охотно ѣздитъ въ оперу и въ концерты и при этомъ всегда сильно аплодируетъ, мысленно представляя себя на мѣстѣ артиста. Она была первою ученицею въ классѣ и съ большимъ удовольствіемъ всегда говорила о тѣхъ наградахъ, которыя надѣялась получить при выходѣ изъ учрежденія.

Они рѣшительны, чувствуютъ сильно и легко увлекаются всѣмъ, что содѣйствуетъ ихъ прославленію или униженію ихъ противниковъ, не признающихъ ихъ достоинствъ и преимуществъ. Ихъ идеаль—сила, могущество и властолюбіе. Какъ хорошіе ученики, они пользуются всегда различными льготами, что, понятно, дѣйствуетъ на товарищескія отношенія. Они любятъ, чтобы при общихъ дѣлахъ, если это не испортитъ ихъ репутаціи, ихъ выбирали ходоками передъ начальствомъ; они могутъ быть, впрочемъ, и героями, но только при надеждѣ на славу. Вообще же они хорошіе исполнители, но самостоятельно примѣнять своихъ знаній они не умѣютъ. Мало по малу они сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность только надъ тѣмъ дѣломъ, которымъ думаютъ отличиться, забываютъ все и всѣхъ вокругъ себя и, развившись въ полный типъ, уже не останавливаются ни передъ какими средствами для достиженія своей цѣли. Соперниковъ не терпятъ и всѣми мѣрами удаляютъ ихъ, а если возможно, то и уничтожаютъ; для большаго контраста они окружаютъ себя забытыми типами или даже лицомѣрами. Обыкновенныхъ смертныхъ они вообще мало цѣнятъ и пользуются ими по возможности для выполнения своихъ замысловъ и потребностей. По достиженіи же своей цѣли, они оставляютъ ихъ безъ всякаго вниманія.

Становясь взрослымъ и являясь общественнымъ дѣтелемъ, честолюбецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть внѣшне-дѣловымъ, исполнительнымъ, знающимъ человѣкомъ, всегда отличающимся самоувѣренностью, отсутствіемъ оригинальности и творческихъ идей. Это—хорошій буржуа, дѣйствующій по расчету и высоко цѣнящій свою дѣятельность: онъ живетъ для себя и въ свое удовольствіе и отвлеченными идеалами не занимается. Дальнѣйшее развитіе этого типа достаточно выяснено и воспроизведено въ литературѣ, такъ что надъ этимъ останавливаться нечего.

При какихъ же условіяхъ развивается этотъ типъ?

Честолюбивый типъ развивается, повидимому, при двухъ различныхъ условіяхъ: во 1-хъ) вслѣдствіе соревнованія; это собственно будетъ болѣе чистый типъ; во 2-хъ) вслѣдствіе постоянныхъ похвалъ и восхищенія достоинствами ребенка. Понятно, что и послѣдствія будутъ различны, смотря по тому, при какомъ изъ этихъ условій ребенокъ выросъ.

Въ одной и той же семьѣ иногда встрѣчаются дѣти совершенно различнаго типа, что легко выяснитъ себѣ при объективномъ наблюденіи. Одного ребенка мать ласкаетъ, постоянно предупреждаетъ всѣ его желанія и требованія и не можетъ наглядѣться на него; между тѣмъ, какъ другого своего ребенка она оставляетъ совершенно безъ вниманія, не преслѣдуя его, но и не заботясь особенно о его благосостояніи и только удовлетворяя главныя его требованія; наконецъ, въ третьемъ ребенкѣ мать видитъ только одни дурныя качества; его она не только оставляетъ безъ вниманія, но даже либо удаляетъ по возможности дальше отъ себя, либо заставляетъ развлекать и исполнять желанія своего любимца. При такихъ условіяхъ могутъ явиться три типа, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Первый ребенокъ можетъ быть честолюбивымъ или мягкимъ забитымъ типомъ, второй — честолюбивымъ, а третій — злостно-забитымъ. Второй ребенокъ будетъ честолюбиваго типа въ томъ случаѣ, если его не стѣсняють, не преслѣдуютъ, но только меньше обращаютъ на него вниманія, причѣмъ превозносятъ или восхваляютъ умственные и физическія качества перваго. Что же касается этого перваго, то, если ему предоставляютъ нѣкоторую свободу и не предупреждаютъ всякое его движеніе, всякое желаніе, а только восхищаются его способностями, умственными и физическими его качествами, то и изъ него разовьется честолюбивый типъ, только нѣсколько отличающійся отъ втораго. Этотъ ребенокъ будетъ честолюбивымъ вслѣдствіе постоянныхъ восхищеній и восхваленій, а второй — вслѣдствіе соревнованія. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что первый изъ нихъ, хотя мягче и добрѣе, но за то болѣе избалованъ и менѣе устойчивъ, между тѣмъ, какъ второй — будетъ расчетливымъ и холоднымъ ребенкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ настоя-

чивымъ и постояннымъ, жадно и внимательно слѣдящимъ за дѣйствіями и успѣхами своихъ соперниковъ и товарищей. Собственно различіе это наблюдается болѣе при поступленіи ребенка въ школу; впоследствии оно сглаживается и образуется вышеописанный характерный типъ, который можетъ развиться до Шекспировскаго «Макбета». Второй типъ чаще встрѣчается въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а первый — въ женскихъ, причемъ въ послѣднихъ нерѣдко обращаютъ преимущественное вниманіе на красоту и внѣшнія формы.

Въ семьѣ первый типъ является ея «кумиромъ или божкомъ»; на немъ сосредоточено все вниманіе, имъ восторгаются, его превозносятъ, выражаясь картинно, носятъ на рукахъ и видятъ въ немъ будущаго генія. Что же касается ребенка, развивающагося подъ вліяніемъ соревнованія, то о немъ обыкновенно говорятъ, что онъ умникъ и не пропадетъ, что о немъ нечего и хлопотать, онъ самъ себѣ проложитъ дорогу, или мать гордится и хвастаетъ имъ; но все же на него не молятся и не восторгаются имъ. Такой видъ можетъ развиться въ семьѣ и безъ присутствія другого ребенка, если имъ рано начали заниматься, за всякій успѣхъ — будетъ ли то въ наукахъ или искусствахъ — щедро хвалили, награждали подарками и отличіями и ставили въ примѣръ другимъ дѣтямъ; при этомъ, однако, необходимо то условіе, чтобы все это дѣлалось безъ страстности и увлеченія, чтобы ограничивались болѣе внѣшнимъ признаніемъ его достоинствъ, внѣшнимъ поощреніемъ; если нѣтъ поощреній, въ видѣ отличій или наградъ, то нѣтъ и стараній со стороны ребенка. Точно также и первый видъ этого типа можетъ быть единственнымъ ребенкомъ въ семьѣ, но только страстная, увлекающаяся или просто безтолковая мать или родители восхваляютъ и восторгаются своимъ ребенкомъ, во всѣхъ его проявленіяхъ и дѣйствіяхъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Особенно чистымъ и рѣзкимъ является честолюбивый типъ, когда ребенокъ развивается въ соревнованіи и борьбѣ съ неблагоприятными условіями жизни, съ бѣдностью, съ лишениями, не забывающими, однако, въ нихъ энергіи къ своимъ занятіямъ, гдѣ является желаніе при помощи настойчивой работы

выйти изъ своей среды, добиться отличія отъ другихъ, а впоследствии земныхъ благъ и почестей.

Постараемся теперь выяснитъ связь между тотчасъ приведенными условіями и типичными явленіями, наблюдаемыми у ребенка при появленіи его въ школь.

Мы сейчасъ видѣли, что условія для развитія честолюбиваго типа могутъ быть различныя, но не трудно замѣтить въ нихъ и общія черты — это постоянное возбужденіе ребенка къ занятіямъ либо соревнованіемъ, либо словеснымъ или матеріальнымъ поощреніемъ его. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ возбуждаютъ у ребенка чувства, которыя и подстрекаютъ его къ занятіямъ — это главная характеристическая черта, замѣчаемая при развитіи честолюбиваго типа. Чтобы понять то, что происходитъ у такого ребенка, стоитъ только вспомнить, какія чувства являются у человѣка, какъ скоро ему что либо особенно удалось и онъ увѣренъ въ предстоящемъ успѣхѣ; тогда онъ предвкушаетъ тѣ плоды, которые надѣется собрать и возвыситься надъ всѣми окружающими. Чувствованіе это, при благоприятныхъ условіяхъ, сильно растетъ и, наконецъ, до такой степени завладѣваетъ нами, что освободиться или справиться съ нимъ намъ обаяется уже не подъ силу. Ребенокъ, окруженный лицами занятыми, направленный матерью, или, наконецъ, возбужденный успѣхами другого ребенка, обыкновенно начинаетъ учиться очень рано, въ особенности онъ начинаетъ рано запоминать различныя стихи и басни, содержаніе которыхъ ему часто совершенно непонятно, за что его не мало хвалятъ, заставляя его при каждомъ случаѣ повторять заученное. Подарки, отличія поощряютъ еще болѣе къ настойчивому заучиванію, чтобы поразить своими знаніями и блеснуть передъ другими. Чрезмѣрное количество приобретаемыхъ знаній не позволяетъ ему спокойно останавливаться надъ ними и, по возможности, обсудить и обдумать ихъ; онъ старается главнымъ образомъ усвоить все памятью, чтобы лучше и тверже владѣть тѣмъ, что даетъ ему похвалу и удивленіе. Успѣхъ, отличіе, подарки возбуждаютъ его и вызываютъ у него чувства, подстрекающія его къ дальнѣйшей дѣятельности. Вскорѣ онъ старается, при каждомъ случаѣ, не только показать свои знанія, но

также и то, что они даются ему легко и что онъ все усваиваетъ безъ труда. Поэтому онъ наединѣ старается усердно заучивать то, что ему нужно, а при другихъ казаться бездѣйствующимъ, но знающимъ. Убѣдившись въ своихъ успѣхахъ и преимуществѣхъ предъ другими, онъ при случаѣ охотно начинаетъ ихъ поучать и относиться къ нимъ поощрительно, вскорѣ даже и высокомерно. Заучиваніе развиваетъ въ ребенкѣ память; онъ не останавливается надъ усвоеннымъ, не перевариваетъ его и не разсуждаетъ надъ нимъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ слѣдитъ за всякимъ поученіемъ и объясненіемъ учителя и воспитателя, стараясь запомнить всякое слово, все имъ сказанное. Онъ не приучается примѣнять на дѣлѣ усвоенное памятью и поэтому только имитируетъ внѣшніе приемы, рѣчь, выраженіе лица, все то, что замѣчаетъ у лицъ, признаваемыхъ имъ авторитетными. Важность и внѣшняя недоступность родителя или учителя очень скоро усваивается имъ и выражается даже въ болѣе рѣзкихъ формахъ.

Понятно, что разсуждающая умная мать или учитель не будутъ поощрять зазубриваніе ребенка, не будутъ возбуждать его къ дѣятельности и занятіямъ подарками, отличіями и т. п. искусственными мѣрами; не имѣя, однако, дѣла съ такими лицами и видя вокругъ себя субъектовъ, усвоившихъ себѣ неестественно-гордую внѣшность и надутую чванливость, ему по необходимости приходится имитировать этихъ знающихъ, но не всегда понимающихъ лицъ. Научная интеллигентная часть общества, какъ напр.: профессора, учителя, артисты, художники, ученые техники и т. д. даютъ обильный контингентъ представителей этого типа; они обыкновенно своими «знаніями» и проложили себѣ путь; они развили своими усидчивыми специальными занятіями свою память и вмѣстѣ съ этимъ усвоили себѣ также опредѣленный внѣшній видъ и осанку. Онъ не ходитъ, не смотритъ и не говоритъ, какъ простой смертный, и всѣми внѣшними проявленіями всегда старается показать свою мудрость и превосходство надо всѣмъ окружающимъ. Типъ ученаго и учителя, взятый главнымъ образомъ у нѣмцевъ, такъ рѣзокъ и характеренъ, что опредѣлить его и узнать не трудно. Стоитъ прослѣдить за офицеромъ, только что произведеннымъ, за молодымъ ученымъ, полу-

чившимъ званіе профессора или возвышеннымъ въ дѣйствительный чинъ, чтобы замѣтить, какъ онъ чувствуетъ себя неловко, какъ онъ первое время пыжится и усиленно старается придать себѣ опредѣленную осанку, пока не приметъ надлежащаго вида внѣшности, соотвѣтствующей извѣстному типу, не усвоить манеры соотвѣтствующей его новому положенію. Здѣсь вполне приѣмливо то общее основаніе, которое имѣетъ значеніе при мимикѣ лица и вообще при всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ человѣка и которое состоитъ въ томъ, «что всякое впечатлѣніе или раздраженіе естественнo переходитъ либо въ умственную дѣятельность, либо въ непосредственное мышечное сокращеніе».

То, что мы видимъ и всегда можемъ прослѣдить надъ этими взрослыми, мы встрѣчаемъ и у дѣтей, которыя ихъ именно и имитируютъ.

Только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи мственной дѣятельности прокладываются соотвѣтственные пути къ извѣстнымъ центрамъ, и такимъ образомъ вырабатывается способность разсужденія; тогда мы получаемъ возможность, такъ сказать, переваривать свои впечатлѣнія, чувствованія и мысли и имитационную дѣятельность замѣняемъ самостоятельную творческую, являющуюся уже результатомъ дѣятельности разума. Разсуждая, разбирая или анализируя появившееся чувствованіе своего превосходства, убѣждаемся въ субъективности и обманчивости этого чувствованія и не поддаемся его вліянію, — напротивъ, яже видимъ все несоотвѣтствіе между своею дѣятельностью и отличіями, которыми пользуемся. Мы можемъ убѣдиться при всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, что чѣмъ большую умственную работу вызываютъ всѣ вліяющія на насъ впечатлѣнія и чувствованія, появляющіяся у насъ, тѣмъ меньше мы будемъ имитировать и тѣмъ слѣдовательно, самостоятельнѣе, вѣрнѣе и справедливѣе будутъ наши дѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ отличаться меньшею внѣшностью и большею простотою. Мы еще возвратимся къ этому при выясненіи нормальнаго типа. Воспитатель, всего менѣе знакомый съ своимъ дѣломъ, совершенно не понимающій ребенка и руководствующійся только простою формулою: «бди да жарь», всегда отличается своею мудрою внѣшностью и напускною серьез-

ностью, которая и имитируется ребенкомъ въ особенности, если онъ только внимательно слѣдитъ и быстро, такъ сказать, безъ разсужденія перенимаетъ всѣ дѣйствія наставника. Ребенокъ, который привыкъ разсуждать, не поддается такимъ чувствованіямъ, если они развиты въ немъ въ такой степени, съ которой онъ въ состояніи еще справиться. Но и въ послѣднемъ случаѣ они, какъ мы это увидимъ послѣ, вызываютъ у него отрицательныя дѣйствія; онъ просто отвергаетъ всякое отличіе и похвалу, убѣгаетъ и прячется отъ нихъ. Слѣдовательно, всѣ внѣшніе приемы, появляющіеся у честолюбиваго ребенка, будутъ непременно имитационныя — заученныя; замѣчаемыя у него опрятность и аккуратность опять же объясняются либо желаніемъ обратить на себя вниманіе окружающихъ, или отличиться отъ другихъ и также заслужить признаніе и вознагражденіе отъ старшихъ, либо просто имитацией.

Измѣните условія, въ которыхъ находился ребенокъ честолюбиваго типа, отнеситесь къ нему совершенно одинаково, какъ ко всѣмъ другимъ, не отличайте ничѣмъ, не давайте никакихъ подарковъ, наградъ, не восхваляйте его, и онъ перестанетъ заниматься по прежнему и можетъ сдѣлаться совершенно апатичнымъ, неряшливымъ и бездѣятельнымъ ученикомъ. То, что говорено о чувствованіи своего превосходства или величія, относится вообще ко всѣмъ другимъ возбуждаемымъ у него однороднымъ чувствованіямъ, т. е. такимъ, которыя развиваются исключительно подъ вліяніемъ однихъ опредѣленныхъ условій. Тоже самое апатичное состояніе мы встрѣчаемъ и въ томъ случаѣ, когда дѣтей очень рано подвергаютъ довольно сильнымъ впечатлѣніямъ, возятъ по различнымъ странамъ, одѣваютъ ихъ въ самые разнообразные и по возможности разноцвѣтные, яркіе и блестящіе костюмы; послѣднее особенно часто мы видимъ по отношенію къ дѣвочкамъ. Ихъ берутъ на вечера, балы, въ театры или устраиваютъ для нихъ особенно шумные спектакли. Окружаютъ ихъ всевозможною роскошью, даютъ имъ лучшія блюда, сласти, всевозможныя напитки и т. д. Слѣдовательно искусственно возбуждаютъ у ребенка различныя чувствованія всѣми возможными средствами и впечатлѣніями. Необходимо однакожь помнить, что вся-

кое чувствованіе, развитое у насъ, требуетъ для своего возбужденія все большее и большее раздраженіе, ибо на основаніи твердо-установленнаго психо-физиологическаго закона «возбужденіе растетъ въ геометрической прогрессіи раздраженія, или оно пропорціонально логарифму раздраженія»¹⁾. То, что сегодня произвело извѣстное опредѣленное чувствованіе, завтра вѣствуетъ уже слабѣе; поэтому необходимо возвысить раздраженіе, даже для того только, чтобы поддержать прежній эффектъ. То повышеніе раздраженія пріятно возбуждаетъ насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываемое имъ чувствованіе способно мало по малу перейти въ страсть и напослѣдокъ такъ завладѣть нами, что всѣ наши стремленія и желанія будутъ сосредоточены надъ возбужденіемъ и удовлетвореніемъ его. Если мы напр. будемъ качать ребенка въ люлькѣ съ тѣмъ, чтобы усыпить его, то въ скоромъ времени онъ такъ привыкаетъ къ этому, что иначе не можетъ заснуть; затѣмъ и этого становится мало — его приходится уже брать на руки и качать еще сильнѣе, чтобы добиться прежняго результата. Я зналъ одну барыню, которая сначала имѣла скромную привычку супруга помѣщицы Коробочки, — любила, чтобы горничныя чесали ей пятки, вскорѣ это уже ее не удовлетворяло, мало по малу пришлось увеличивать поверхность раздраженія, а затѣмъ силу его: отъ чесанія перешли къ растиранію и наконецъ дошли до того, что наняли двухъ здоровенныхъ мужиковъ, которые содержались на хорошихъ харчахъ и исключительно заняты были которыми состояло въ растираніи крѣпкими щетками различныхъ поверхностей тѣла. Чувствованіе развивалось, росло и дошло до такихъ размѣровъ, что требовались самыя сильныя мѣры для поддержанія и болѣе сильнаго его возбужденія, безъ чего потребность въ удовлетвореніи его была такъ сильна, что не давала покоя и заставляла отъсѣсаться съ крайнимъ раздраженіемъ ко всему окружающему. Для нормальныхъ физиологическихъ ея отпращиваній требовались непременно искусственныя, сильныя возбужденія.

¹⁾ См. W. Wundt. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig 1874 г. стр. 314.

Еще мнѣ пришлось встрѣтить одну 9-ти-лѣтнюю дѣвочку, родители которой чуть не молились на нее; они уже успѣли побывать съ ней почти во всей западной Европѣ, показать ей всевозможныя рѣдкости и художественныя произведенія, возили ее въ театры, на балы и на различные спектакли. Она говорила наизусть стихи и якобы импровизировала, а отецъ, восхищаясь ею, записывалъ за ней эти импровизаціи. Она принимала участіе въ живыхъ картинахъ и различныхъ фантастическихъ представленіяхъ. Чтобы отпраздновать день ея рожденія, иллюминировали особенно изящно домъ въ деревнѣ, гдѣ они тогда жили, а она съ балкона, въ фантастическомъ костюмѣ, при освѣщеніи бенгальскими огнями, въ присутствіи всей деревни, декламировала и импровизировала стихи. Родители сдѣлали все, чтобы удовлетворить и развеселить своего кумира, — между тѣмъ этотъ молодой кумиръ, подъ конецъ торжества, обращается къ своей матери съ грустнымъ восклицаніемъ: «какъ все это скучно!» Когда ее привели въ школу, то она часто убѣгала изъ класса, гдѣ шли уроки, и со слезами на глазахъ говорила мнѣ, что не можетъ дѣлать все такъ, какъ другіе, и только тогда пойдетъ въ классъ, когда научится всему тамъ требуемому. Она не въ состояніи была написать нѣсколько словъ подъ рядъ и уже на второмъ или третьемъ словѣ нетерпѣливо ставила черточки или просто проводила волнообразную линію. Сосредоточить на нѣкоторое время свое вниманіе она положительно была не въ состояніи.

Этотъ несчастный ребенокъ часто доходилъ до галлюцинацій. Въ другомъ случаѣ страстная мать ревновала дѣтей ко всѣмъ даже къ отцу и развила чувствованія своего сына до того, что онъ совершенно не былъ годенъ къ занятіямъ; молодой человекъ въ состояніи былъ сосредоточиться надъ какимъ-либо дѣломъ; него являлись галлюцинаціи; онъ ни въ чемъ не рѣшался пить и ѣсть, такъ какъ у него сейчасъ же являлись различныя ощущенія и потребности со стороны органовъ выдѣленія, требовавшія немедленнаго удовлетворенія, ибо онъ совершенно не могъ противостоятъ имъ; между тѣмъ самыя тщательныя изслѣдованія всѣхъ этихъ органовъ не показывали никакихъ матерьяльныхъ измѣненій. Онъ не былъ въ состояніи воздерживаться въ какомъ

бы то ни было отношеніи: часто онъ принимался за самый тяжелый физическій трудъ, желая довести себя до крайняго утомленія и избавиться такимъ образомъ отъ гнетущихъ его чувствованій. При всемъ этомъ онъ предполагалъ, что нѣтъ такого сознательнаго цѣнителя искусствъ, какъ онъ. — Наконецъ еще я имѣлъ случай прослѣдить за двумя дѣтьми, которыхъ повезли за границу для воспитанія. Въ заграничныхъ, въ особенности французскихъ, женскихъ пансіонахъ стараются развить въ особенности чувствованія ребенка; для этого его вводятъ по возможности въ фантастическій поэтический міръ; изученіе исторіи состоитъ въ восхищеніи героическими поступками такихъ лицъ, предъ силою и могуществомъ которыхъ все преклонялось. Въ литературѣ все тоже преклоненіе передъ силою ума и страсти. Вмѣстѣ съ тѣмъ ребенка, въ особенности дѣвочку, еще въ до школьномъ періодѣ, такъ начинаютъ тамъ различными обычаями, обрядами и приличіями, что сильныя средства, примѣняемые школою, не такъ рѣзко вліяютъ на мало впечатлительную и часто апатичную ученицу, развивая развѣ только нѣкоторую романическую мечтательность. На болѣе впечатлительныхъ дѣтей такія школы должны вліять, понятно, гораздо сильнѣе, что въ данномъ случаѣ вполнѣ и подтвердилось. По возвращеніи на родину, одна изъ дѣвочекъ является страстною поклонницею Цезаря и въ особенности Наполеона; ея комната была украшена бюстами и портретами послѣдняго, окруженными вѣнками изъ иммортелей; противъ этихъ личностей, ея «идеаловъ», при ней никто не смѣлъ и заикаться. Вольтеръ, Дидро, Шекспиръ были самые любимые и почти единственно чтимые писатели. Грубый Гоголь, по ея мнѣнію, былъ просто отвратителенъ и циниченъ. Встрѣтивъ въ деревнѣ пастушку, она была поражена отсутствіемъ въ ней поэтическихъ стремленій и интереса къ своему дѣлу. Она старалась доказать пастушкѣ, что въ такомъ случаѣ ей слѣдовало бы лучше всего отказаться отъ своего дѣла. Она мечтала только о славѣ и блестящихъ успѣхахъ на драматическомъ или какомъ либо другомъ поприщѣ. Отсутствіе всего этого и первыя неудачи привели ее къ самоубійству. Другая дѣвочка знаетъ только себя и со слезами на глазахъ по

чти галлюцинируетъ о предстоящихъ шумныхъ и всемірныхъ оваціяхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ развившееся чувствованіе вполне завладѣло людьми и всѣ стремленія у нихъ направлены только къ его удовлетворенію. Всѣ отправления въ организмъ какъ бы понижаются безъ извѣстнаго прибавочнаго стимула. Безъ него положительная апатія дѣлаетъ человѣка совершенно негоднымъ къ какой либо дѣятельности. Описанная мною выше молодая дѣвушка, кончившая жизнь самоубійствомъ, занималась однажды со мною переводомъ, но была разсѣяна и никакъ не могла сосредоточиться, такъ что дѣло у насъ совсѣмъ не шло. Я выразилъ ей свое удивленіе, что она такъ плохо владѣетъ собой и не можетъ сдѣлать такую для нея простую вещь. Ей это было неприятно и она заявила, что сейчасъ дѣло пойдетъ хорошо, — взяла красный колпакъ, надѣла его на лампу, такъ что въ комнатѣ получился довольно рѣзкій, красный свѣтъ, и работа пошла успѣшно. Требовался слѣдовательно прибавочный стимулъ, чтобы исполнить извѣстное дѣло; она объясняла это особенною страстностью своего темперамента, ибо чтобы лучше заниматься, какъ она сама говорила, она всегда прибѣгала къ какимъ либо яркимъ цвѣтамъ или блестящимъ предметамъ.

Историческіе факты указываютъ намъ на совершенно то же явленіе и у извѣстныхъ народовъ. Когда богатства и роскошь Римской Имперіи стали принимать все большіе размѣры и различные авантюристы и честолюбцы желали привлечь на свою сторону возможно большее число голосовъ, то они старались вліять на большинство гражданъ различными пріятными развлеченіями, возбуждающими ихъ и выводящими изъ того апатическаго состоянія, въ которомъ они находились. Для развлечения гражданъ возводили грандіозныя постройки и здѣсь давали самыя невѣроятныя представленія, все болѣе и болѣе возбуждающія чувствованія присутствующихъ. Сначала простыя военныя игры удовлетворяли зрителей; затѣмъ требованіе все большаго и большаго эффекта превратило ихъ мало по малу въ настоящую бойню, которая стоила жизни многимъ людямъ. Затѣмъ начались травли животныхъ — львовъ, слоновъ, тигровъ, медвѣдей, волковъ, которыхъ

собирали сотнями изъ различныхъ частей свѣта, чтобы устраивать между ними травлю или выпускать ихъ на борьбу съ людьми для удовольствія зрителей. Объ Августѣ, пишутъ, что онъ съ этою цѣлью собиралъ въ circus flaminius до тридцати шести крокодиловъ: Калигула якобы набиралъ до четырехъ сотъ львовъ и такое же число другихъ дикихъ звѣрей. Для публичнаго зрѣлища выводили на арену цирка приговоренныхъ къ борьбѣ съ дикими животными (*ad bestios damnati*).

Выраженіе *christianos ad leones* сдѣлалось поговоркою. Но всего этого было еще мало: явились гладіаторы, исключительнымъ занятіемъ которыхъ была подготовка къ тому, чтобы красиво умереть: такія публичныя убійства подносились народу въ видѣ дара (*Munera gladiatoria*), чтобы добыть расположеніе большинства. Народъ наконецъ впалъ въ такую апатію, что для возбужденія только и можно было предложить ему такія страшныя зрѣлища; онъ самъ страстно желалъ и требовалъ только «*panem et circenses*». Это было передъ полнымъ распаденіемъ Римской Имперіи.

Уже у 8—9 лѣтнихъ дѣтей, приводимыхъ въ школу, приходится встрѣчать лица съ рѣзко выраженнымъ честолюбивымъ типомъ. Нужда, неудачи, борьба съ неблагоприятными условіями содѣйствуютъ тому, что при соревнованіи чувствованіе ребенка болѣе сосредоточивается надъ однимъ — надъ сознаніемъ своего превосходства, но за то оно тѣмъ интенсивнѣе, рѣзче и страстнѣе. Мы видимъ тогда холоднаго, расчетливаго, самоувѣреннаго эгоиста, жадно слѣдящаго за удовлетвореніемъ своего чувстваванія, переходящаго въ страсть и даже въ идеи величія. При восхваленіи, поощреніи и мягкой доброй обстановкѣ, и ребенокъ является болѣе мягкимъ, съ большимъ участіемъ и вниманіемъ относящимся къ окружающимъ; однакоже, мало-по-малу чувствованіе своего величія завладѣваетъ все болѣе ребенкомъ и онъ начинаетъ также холодно и эгоистично относиться къ людямъ. Въ первомъ случаѣ чувствованія какъ будто интенсивнѣе вслѣдствіе рѣзкаго контраста съ другими проявленіями и вслѣдствіе того, что различныя препятствія заставляютъ надъ ними еще болѣе сосредоточиться. Является большая увѣренность въ своей силѣ, въ своемъ превосходствѣ и даже величіи.

Впослѣдствіи могутъ явиться еще и другія чувствованія, которыя завладѣваютъ молодымъ человѣкомъ такъ, что онъ не въ состояніи имъ противодѣйствовать и страстно предается имъ всѣмъ своимъ существомъ, такъ, напр., половое возбужденіе, переходящее или въ онанизмъ, или въ половую страсть; употребленіе наркотическихъ веществъ въ видѣ курева или питья; увеличенное количественное или качественное удовольствованіе чувства голода и т. д. Всѣ эти чувствованія, доведенныя до страсти, лишаютъ человѣка возможности сознательно относиться къ своей дѣятельности, дѣлаютъ его слѣпымъ и глухимъ ко всѣмъ остальнымъ жизненнымъ интересамъ, кромѣ величій своего чувствованія, которыя владѣютъ имъ, какъ деспотъ своимъ рабомъ. Изъ отправленій нервной системы извѣстенъ фактъ, что если вслѣдствіе раздраженія периферическаго конца какой-либо вѣтви перваго ствола появятся болевыя ощущенія, то они исчезаютъ при болѣе сильномъ раздраженіи концевъ другой вѣтви того же ствола. Такъ, напр., боль зубовъ нижней челюсти можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ совершенно исчезнуть, если раздражать кожу височной области больной стороны. Увеличенное раздраженіе какъ будто притупляетъ всякую проводимость ко всѣмъ остальнымъ проводникамъ даннаго ствола. При этомъ мы, однакожь, видимъ, что если сегодня боли исчезли, благодаря раздраженію въ другомъ мѣстѣ горчичникомъ, то завтра для достиженія той же цѣли необходимо употребленіе болѣе сильнаго агента и вскорѣ такимъ образомъ мы можемъ дойти до каленаго желѣза. Обобщая этотъ фактъ и примѣняя его къ чувствованіямъ, мы видимъ совершенно тѣ же явленія. Всѣ они очень важны при воспитаніи, поэтому къ выясненію ихъ мы должны относиться по возможности объективно. Къ нимъ придется еще часто возвращаться, и я постараюсь доказать, что здѣсь часто впадаютъ въ большую ошибку, смѣшивая однородныя «чувствованія» съ «впечатлительностью» или способностью чутко, субъективно воспринимать всѣ вліяющія на насъ представленія, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ ихъ отношеніи, и развивая одно—пагубное, на счетъ другого — въ высшей степени цѣннаго качества человѣка. При

разборѣ нормальнаго типа мы постараемся, по возможности, точнѣе выяснитъ свою мысль.

Мы выше видѣли, что старательнымъ и настойчивымъ учениемъ ребенокъ набираетъ себѣ знанія, запасомъ которыхъ онъ и старается отличиться передъ всѣми товарищами. Быстрымъ, жаднымъ захватываніемъ и усвоеніемъ знаній упражняется память и развиваются главнымъ образомъ вышеприведенные разсудочные центры, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе быстрые и безостановочные отвѣты или рѣшенія различныхъ задачъ требуются отъ воспитанника. Запоминая извѣстныя представленія и мысли, ребенокъ опять передаетъ ихъ въ такомъ же видѣ, какъ усвоилъ самъ. Производимыя имъ дѣйствія или движенія будутъ слѣдовательно также только точнымъ воспроизведеніемъ этихъ представлений. Представленія полученные, благодаря настойчивымъ и повторнымъ усиленнымъ возбужденіямъ, и проникнувшія до сознательныхъ центровъ, порождаютъ здѣсь мысли и чувстваванія, которыя или удерживаются памятью, или же проявляются въ видѣ желанія или хотѣнія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы исключительно видимъ одни разсудочные акты. Вызываемыя ими чувстваванія будутъ пріятныя (удовольствіе) или непріятныя (страданіе); поэтому привычка руководствоваться при нашихъ дѣйствіяхъ своими чувстваваніями заставляеть насъ судить о получаемыхъ впечатлѣніяхъ потому, пріятны или непріятны они для насъ, и соответственно этому поступать. Мы хотимъ, намъ нравится—если пріятно, и наоборотъ. Въ такомъ случаѣ при помощи этого критерія ребенокъ такого типа различаетъ даже добро и зло; пріятно, нравится—добро; непріятно, не нравится — зло. Все тотчасъ сказанное вполне подтверждается при изученіи честолюбиваго типа, въ особенности при появленіи такого ребенка въ школѣ; подобные рѣзкіе типы наблюдаются и при выходѣ изъ школы. Все у нихъ заучено, ничего не провѣрено и не усвоено и поэтому всѣ пріобрѣтенныя знанія не могутъ примѣняться иначе, какъ только шаблонно, по извѣстному способу. Ребенокъ твердо заучиваетъ различные басни, стихи, поученія, правила, названія и числа; онъ пріучается усваивать все памятью, чтобы затѣмъ быстро и отчетливо все вылить наружу. Значеніе привычекъ въ раннемъ возрастѣ

громодно, отдѣлываться отъ нихъ впоследствии очень трудно, а иногда и не посылаемъ взрослому. Настойчивыми упражненіями развивается всего болѣе память, ею воспринимаются самыя сложныя формулы, цѣлыя рѣчи, психологическія правила и философскія ученія. Какъ часто предполагаютъ, что ребенку привили эстетическія чувствованія, если онъ декламируетъ стихи, при чемъ интонируетъ по масштабу и подходящими внѣшними приѣмами усиливаетъ впечатлѣніе. Въ большей части случаевъ это все подмѣчено и заучено, безъ всякаго познаванія выражаемыхъ здѣсь образовъ, безъ всякаго пониманія идеи произведенія, безъ всякаго выясненія причинной связи явленій. «Намъ однажды случилось спорить, говорить Льюисъ¹⁾, съ однимъ химикомъ и мы никакъ не могли убѣдить его, что законъ: каждое событіе имѣетъ свою причину—универсаленъ. Онъ не только считалъ возможнымъ, что на лунѣ дѣло идетъ иначе, но принималъ нашъ аргументъ за бездоказательное предположеніе. Разгадка этой странности заключалась въ томъ, что онъ никогда не читалъ никакихъ метафизическихъ сочиненій и обладалъ слабой способностью мышленія». Это совершенно вѣрно, но такихъ людей мы постоянно встрѣчаемъ. Человѣкъ жадно и настойчиво усвоивающій большія знанія и даже отличающійся краснорѣчивымъ изложеніемъ ихъ, не рѣдко отличается малымъ пониманіемъ и неумѣніемъ примѣнять собранную имъ ученую кладь. Ученый споръ такого человѣка чрезвычайно характеристиченъ, онъ никогда не опровергаетъ мнѣнія противника логическимъ анализомъ и синтезомъ высказанной мысли, а всегда словами различныхъ авторитетовъ, и поражаетъ всегда и всѣхъ изобиліемъ цитатъ и приведеніемъ чужихъ мнѣній. Если у него какія либо идеи дѣйствительно проявляются, то онъ у него также заучены,—чужія, свои же принципы и идеалы у него не выработаны. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ болѣе руководствуется тѣмъ правиломъ, что цѣль оправдываетъ средства. Такія лица бываютъ хорошими компиляторами, очень хорошо реферируютъ чужія работы, но ни самостоятельной критики, ни отвлеченныхъ понятій и истинъ у нихъ нѣтъ. Предположенный въ нихъ гений

¹⁾ Исторія философіи. С.-Петербургъ 1865 г., стр. 690.

такъ и не проявляется, нѣтъ у нихъ никакихъ творческихъ силъ. Въ сущности у нихъ происходятъ главнымъ образомъ сложные рефлекторно-опытные акты. Такія лица собственно компрометируютъ науку, заставляя предполагать, что теорія трудно согласуется съ практикою и не можетъ служить основаніемъ послѣдней.

Руководствуясь чувствованіемъ своего превосходства или даже величія, лицо принадлежащее къ этому типу страстно преслѣдуетъ свои цѣли, расчетливо, эгоистично, какъ будто все существуетъ для него и для его прославленія. Справедливость его формальная и вытекаетъ изъ его чисто внѣшняго отношенія къ истинѣ. Страстный, онъ не останавливается передъ средствами для достиженія своей цѣли и при неудачѣ легко рѣшается на крайнія мѣры.

Сопоставивъ всѣ вышеописанныя проявленія честолюбиваго типа съ приведенными причинами, мы по возможности выяснили себѣ существующую между ними связь. Если мы можемъ быть упустили изъ виду нѣкоторыя явленія, то они, повидимому, составляютъ только необходимыя послѣдствія главныхъ или основныхъ причинъ. Понятно, что здѣсь мы останавливаемся только на разборѣ характеристическихъ явленій даннаго типа и что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ встрѣтимъ индивидуальныя отклоненія, смотря по вліянію, при которомъ ребенокъ выросъ, въ особенности въ первые годы его жизни. Все тотчасъ сказанное еще болѣе выяснится при нашемъ знакомствѣ съ другими типами, а также при выясненіи нормальнаго типа. Переходя къ описанію слѣдующаго типа, я не буду сопоставлять всѣ главныя проявленія честолюбиваго типа; они только что перечислены и находятся въ такой связи между собой, что повторяютъ одно и то же нѣсколько разъ незачѣмъ.

Въ заключеніе я приведу письмо одной изъ моихъ слушательницъ, слѣдившей въ теченіи нѣкотораго времени за представительницами этихъ двухъ различныхъ типовъ: «Прежде всего о Машѣ—честолюбивая дѣвочка. Здѣсь она живетъ въ обществѣ матери, учительницы и многочисленной прислуги. Мать, очень недалекая, но въ высшей степени добрая женщина, положительно боготворитъ ее. Она очень богата и потому доставляетъ дочери

все, что та захочетъ. Страсть первенствовать такъ и проглядываетъ въ каждомъ поступкѣ; и мать, и учительница, и прислуга какъ бы только для того и созданы, чтобы нѣтъ ей о томъ, что она и умна, и богата, и красива, и прелесть какъ играетъ и т. д. Въ играхъ она остается всегда вѣрна себѣ; сіяетъ, когда выигрываетъ, и побѣдоносно на всѣхъ поглядываетъ; совершенно теряетъ энергію при первой неудачѣ. Я помню, вы говорили объ этой чертѣ этого типа. Я имѣла возможность прекрасно наблюдать это въ игрѣ въ крокетъ. Я съ нею составляю обыкновенно одну партію и, такъ какъ играю лучше другихъ, то отъ меня всегда зависитъ выиграть или нѣтъ. И вотъ, когда я дѣлаю правильные удары и на нашей сторонѣ больше шансовъ выиграть, она—вся энергія, играетъ очень старательно и довольно правильно. Но стоитъ только мнѣ дать противникамъ хоть немного обогнать насъ въ игрѣ, какъ молотокъ ея опускается, на лицѣ недовольство, играетъ вяло и неправильно. Вчера я такимъ образомъ три раза мѣняла ея настроеніе. Совершенно не такъ относится къ неудачамъ лицемѣрная Саша. Выигрывая, она очень довольна, играетъ также очень старательно; проигрывая, старается всѣми силами сдѣлать видъ, что это ей все равно, что это только ее забавляетъ. Смѣется, нарочно дѣлаетъ неправильные удары, желая показать, что, если она и проиграла, то потому, что шалила. И смѣхъ, и шалости выходятъ въ высшей степени не естественными. Еще очень характерная черта въ Машѣ—это ея холодность и черствость. Несмотря на то, что всѣ родные очень любятъ ее; она совершенно ни къ кому не привязана. Гостила у нихъ тетка, а также старшій братъ; когда они уѣзжали, то всѣ въ домѣ были печальны, грустны: одна Маша ко всему равнодушна. Да, здѣсь тоже разница между честолюбивой и лицемѣркой. Маша ни къ кому не привязана, и не старается вовсе скрыть этого. Саша тоже черства, но какъ она умѣетъ представиться скорбной, грустной, плачущей! Маша почти никогда не плачетъ, Саша—по нѣсколько разъ въ день».

Добродушный типъ.

Третій основной типъ тоже бываетъ уже очень рѣзко выраженъ при появленіи ребенка въ школѣ. Онъ здѣсь является тихимъ, спокойнымъ ребенкомъ, внимательно слѣдящимъ за всѣми окружающими его явленіями. Всматриваясь въ новую среду, въ которой появился, онъ иногда даже разставитъ ноги, какъ бы для лучшей опоры и раскроетъ ротъ, либо развалится на столъ — все въ созерцаніи всего окружающаго. Онъ не обращаетъ на свою внѣшность никакого вниманія, даже въ отношеніи чистоты, опрятности и цѣлости своей одежды. Сначала онъ вообще мало подвиженъ; внѣшней привѣтливости и ласковыхъ отношеній, а также стремленія чѣмъ либо угодить, отличиться или привлечь на себя вниманіе своего наставника — у него нѣтъ. Напротивъ того, онъ скорѣе навлечетъ на себя неудовольствіе своимъ простымъ, прямымъ и даже иногда неловкимъ обращеніемъ. Онъ не выскакиваетъ впередъ, а, напротивъ, обыкновенно остается въ сторонѣ, молча слѣдя за дѣйствіями другихъ.

Вскорѣ онъ сближается съ своими товарищами и раньше всего съ тѣми, которые, вслѣдствіе суровости своего нрава, неблагоприятной внѣшности или бѣдности, не пользуются вниманіемъ своихъ товарищей и даже преподавателей. Къ послѣднимъ онъ обращается не съ ласками или внѣшними проявленіями нѣжности, а только съ вниманіемъ и участіемъ, привлекая ихъ къ общенію съ другими. При разговорѣ онъ прямо и откровенно смотритъ въ глаза, не стѣсняясь и не сбиваясь въ своей рѣчи. Когда онъ побольше познакомится и сблизится съ своимъ наставникомъ, то оказывается очень разговорчивымъ ребенкомъ, который охотно спрашиваетъ и разсуждаетъ объ окружающихъ явленіяхъ, а въ особенности о нравственныхъ отношеніяхъ людей между собой, какъ будто постоянно провѣряя уже существующее у него въ этомъ отношеніи мнѣніе. У ребенка добродушнаго типа, при появленіи его въ школѣ, часто наблюдается очень искренняя вѣра и религіозность, доходящая иногда до экстаза.

Въ классѣ онъ сначала даже невнимателенъ къ объясненіямъ

и словамъ преподавателя; на него дѣйствуетъ слишкомъ много новыхъ впечатлѣній, съ которыми онъ еще долженъ познакомиться. Мало-по-малу онъ начинаетъ слѣдить за объясненіями учителя съ большимъ вниманіемъ, если только они по слогу и составу соотвѣтствуютъ уровню его пониманія и удовлетворяютъ потребность его къ размышленію; при этихъ условіяхъ интересъ къ занятіямъ растетъ въ немъ больше и больше, по мѣрѣ постепеннаго и послѣдовательнаго увеличенія требуемой для нихъ умственной работы. При обращеніи преподавателя къ классу съ вопросомъ, требующимъ не повторенія сказанныхъ словъ и не припоминанія вычитаннаго изъ книги, а примѣненія какихъ-либо правилъ или формулъ, или же выясненія и разбора тѣхъ или другихъ положеній, онъ часто вѣрнѣе и полнѣе другихъ въ состояніи дать требуемое рѣшеніе; но обыкновенно онъ либо выскажетъ его потихоньку своему сосѣду (который, если лицемѣръ, даже воспользуется этимъ безъ всякаго протеста со стороны автора), либо неловко, безъ всякой внѣшней обработки, выскажетъ его преподавателю, и то неувѣренно и какъ бы съ сомнѣніемъ. Онъ не отличается сильно развитою памятью, но усвоенныя имъ знанія онъ въ состояніи примѣнять на дѣлѣ, ибо всегда разсуждаетъ о тѣхъ фактахъ, съ которыми знакомится. Онъ такъ привыкъ задумываться надъ отдѣльными явленіями, что никогда не отвѣчаетъ вдругъ, а всегда раньше всего присмотрится, поразберетъ вопросъ и тогда уже скажетъ. При объясненіи какого-либо новаго для него явленія, онъ даже скорѣе будетъ отрицать, чѣмъ соглашаться съ даннымъ объясненіемъ, и всѣми мѣрами будетъ стараться или выяснить несостоятельность его или прискать еще и другое объясненіе. Вообще онъ не скоро и не легко сдается на чужія мнѣнія и спорить большой охотникъ, совсѣмъ, конечно, не изъ желанія противорѣчить; напротивъ, онъ руководится только потребностью разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ и, по возможности, придти къ истинному рѣшенію. Онъ постоянно критически относится какъ къ объясненію преподавателя, такъ и ко всѣмъ его дѣйствіямъ, охотно отыскивая въ нихъ смѣшныя стороны и представляя ихъ своимъ товарищамъ. Этотъ смѣхъ отличается, однако, большимъ добродушіемъ, если учитель сколько

нибудь умѣть внушить интересъ къ занятіямъ; ни одной злобной нотки не слышно въ этихъ дружныхъ взрывахъ хохота, среди кучки товарищей, въ центрѣ которыхъ вы видите виновника веселья. Если же преподаватель или наставникъ, вслѣдствіе своей безтактности или неумѣнія вести дѣло, нелюбимъ учениками, тогда добродушный ребенокъ совсѣмъ перестаетъ слѣдить за предметами занятій и все свое вниманіе во время класса отдаетъ наблюденію за промахами и недостатками учителя и внѣ класса жестоко осмѣиваетъ его, причемъ въ этомъ смѣхѣ меньше добродушія—здѣсь можно замѣтить даже оттѣнокъ злаго смѣха, но всегда справедливаго, всегда соотвѣтствующаго истиннымъ качествамъ преподавателя. Провинившись въ чемъ-либо, онъ всегда искренно сознается и ни въ какомъ случаѣ не допустить, чтобы за его грѣхи пострадалъ кто-либо изъ его товарищей. Онъ даже способенъ представить свою погрѣшность съ болѣе невыгодной стороны, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Обвиненный несправедливо, онъ скорѣе промолчитъ, но товарища ни въ какомъ случаѣ не выдастъ; во 1-хъ, потому, что онъ, какъ увидимъ ниже, всегдашній противникъ преслѣдованія, а во 2-хъ, потому, что, въ силу обычныхъ школьныхъ условій, воспитанники почти всегда стоятъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ надзирающимъ за ними. Спрошенный, онъ откровенно отвѣтитъ, что онъ не виноватъ, а если знаетъ истиннаго виновника, то только заявить, что на него не укажетъ. Въ этомъ отношеніи онъ твердъ и послѣдователенъ и поэтому всегда любимъ своими товарищами. Въ случаѣ обвиненія невиннаго или преслѣдованія слабаго, онъ является всегда горячимъ его защитникомъ и этимъ часто навлекаетъ на себя негодованіе и неудовольствіе своихъ наставниковъ. Всякая несправедливость вообще можетъ его возмутить до такой степени, что онъ можетъ мгновенно вспылить и дойти до самыхъ крайнихъ выходокъ, причемъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ выставитъ всю невзрачность и несправедливость поступка. Онъ никакъ не уживается съ ложью и насиліемъ, въ какой бы формѣ они не проявлялись, и, замѣтивъ хотя бы слѣды ихъ, онъ укажетъ на нихъ; или если они относятся только лично къ нему, то отстранится, уйдетъ отъ нихъ. Врагъ лицемѣровъ, онъ однакоже не преслѣдуетъ ихъ си-

стематически, а только разоблачаетъ и удаляется отъ нихъ. На настойчивое и послѣдовательное преслѣдованіе другихъ онъ не способенъ. Лично изъ-за себя онъ никогда никого не преслѣдуетъ, если бы даже ему причинили много неприятностей и страданій. Онъ только отстраняется отъ лицъ, причинившихъ ему такое зло.

Обыкновенно очень добрый и любящій ребенокъ, онъ всегда сильно привязанъ къ матери, къ нянѣ и вообще къ тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ выросъ, и даже къ мѣсту, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство. Онъ относится искренно, откровенно и просто, безъ виѣшной пѣжности ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходится встрѣчаться; никогда не думая о томъ, чтобы показаться лучше, онъ скорѣе выставитъ себя съ невыгодной стороны; это вовсе не противорѣчитъ его искренности и происходитъ отъ его неувѣренности въ своихъ силахъ. У него нѣтъ ни тѣни жадности, не говоря уже о желаніи присвоить себѣ или попользоваться чужимъ добромъ; онъ никогда не ищетъ никакой льготы и выгоды; напротивъ, всегда готовъ всѣмъ подѣлиться и даже отдаетъ лучшую и большую часть, забывая себя и свои нужды. Онъ всегда готовъ оказать посильную помощь и участіе всѣмъ окружающимъ и въ особенности нуждающимся, безъ всякаго предвзятаго намѣренія или расчета; относится онъ такъ исключительно вслѣдствіе своей впечатлительности и отзывчивости, при видѣ страданій и лишеній другихъ людей. Онъ хорошо и мягко относится къ низшимъ и прислуживающимъ, всегда уважая въ нихъ человѣка, равнаго себѣ; поэтому онъ всегда любимъ окружающими, которые остаются преданными и привязанными къ нему въ продолженіи всей жизни. Оставаясь наединѣ, онъ не бездѣйствуетъ и не скучаетъ, а всегда найдетъ себѣ дѣло и занятіе. Онъ охотно слѣдитъ за растеніями и животными, вообще—за окружающимъ его міромъ, и отличается при этомъ большою наблюдательностью: всѣ замѣчаемыя имъ при этомъ явленія служатъ ему богатымъ матеріаломъ для разсужденія. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ дѣлится своими впечатлѣніями съ близкимъ и горячо любимымъ имъ человѣкомъ, добиваясь у него выясненія возникающихъ недоразумѣній. Онъ хорошо знаетъ, чѣмъ можетъ огорчить или сдѣлать неприятное этому лицу, и потому старается избѣгать такихъ дѣйствій. До-

статочно ему убѣдиться въ томъ, что его поступку не будутъ сочувствовать и знать основанія этого несочувствія, чтобы вызвать у него сознаніе неправильнаго или нехорошаго поступка. Эта черта особенно характерна и всегда существуетъ у ребенка добродушнаго типа. Не лаской, не прислуживаніемъ онъ желаетъ исправить свою вину, а полнымъ сознаніемъ, причемъ причину своего проступка онъ непремѣнно находитъ въ себѣ, а никакъ не въ другихъ. Такой ребенокъ требуетъ только, чтобы въ обращеніи съ нимъ всегда относились къ нему съ спокойнымъ разсужденіемъ и выясненіемъ его недостатковъ и проступковъ; требовательность, но справедливая, разумная только возбуждаетъ его энергію.

Если же стѣснять свободу такого ребенка, преслѣдовать его постоянными регламентаціями, напоминаніями, угрозами и наказаніями, заставляя его заучивать уроки и засаживать его за нихъ произвольно, какъ вздумается, требовать безусловнаго повиновенія «безъ разсужденій» — словомъ, если вгонять его въ извѣстный шаблонъ, то онъ можетъ явиться въ видѣ крайне безпокойнаго, невыносимаго ребенка, который уже будетъ стоять на переходной ступени къ злему забитому типу. Онъ невинуется никакимъ мѣрамъ, не поддается никакимъ наказаніямъ, постоянно замѣчаетъ всѣ промахи и слабости своего наставника и выставляетъ ихъ передъ своими товарищами въ самомъ смѣшномъ и преувеличенномъ видѣ. Подвижный, безпокойный, крайне наблюдательный, онъ замѣчаетъ всѣ слабыя стороны своихъ притѣснителей и выставляетъ ихъ въ самомъ карикатурномъ видѣ, бойко и храбро рѣшаясь на всевозможныя выходки и затѣи, даже самаго грубаго характера. При этомъ онъ совершенно бросаетъ свои занятія и, доведенный въ продолженіи довольно долгаго времени различными мѣрами до высшей степени раздраженія, онъ въ состояніи нанести своимъ преслѣдователямъ всевозможныя оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ. Подарки, награды и отличія на него не дѣйствуютъ; онъ обыкновенно не придаетъ имъ ровно никакого значенія, точно также какъ и другимъ матерьяльнымъ выгодамъ и благамъ; поѣтому, онъ понятно и не стремится къ пріобрѣтенію ихъ, въ какомъ бы то нибыло видѣ. Вообще вся внѣшность его совсѣмъ не пользуется его вниманіемъ. Отзвѣчивость къ нуждамъ

другихъ заставляетъ его часто давать имъ больше, чѣмъ это допускаютъ его средства. Существующее у него имущество вообще у него не держится, оно какъ-то исчезаетъ, отчасти вслѣдствіе недостаточной къ нему внимательности, а отчасти всегдашней готовности при всякомъ случаѣ подѣлиться имъ со всѣми окружающими. Это качество, при дальнѣйшемъ развитіи типа, какъ будто даже растетъ, вмѣстѣ съ этимъ такія дѣти впослѣдствіи становятся неподкупными и объективно справедливыми. Откровенный, искренній и правдивый нравъ добродушнаго ребенка рѣзко выказывается въ школьныхъ играхъ и во всѣхъ отношеніяхъ къ товарищамъ. Я имѣлъ достаточно случаевъ наблюдать этотъ типъ у дѣтей, у молодыхъ людей и даже имѣлъ возможность прослѣдить характерныя проявленія его почти въ абсолютныхъ формахъ у взрослыхъ людей. Это лица, не знающія личныхъ выгодъ и интересовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они никогда не будутъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, или ихъ слугами; они служатъ только выработаннымъ ими принципамъ и идеямъ, за которые твердо стоять и часто страдаютъ.

Недостатокъ настойчивости въ дѣйствіяхъ, мягкость и уступчивость права, а иногда просто неподвижность и даже лѣнь дѣлаютъ возможнымъ, что лица такого типа часто недостаточно противодѣйствуютъ злу; но впрочемъ, это замѣчается преимущественно у взрослыхъ и въ томъ случаѣ, если при этомъ страдаютъ одни личные ихъ интересы; въ противномъ случаѣ, разъ убѣдившись во вредѣ, приносимомъ другому лицу или обществу, они сбрасываютъ съ себя свою лѣнь и являются энергичными и сильными борцами за правду. Во всякомъ случаѣ однако лѣнь ихъ болѣе физическая, чѣмъ умственная; послѣдняя при извѣстныхъ условіяхъ можетъ выразиться преобладаніемъ фантазіи, — постройкою всевозможныхъ несбыточныхъ проектовъ и воздушныхъ замковъ; но все жѣ мысль его будетъ постоянно работать. До бездѣйствія, до этой празднои жизни въ области фантазій, человѣка добродушнаго тина чаще всего доводитъ его прямота и честность, не позволяющія ему уживаться съ ложью, нахальствомъ, насиліемъ и съ этой дѣловитостью, единственной цѣлью которой, какъ будто въ силу круговой поруки, стало «урвать бусокъ», а также съ однообразною

или механическою дѣятельностью. Онъ не въ состоянїи мириться съ ними, онъ оставляетъ тогда свою дѣятельность, хотя бы личное его положеніе было однимъ изъ выгодныхъ, и легко дѣлается «лишнимъ человѣкомъ», который безъ матерьяльныхъ средствъ строить планы, проэекты и утоляетъ расходившуюся фантазію употребленіемъ наркотическихъ средствъ.

Въ добродушномъ типѣ мы видимъ истинныя человѣческія проявленія и качества: больше энергіи и настойчивости въ борьбѣ съ препятствіями, вотъ все, что должна дать школа такому ребенку, развивая конечно въ тоже время болѣе и болѣе его свойства.

Этотъ типъ описанъ здѣсь такимъ, какъ мы встрѣчали и наблюдали его въ школѣ; здѣсь можно допустить ошибки въ наблюденіи, которыя конечно должны выясниться дальнѣйшими провѣрками другихъ наблюдателей. Одно можно сказать твердо, — что при его описаніи ничего не дополнено воображеніемъ, картина представлена съ возможно большею объективностью.

Условія, при которыхъ развивается подобный типъ, насколько возможно было прослѣдить ихъ, слѣдующія: тихая, спокойная, въ особенности деревенская жизнь съ самаго рожденія на свѣтъ; любящая добрая мать, или другое близкое ребенку лицо; отсутствіе всякой похвалы и внѣшности дѣйствующей на чувствованіе, а также отсутствіе какихъ либо мѣръ наказанія или преслѣдованія ребенка. Ребенокъ, напротивъ того, пользуется полною свободою; ко всѣмъ его нуждамъ и требованіямъ относятся со вниманіемъ и удовлетворяютъ ихъ насколько это возможно и насколько позволяютъ обстоятельства; въ противномъ случаѣ всегда выясняютъ причину отказа. Ребенокъ никогда не подвергается никакимъ произвольнымъ дѣйствіямъ или насиліямъ; онъ всегда узнаетъ причину тѣхъ требованій, которыя ему ставятъ. Все это дѣлается не по искусственному шаблону, а благодаря добрымъ и простымъ отношеніямъ къ ребенку, благодаря тому, что живутъ жизнью ребенка и изъ участія къ нему невольно выясняютъ всѣ причины своихъ дѣйствій. Необходимыя для этого, отъ окружающихъ его, сдержанность и привычка останавливаться надъ явленіями и ихъ обсужденіемъ, содѣйствуютъ также спокойному выясненію появляющихся у ребенка вопросовъ и сомнѣній. Ему ничего не навя-

зываютъ, не втолковываютъ, не вбиваютъ, а только возможно просто выясняютъ и отвѣчаютъ на его же вопросы; а въ случаѣ незнанія или неумѣнія объяснить—прямо сознаются въ этомъ, не отдѣлываясь отъ ребенка непонятными для него фразами и не прогоняя его просто безъ разсужденія. Мнѣ приходилось видѣть, что при безпечной матери умная, простая и добрая няня воспитывала добродушнаго ребенка; она не баловала его и не бѣгала постоянно за нимъ, а дѣйствительно съ замѣчательною искренностью и вниманіемъ относилась ко всему, что касалось этого ребенка, и ко всѣмъ появляющимся у него вопросамъ. Уже молодымъ человѣкомъ онъ дѣйствительно былъ искренно привязанъ къ своей нянѣ и часто рассказывалъ, какъ они вмѣстѣ выясняли себѣ то, что не удавалось ему одному. Она постоянно слѣдила за каждымъ поступкомъ ребенка и всегда замѣчала ему то, что казалось ей дурнымъ, выясняя почему и въ чемъ она видитъ не хорошее. Слова старухи и въ послѣдствіе имѣли большое вліяніе на молодого человѣка. Къ числу необходимыхъ условій при воспитаніи ребенка добродушнаго типа должно быть отнесено отсутствіе всякихъ искусственныхъ мѣръ, служащихъ для развлечения ребенка, какъ напр., торжественные обѣды, пиршества, балы, театры и т. д. Игры и занятія онъ самъ себѣ отыскиваетъ,—доставляйте только ему для этого все необходимое. Въ случаѣ его собственныхъ заявленій, ему помогаютъ при устройствѣ его занятій и развлеченій. Занятія постепенно увеличиваются соотвѣтственно требованіямъ и понятіямъ ребенка, но никогда его не забрасываютъ непосильнымъ трудомъ и не навязываютъ занятій, не соотвѣтствующихъ степени его развитія; до школьнаго періода ему представляется свободный выборъ ихъ, причемъ всегда съ участіемъ относятся ко всѣмъ его требованіямъ и заявленіямъ. Здѣсь также нѣтъ еще школьной системы—толковое, простое и правдивое отношеніе близкаго человѣка, всегда готоваго помочь и указать необходимое, способствуетъ, повидимому главнымъ образомъ, дальнѣйшему развитію ребенка добродушнаго типа.

Постараемся теперь разсмотрѣть ту связь, которая существуетъ между замѣчаемыми явленіями и приведенными причинами, содѣйствующими развитію добродушнаго типа. Главныя

характеристическія явленія этого типа, какъ мы видѣли, составляетъ вполнѣ сохранныя впечатлительность ко всѣмъ явленіямъ, которымъ онъ подвергается, впечатлительность, не притупленная чрезмѣрнымъ развитіемъ какой-либо одной способности, понижающей и подавляющей ее; привычка внимательно относиться ко всѣмъ этимъ вліяніямъ, и обсуждать ихъ, выясняя возможности ихъ причинную связь, ихъ значеніе, ихъ внутренній смыслъ. Здѣсь слѣдовательно не развивается то одностороннее чувство, которое все усиливается, заглушаетъ всѣ другія проявленія нравственной жизни и доходитъ до страсти, дѣлающейся властелиномъ всѣхъ дѣйствій и поступковъ челоуѣка. Здѣсь также нѣтъ исключительнаго развитія памяти, изоощряемой возможно быстрымъ и упорнымъ усвоеніемъ образовъ, мыслей и заключеній, не освѣщенныхъ самостоятельною критикою ихъ, непонятыхъ, а только воспринятыхъ, и поэтому нѣтъ ни одного имитационнаго воспроизведенія этихъ образовъ. Выше мы говорили, что сильныя и быстро смѣняющіяся впечатлѣнія должны вызвать рефлекторныя явленія. Далѣе упоминалось, что болѣе медленныя, но упорно, настойчиво дѣйствующія впечатлѣнія будутъ возбуждать дѣятельность разсудочныхъ центровъ и вызывать имитационныя дѣйствія. Впечатлѣнія и здѣсь дѣйствуютъ быстро, но все же медленнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, такъ что остаются моменты для разъединенія отдѣльныхъ представленій и субъективныхъ воспріятій ихъ. Съ уменьшеніемъ быстроты смѣны впечатлѣній, при болѣе постепенномъ и послѣдовательномъ ихъ дѣйствіи, дана большая возможность для проявленія дѣятельности центровъ субъективнаго воспріятія, результатами которой является разъединеніе различныхъ впечатлѣній по ихъ степени и качеству, сравненіе и оцѣнка ихъ, что даетъ намъ мысли и знанія. Мы видѣли затѣмъ, что дальнѣйшій психическій актъ вводитъ насъ въ область идей и понятій, въ область разума, построенную на основаніи сравненія мыслей и знаній и вполнѣ точнаго опредѣленія ихъ существеннаго сходства и различія. Слѣдовательно, онъ даетъ намъ пониманіе знаній, а не простое усвоеніе ихъ.

Выше мы также говорили, что здѣсь же, въ области разума, путемъ тѣхъ же методовъ индукціи и дедукціи выясняются об-

ція истины, или ясно сознанныя идеи, строго соответствующія характеру образовъ, лежащихъ въ ихъ основаніи. Разъ постепенная и послѣдовательная умственная работа довела насъ до этого уровня психической жизни, — разъ выработавъ идеи правды и дойдя до истины, мы въ состояніи каждому новому явленію отвѣсти его истинное мѣсто, отвѣчающее его существенному значенію.

Каждое наше дѣйствіе, каждое намѣреніе составляетъ примѣненіе выводовъ изъ общихъ идей къ тѣмъ ясно сознаннымъ образамъ и представленіямъ, которые лежатъ въ ихъ основаніи. Составляя такимъ образомъ проявленіе истины, эти дѣйствія прямо, правдиво и выгодно ведутъ къ достиженію опредѣленной цѣли и потому называются «умными». На этомъ уровнѣ развитія, нашими дѣйствіями и намѣреніями уже не могутъ руководить минутныя выгоды или чувствованія; наши понятія о добрѣ и злѣ тверды, опредѣленны. Мы достигаемъ этого уровня развитія въ томъ случаѣ, когда около насъ есть близкое лицо, къ которому постоянно можно обращаться, которое выясняетъ первые появившіеся у насъ вопросы, разрѣшаетъ наши сомнѣнія и вмѣстѣ съ нами обсуждаетъ и выясняетъ беспокоящія насъ явленія. Кромѣ того мы имѣемъ возможность видѣть и удостовѣриться, что слово и дѣло этого лица всегда согласуются между собой и соответствуютъ чаще всего той правдѣ, которую мы съ нимъ выработали и узнали. Все это глубоко сроднило и тѣсно связало насъ съ нимъ, приучило любить и уважать его, т. е. приучило вмѣстѣ служить идеѣ о правдѣ и по ней цѣнить жизнь. Въ немъ мы можемъ видѣть и слабости, которыя также встрѣчаемъ у себя и у другихъ: искреннее, простое обсужденіе этихъ слабостей показываетъ намъ во всей полнотѣ ихъ причины, которыя въ связи съ остальными свойствами человѣка должны были вызвать именно эти, а не инныя слабости; это заставляетъ насъ осторожно относиться къ слабостямъ другихъ, не дѣлать поспѣшныхъ и можетъ быть ложныхъ заключеній, ждуть возможности полнаго анализа даннаго поступка или личности и все-таки стараться избѣгать ошибокъ въ собственныхъ своихъ дѣйствіяхъ, или иначе говоря, стараться измѣнить условія ихъ развитія. Эти основанія могутъ намъ выя-

снить всю связь, существующую между приведенными выше причинами и проявлениями добродушного типа.

Мирная, простая, въ особенности деревенская жизнь, отсутствіе всякихъ сильныхъ вліяній и впечатлѣній, искреннее участіе и сильное выясненіе появляющихся у ребенка вопросовъ и сомнѣній, возбужденіе его къ возрастающей умственной дѣятельности, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ и тенденціозныхъ направлений, выработка привычнымъ умственнымъ трудомъ понятій объ истинѣ и искреннее служеніе идеямъ, лежащимъ въ основаніи ея — содѣйствуютъ повидимому всего болѣе развитію ребенка добродушного типа. Затѣмъ уже проявленіе всѣхъ послѣдствій этого служенія.

Связь между этими причинами и проявлениями добродушного типа до такой степени ясна, что я укажу только на главные ея черты.

Неизысканная и часто даже неряшливая внѣшность добродушного ребенка вполне выясняется условіями его развитія, при которыхъ ему не приходилось встрѣчаться съ различными украшениями и предметами роскоши, рассчитанными на прибавочное возбужденіе и на привлеченіе такимъ образомъ на себя большаго вниманія. Слѣдовательно, сначала нѣтъ повода къ имитациі, а затѣмъ по мѣрѣ развитія у него способности разсуждать и критически относиться къ различнымъ вліяніямъ, онъ, понятно, менѣе рефлектируетъ и уже поэтому производитъ меньше безцѣльныхъ дѣйствій.

Чуткая впечатлительность и привычка разсуждать неминуемо заставляеть его останавливать свое вниманіе на значеніи окружающихъ явленій, а въ особенности на психическихъ проявленіяхъ, на выясненіи «внутренняго человѣка». Все это отвлекаеть его отъ несущественныхъ внѣшнихъ явленій и отъ удовлетворенія различныхъ чувствованій, которыя и не имѣли возможности развиться.

Наконецъ, выработанныя понятія о правдѣ не позволяютъ ему казаться другимъ, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Отсюда мягкое, гостепріимное и справедливое отношеніе къ другимъ и отсутствіе эгоистическихъ черствыхъ и холодныхъ проявленій.

Не придавая значенія внѣшнимъ отличіямъ и украшеніямъ и не поддерживая удовлетворенія какихъ-либо одностороннихъ чувственныхъ проявленій, мы понятно не преклоняемся передъ матеріальною выгодною, но научаемся твердо стоять за выработанную нами правду и всегда выступать стойкимъ ея защитникомъ. Искренность и правдивость ребенка добродушнаго типа такъ естественна и проста, что нѣтъ никакой возможности сомнѣваться въ ней.

Объективно наблюдая за дѣтьми, занимающимися въ школѣ, нельзя не убѣдиться, что искренняя, никогда не расторгаемая дружба является только между разсуждающими дѣтьми, сходящимися въ понятіяхъ о правдѣ. Между лицемѣрами и честолюбивыми нѣтъ дружбы и не можетъ быть ея. Она можетъ быть только между дѣтьми добродушнаго типа или между ребенкомъ добродушнаго типа и забитаго злостнаго типа; послѣднее впрочемъ при извѣстныхъ условіяхъ, съ которыми мы познакомимся при разборѣ послѣдняго типа, и въ сущности опять же при служеніи идеѣ правды. Всякая другая дружба, основанная на матеріальныхъ выгодахъ и расчетахъ,—временная и проходитъ безъ всякаго слѣда и серьезныхъ послѣдствій. Предположеніе, что у ребенка десяти лѣтъ, при появленіи его въ школѣ, еще не можетъ быть идеи и понятія о правдѣ—не вѣрно. Непосредственныя наблюденія мнѣ показали противное, и я положительно убѣдился въ ихъ существованіи въ самомъ рѣзкомъ и опредѣленномъ видѣ. Мнѣ даже передавали увѣреніе одного учителя народной деревенской школы, что большинство его учениковъ принадлежатъ къ дѣтямъ добродушнаго типа. Подобное увѣреніе очень правдоподобно и согласно съ тѣмъ, что приходится наблюдать въ деревнѣ.

Конечно недостаточно, если условія, необходимыя для развитія этого типа, дѣйствуютъ только въ раннемъ возрастѣ и остаются затѣмъ неизмѣнными; для дальнѣйшаго развитія положительно требуется, чтобы вліянія непремѣнно постепенно и послѣдовательно усиливались и потомъ возбуждали насъ къ большей дѣятельности. Это общій экономическій законъ въ человѣческомъ организмѣ, по которому какъ части, такъ и цѣлое органовъ животной жизни, совершенствуются и прогрессируютъ только при по-

степенно и послѣдовательно увеличивающемся возбужденіи ихъ дѣятельности: въ противномъ случаѣ, онѣ останавливаются въ своемъ развитіи, а затѣмъ подвергаются регрессивному метаморфозу. Всякій непомерный трудъ, легко переходящій за предѣлы дѣятельности этихъ органовъ, легко приведетъ ихъ къ истощенію и обусловитъ болѣзненные явленія. Это мы въ особенности хорошо можемъ изучить надъ отравленіями органовъ движенія, а затѣмъ обобщить и для всѣхъ другихъ органовъ нашего тѣла.

Въ то время, какъ лицемѣрный ребенокъ готовъ увидѣть въ другомъ всѣ возможныя худыя его стороны, добродушный ребенокъ, напротивъ того, непременно сблизится съ преслѣдуемымъ и всегда отыщетъ у каждаго другого лица добрыя и хорошія черты, хотя, какъ сказано выше, замѣтитъ и слабыя стороны; но сильной критикой онъ и то, и другое приведетъ въ стройное цѣлое, опредѣливъ причинную связь, взаимное отношеніе и значеніе всего замѣченнаго. Вотъ поэтому то его смѣхъ, какъ мы говорили, не обижаетъ и не оскорбляетъ, и наоборотъ его теплыя отношенія не льстятъ чувствованіямъ чванливости. При ученіи такой ребенокъ отличается опять же постояннымъ стремленіемъ разсуждать надъ изучаемымъ и усвоивать себѣ понятія о нихъ; онъ можетъ мало знать, но усвоенное онъ всегда въ состояніи примѣнить.

Ребенокъ добродушнаго типа всего нагляднѣе и убѣдительнѣе показываетъ намъ, какъ легко разстроить совершенно его жизнь неумѣлымъ обращеніемъ и требованіями. Онъ привыкъ самъ распорядяться своимъ временемъ и всѣми своими дѣйствіями, медленно и спокойно заниматься дѣломъ. Онъ, наконецъ, исполнялъ все только справедливыя и необходимыя требованія, основательность которыхъ ему всегда выясняли. Можетъ ли ребенокъ послѣ этого вдругъ войти въ жесткія рамки шаблона, выработаннаго въ другой землѣ, для другого типа, живущаго при совершенно другихъ условіяхъ? Можетъ ли онъ вдругъ, безъ всякаго разсужденія, зазубривать всевозможныя знанія только потому, что они требуются по той табели, которая составлена по знакомству со всѣми этими предметами, а не на основаніи пониманія умственного склада ребенка и условій, необходимыхъ для развитія человѣческихъ ка-

чествъ и достоинствъ послѣдняго? Понятно, что все это положительно невозможно и всегда, и вездѣ неминуемо приведетъ только къ извращенію ребенка и къ искорененію лучшихъ его качествъ. Въ такомъ случаѣ мы учимъ ребенка только для того, чтобы запрудить умственные центры знаніями, извергаемыми имъ въ различныхъ случаяхъ, иногда впаздъ, а иногда и нѣтъ; или же только для того, чтобы онъ выдерживалъ экзамены, и никогда не былъ въ состояніи понимать себя и своего ближняго и цѣнить человека во всѣхъ его проявленіяхъ. Изучая организмъ человека, мы твердо убѣждаемся, что всѣ органы центральныхъ отправленій развиваются только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденіи ихъ къ умственной дѣятельности, и если какая либо часть ихъ находится внѣ этого условія, то она подвергнется регрессивному метаморфозу и нарушитъ общую гармонію отправленій организма, нарушитъ цѣлостность проявленія дѣятельности человека, обуславливая въ свою очередь невозможность производить наибольшую работу въ наименьшій промежутокъ времени, что достигается только пониманіемъ идеи явленія и экономіею въ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, какъ двигательной, такъ и растительной. При разборѣ нормальнаго типа, мы постараемся выяснитъ, что ребенокъ рождается на свѣтъ съ опредѣленнымъ темпераментомъ, зависящимъ отъ постройки его сосудистой системы, съ его центральными органами, — что индивидуальность ребенка должна устанавливаться въ семьѣ, до школьнаго періода, развитіемъ мозговыхъ сознательныхъ центровъ. Въ школѣ же онъ долженъ гармонически развивать всѣ свои способности и научиться управлять собой, при чемъ устанавливается его характеръ, развивающійся изъ отношеній волевыхъ отправленій къ чувствованіямъ, зависящимъ отъ проявленія дѣятельности, какъ двигательныхъ аппаратовъ, такъ и органовъ растительной жизни. Повидимому, вопросъ о томъ, чѣмъ руководствоваться при выборѣ предметовъ въ школѣ долженъ бы возникать само собою, что при этомъ можно руководствоваться только послѣдовательностью развитія психическихъ отправленій и условіями, при которыхъ они всего выгоднѣе проявляются. Вѣдь нельзя же предположить, чтобы учитель преподавалъ напр. математику только для знакомства съ

счисленіемъ или для рѣшенія различныхъ практическихъ вопросовъ, или географію—для знанія, гдѣ лежитъ такой-то городъ, протекаетъ такая-то рѣка—(что мы однакожь часто только и видимъ). Познакомившись съ ребенкомъ, мы узнаемъ, что раньше всего, при появленіи его въ школѣ, мы должны научить его изолировать отдѣльныя представленія, знакомить его съ анализомъ и синтезомъ вліяющихъ на него явленій; должны научить его сравненіемъ отдѣльныхъ представленій отдѣлять существенныя изъ нихъ отъ второстепенныхъ; далѣе—слѣдуетъ вести его къ тому, чтобы на основаніи этихъ существенныхъ образовъ или мыслей онъ могъ вырабатывать понятія и идеи, чтобы строгой провѣркой приобретенныхъ имъ знаній, онъ дошелъ до ихъ пониманія, которое дастъ ему возможность находить истину. Наконецъ, уже на основаніи этихъ истинъ, онъ долженъ опредѣлить значеніе тѣхъ явленій, съ которыми встрѣчается. Какъ скоро всѣ необходимыя для этого пути къ психическимъ центрамъ проложены, и мы въ состояніи изъ отвлеченныхъ обобщеній и идей извлечь истины, а на основаніи послѣднихъ понять замѣчаемыя явленія,—какъ скоро мы въ состояніи подчинить всѣ дѣйствія нашимъ волевымъ отправленіямъ,—то въ такомъ случаѣ мы являемся уже зрѣлыми къ борьбѣ людьми.

Средства, которыя мы примѣняемъ для достиженія этой цѣли, могутъ быть, понятно, самыя разнообразныя. Въ древней Греціи примѣняли для этого очень сложный методъ, старались познакомиться непосредственно съ различными проявленіями жизни и разсужденіями о нихъ приготовиться къ знакомству съ нею. Мало провѣренныя разсужденія имѣли очень субъективный характеръ и потому, введеніе различныхъ взаимно-провѣряющихъ методовъ умственного труда должно было содѣйствовать установленію большей объективности при выработкѣ и усвоеніи истинъ.

Изъ сказаннаго ясно, что споръ о томъ, какое образованіе лучше,—совершенно праздный. Лучше то, которое больше развиваетъ разсужденіе, которое ведетъ къ истинѣ. Совершенно непригоденъ въ школѣ методъ образованія, вліяющій исключительно на развитіе одного только разсудка или органа сложныхъ рефлексовъ съ обширною памятью и неумѣніемъ самостоятельно примѣнять собранныя знанія. Преимущество, которое мы даемъ тѣмъ или

другимъ предметамъ, при школьномъ образованіи, тоже обыкновенно не основано на знакомствѣ съ значеніемъ избираемыхъ предметовъ, а на заранѣ составленной табели предметовъ, значеніе которыхъ даже защищаютъ заученными словами и рѣчами и ссылкой на многіе авторитеты, а не спокойной и обстоятельной провѣркою этого значенія. Въ послѣднемъ случаѣ навѣрное бы оказалось, что, какъ древніе языки, такъ и естественныя науки и математика могутъ имѣть несомнѣнное общеобразовательное значеніе и что всѣ они, при извѣстномъ способѣ ихъ примѣненія, забьютъ ребенка и ни въ какомъ случаѣ не будутъ содѣйствовать умственному его развитію. Развѣ не все равно, будетъ ли ребенокъ заучивать совершенно чуждые ему звуки, формы и правила ихъ примѣненія, или же названія всевозможныхъ животныхъ, растеній или ископаемыхъ, ихъ части и отдѣлы, или массу различныхъ математическихъ дѣйствій и формулъ, если при этомъ онъ никогда спокойно не задумывается и не будетъ разсуждать надъ значеніемъ всѣхъ этихъ звуковъ, формъ, формулъ и т. д.— ибо только послѣднимъ путемъ онъ разовьетъ у себя тѣ необходимыя ему человѣческія способности, изъ-за которыхъ онъ явился въ школу. Но кромѣ того педагоги упускаютъ изъ виду еще одно очень важное условіе, несоблюденіе котораго указываетъ на ихъ полное незнакомство съ природою ребенка и съ взаимною связью всѣхъ его отправленій. Мы уже говорили раньше, что для вполнѣ сознательнаго умственнаго акта необходима болѣе продолжительная и настойчивая умственная работа, требующая конечно также продолжительнаго времени. Каждый занимающійся умственною работою изъ собственнаго опыта знаетъ, какъ сильно утомляетъ серьезный однообразный умственный трудъ и что подобныя продолжительныя занятія возможны только либо послѣ долгаго и настойчиваго упражненія, либо при частомъ измѣненіи качества труда, и наконецъ при смѣнѣ умственнаго труда физическимъ. Притомъ же мало образовать умнаго и понимающаго человѣка, необходимо еще, чтобы онъ могъ настойчиво и энергично проявлять свои волевыя функціи и былъ бы въ состояніи твердо держаться выработанныхъ истинъ и принциповъ. Другими словами—научить ребенка владѣть и управлять собой, а также развить его характеръ,—

вотъ несомнѣнная и даже главная задача школы. Слѣдовательно, не утомлять ребенка непосильнымъ умственнымъ трудомъ и помочь ему выработать изъ себя стойкаго, неуклоннаго и энергичнаго борца за свои идеи, за истину—вотъ очень существенныя требованія, которыя однакожь обыкновенно совершенно упускаются изъ виду педагогами и, можетъ быть, даже именно вслѣдствіе того, что они недостаточно изучаютъ природу ребенка. Въ древней классической Греціи воспитатели были болѣе наблюдательны и лучше понимали условія образованія характера ребенка и юноши. Кромѣ бесѣдъ и разсужденій молодыхъ людей (а не зазубриваній) съ наставниками, которые, между прочимъ, помогали воспитанникамъ выяснять значеніе различныхъ проявленій внутренняго міра человѣка, а также явленій окружающей ихъ жизни, тамъ обращали еще полное вниманіе на отношеніе волевыхъ отправленій къ чувствованіямъ, сопровождающимъ отправленія органовъ движеній и растительной жизни. Они приучали молодыхъ людей подчинять волѣ такія сильныя чувствованія, какъ голодъ, жажда, половое возбужденіе и т. д. Въ ихъ гимназіяхъ существовали особенныя помѣщенія для обмыванія тѣла холодною и теплою водою, помѣщенія для различныхъ игръ, бѣга и другихъ физическихъ упражненій. Но они играли не для того, чтобы развлекаться, и упражнялись не для того, чтобы умѣть прыгать, бѣгать, метать и т. д., а для того, чтобы владѣть всѣми движеніями, существующими въ организмѣ, чтобы чутко пользоваться чувствованіями, сопровождающими всѣ эти движенія и даже положенія своего тѣла. Значеніе всѣхъ этихъ занятій оставлено совершенно безъ вниманія современными педагогами, ибо они слишкомъ мало знакомы со связью, существующею между умственною и физическою жизнью молодаго человѣка. Они совершенно и не подозреваютъ, что если не возвышать ностепенно дѣятельности какой-либо части двигательнаго аппарата ребенка, то она отстанетъ въ своемъ развитіи отъ другихъ частей этого аппарата: этимъ нарушится гармонія его дѣятельности и онъ уже не будетъ въ состояніи производить въ наименьшій промежутокъ времени наибольшую работу, при наименьшей затратѣ матеріала. вмѣстѣ съ пониженіемъ дѣятельности, понижается и

обмѣнѣ элементовъ и во всѣхъ другихъ частяхъ и органахъ чело-
вѣческаго тѣла. Не трудно также убѣдиться въ томъ, что, приу-
чая владѣть и управлять различными частями двигательнаго ап-
парата, мы приучаемся также владѣть и управлять тѣми чувство-
ваніями, которыя связаны съ дѣятельностью этого аппарата, и
затѣмъ, приобретенную такимъ образомъ способность переводить
на всѣ свои отправленія. Въ данномъ случаѣ мы только обоб-
щаемъ законъ, лежащій въ основаніи мимики лица, о которомъ
выше мы уже говорили. Если мы вполне понимаемъ внутренней
смыслъ древнихъ языковъ и въ состояніи отдавать себѣ отчетъ
въ развитіи и значеніи всѣхъ его формъ и видоизмѣненій ихъ, то
понятно, мы будемъ также въ состояніи видѣть въ послѣдователь-
номъ развитіи языка развитіе мысли и другихъ высшихъ психи-
ческихъ актовъ, проявленіе которыхъ мы найдемъ въ сочиненіяхъ
философовъ—классиковъ: кромѣ того чтеніе классическихъ произ-
веденій этого языка, при тѣхъ же условіяхъ, при анализѣ выражен-
ныхъ мыслей, можетъ развить у насъ послѣдовательное логическое
мышленіе, затѣмъ уже дополненіе собственныхъ наблюденій по-
могаетъ намъ выработать свои идеалы и принципы. Но знакомство
съ воспитаніемъ и произведеніями Монтеня показываетъ намъ, —
что такимъ путемъ желаемая цѣль почти недостижима. Между тѣмъ,
какъ изученный въ этомъ же смыслѣ родной языкъ, изученіе ма-
тематики или естественныхъ наукъ, основанное на томъ же прин-
ципѣ, можетъ развить у молодаго человѣка, какъ дедуктивный,
такъ и усовершенствованной въ новѣйшемъ времени, индуктивный
методы мышленія, и довести его до истины. Вообще слѣдовало бы
взять только идею образованія у древнихъ, во всѣхъ ея проявле-
ніяхъ, а не откалывать отъ него кусокъ, форму, которую мы заим-
ствовали для нашихъ школъ. Программой послѣднихъ можно раз-
вить только разсудочные, а не разумные центры, да и тѣ мы вмѣстѣ
съ тѣмъ отчасти ослабляемъ неимовернымъ однообразнымъ тру-
домъ организма, вслѣдствіе пониженій общаго обмѣна элементовъ.
Что же касается до развитія стойкости и энергіи, а также умѣнія
владѣть собою, то это вопросы, которые оставлены совершенно въ
сторонѣ; къ физическому развитію вообще относятся даже съ
презрѣніемъ, предполагая, что такимъ грубымъ дѣломъ могутъ

заниматься только одни акробаты и отставные служивые. Все это зависит отъ узкихъ возрѣній и односторонности педагоговъ и отъ ихъ незнанія природы ребенка.

Мы видѣли выше, что ребенокъ добродушнаго типа можетъ явиться въ школѣ въ такомъ безобразномъ видѣ, что его даже исключаютъ оттуда, опасаясь его вреднаго вліянія на товарищей. Въ сущности ребенокъ здѣсь ни приче́мъ, — онъ привыкъ разсуждать, привыкъ къ мягкому, справедливому и прямому обращенію, а методисты вдругъ начинаютъ вколачивать его въ свой шаблонъ, къ которому онъ никакъ не подходитъ, и изъ мягкаго, добраго, разсуждающаго и правдиваго ребенка выходитъ отчаянный человекъ, готовый на самыя крайнія дѣйствія и выходки. Здѣсь являются послѣдствія нами же созданныхъ причинъ — они должны быть и неминуемо явятся. При разборѣ нормальнаго типа, мы еще возвратимся къ этому вопросу и разберемъ его обстоятельнѣе.

Въ школѣ, въ которой не учатъ ребенка разсуждать, и ничего не дѣлаютъ для развитія характера молодаго человѣка, добродушный типъ, въ лучшемъ случаѣ, при мягкомъ съ нимъ обращеніи, будетъ выполнять главныя требованія и нѣсколько разовьетъ память. Онъ могъ бы быть вполнѣ самостоятельнымъ и даже плодотворнымъ дѣятелемъ, но часто бросаетъ свою дѣятельность, потому что духъ замираетъ, жить нельзя, обвиняя всегда себя во всѣхъ своихъ неудачахъ. Чѣмъ меньше школа повліяетъ на такого ребенка, тѣмъ легче онъ является мечтателемъ или въ видѣ типа, такъ мастерски представленнаго въ «Обломовѣ» — этого лишняго человѣка чистой души, плохо ужившагося съ тою средою, въ которой ему приходилось вращаться, и страдавшаго отсутствіемъ настойчивости и энергіи. Наконецъ, въ худшихъ случаяхъ, при преслѣдованіи и наказаніяхъ, образуется злостный, отчаянный человекъ, но все же съ доброю и правдивою душою, у котораго даже послѣ страшнаго злодѣянія — простымъ, мягкимъ и справедливымъ словомъ можно вызвать слезы и самое искреннее признаніе.

Добродушный человекъ, сдѣлавшійся такимъ не вслѣдствіе семейныхъ условій, при которыхъ онъ выросъ и провелъ свое

дѣтство, а благодаря чрезвычайно благопріятному ходу его образованія и развитія, всегда будетъ отличатьея отъ человѣка, развившагося изъ типа добродушнаго ребенка; у перваго не будетъ этой послѣдовательности, искренности, простоты и глубокой правдивости, которыя свойственны послѣднему; у перваго по временамъ все же будетъ прорываться нѣкоторая угловатость и искусственность, чего у послѣдняго никогда не замѣчается.

Наблюдая за развитіемъ добродушнаго типа и за условіями, при которыхъ онъ появляется, мы убѣждаемся, какое огромное вліяніе имѣетъ добрая, любящая, умная мать. Иногда, при относительно неблагопріятныхъ условіяхъ, появляется подобной типъ, если только на него вліяетъ простой, добрый, внимательный человѣкъ, никогда не забѣгающій впередъ своими совѣтами и распоряженіями, а спокойно разсуждающій съ ребенкомъ о тѣхъ вопросахъ, которые у послѣдняго являются.

Различія, замѣчаемыя между взрослыми лицами, пріучившимися усваивать знанія однимъ заучиваніемъ ихъ, одною памятью, и лицами, привыкшими спокойно разсуждать надъ ними—всегда очень характерны. Человѣкъ съ знаніями (разсудочный)—рѣчистъ, даже краснорѣчивъ, всегда старается поражать цитатами изъ всевозможныхъ авторовъ, мнѣніями всевозможныхъ авторитетовъ и ученыхъ, въ спорѣ только ими и защищается; собственныхъ мнѣній и особенно отвлеченныхъ понятій у него какъ будто нѣтъ. Онъ охотно собираетъ матеріаль и въ состояніи его классифицировать по внѣшнимъ признакамъ, но не въ состояніи замѣтить типичности тѣхъ или другихъ явленій ихъ и характеризовать ихъ по основной идеѣ. Онъ можетъ быть хорошимъ исполнителемъ и референтомъ, точно передавая главныя мысли, безъ всякаго ихъ измѣненія и критики. Онъ не въ состояніи примѣняться къ индивидуальнымъ явленіямъ и непремѣнно стремится примѣнить шаблонъ. Онъ—методистъ и систематикъ. Всѣ его дѣйствія всегда очень увѣренны, ему все извѣстно, сомнѣній онъ недопускаетъ. Онъ дѣйствуетъ на основаніи знанія своихъ обязанностей. Всѣ его движенія и положенія переняты (имитированы) и ими онъ старается выказать свое положеніе и степень своего значенія. Человѣкъ съ пониманіемъ (разумный), напро-

тивъ того, мало обращаетъ вниманія на внѣшность своей рѣчи: онъ доказываетъ и убѣждаетъ логическимъ разборомъ на основаніи собственнаго психическаго анализа, а не на основаніи однихъ образовъ или не разработанныхъ мыслей. Знанія у него усвоены въ видѣ понятій, поэтому онъ всегда въ состояніи индивидуализировать явленіе, т. е., опредѣливъ его общее значеніе и смыслъ, рѣзко очертить его особенности и отклоненія отъ основнаго типа и на нихъ сосредоточиться при своихъ дѣйствіяхъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ отличается самостоятельностью и всегда богатъ творческою силою и инициативою. Онъ можетъ явиться либо мечтателемъ и идеалистомъ, либо чрезвычайно плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, отличаясь всегда разнообразіемъ своихъ мыслей и идей. Онъ обыкновенно дѣйствуетъ на основаніи пониманія своихъ обязанностей. Внѣшность его простая, нѣтъ у него ничего напускнаго, предвзятаго. Онъ твердо держится разработанныхъ имъ принциповъ и идеаловъ и всегда отличается философскимъ направленіемъ. Онъ очень остороженъ во всѣхъ выводахъ и заключеніяхъ и всегда готовъ подвергнуть ихъ новой провѣркѣ. Въ его методикѣ всегда выражается личная его особенность и онъ ее видоизмѣняетъ, смотря по условіямъ, при которыхъ ему приходится дѣйствовать; поэтому дѣятельность его — живая.

Въ изложенномъ выше мы старались познакомить читателя съ тремя типами, соответствующими главнымъ образомъ тремъ степенямъ дѣятельности мозговыхъ центровъ, простой рефлекторной, сложной рефлекторной или разсудочной, и самостоятельной творческой или разумной. Теперь мы перейдемъ къ типамъ, развитію сознательныхъ центровъ которыхъ препятствовали или внѣшнее насиліе, или вліянія угнетающихъ условій жизни, или предупредительная ласка.

4. Забитый злостный типъ.

Появляясь въ школѣ, ребенокъ такого типа отличается настойчивою молчаливостью, стѣсняющимся, конфузливимъ видомъ, при чемъ иногда у него прорываются рѣзкія безобразныя движе-

нія, особенно въ тѣ минуты, когда онъ думаетъ, что на него никто не смотритъ. Добиться отъ него какого либо слова чрезвычайно трудно; онъ вмѣсто отвѣта, иногда вдругъ фыркнетъ, сдѣлаетъ какое либо грубое движеніе или произнесетъ соответственные звуки. Онъ никогда не посмотритъ мягко и ласково, все больше сбоку и изподлобья. Отъ товарищей онъ то сторонится, то какъ бы нечаянно толкнетъ или щипнетъ кого нибудь. На всѣ ихъ предложенія и распросы, онъ либо совершенно не отвѣтитъ, либо отвѣтитъ отрицательно. Къ занятіямъ онъ относится совершенно равнодушно, исполняя только необходимыя требованія; если же онъ можетъ и отъ нихъ отдѣлаться, то охотно этимъ пользуется или же потѣшаетъ своихъ товарищей различными рѣзкими выходками и сценами. Ко всѣмъ окружающимъ, и въ особенности къ старшимъ, онъ относится чрезвычайно подозрительно и на всѣ ласки и внѣшнія проявленія нѣжности онъ всегда отвѣчаетъ рѣзкимъ, отталкивающимъ движеніемъ и даже бѣгствомъ. Движенія его вообще очень угловаты, рѣзки; стѣсняясь, онъ отворачивается, закрывается рукою или локтемъ, изъ-за котораго вдругъ иногда покажетъ языкъ.

Въ разсужденія онъ никогда не пускается, даже избѣгаетъ ихъ: онъ вообще и не разговорчивъ, въ особенности съ незнакомыми ему лицами. Къ преслѣдованіямъ и наказаніямъ онъ относится съ кажущимся индифферентизмомъ; на мелкія же обиды или даже на невниманіе часто легко обижается, а иногда грубо и неудачно говоритъ дерзости. Товарищество онъ цѣнитъ; скорѣе всего онъ сходится съ однороднымъ типомъ, соединяясь болѣе для взаимной защиты, чѣмъ для искреннихъ, дружескихъ отношеній. Съ товарищами же добродушнаго типа онъ сближается болѣе потому, что видитъ со стороны послѣднихъ признаніе его равенства со всѣми окружающими. Своего товарища онъ никогда не выдастъ, и даже жесточайшія наказанія не могутъ принудить его къ этому. Вообще онъ выдерживаетъ самыя сильныя наказанія съ замѣчательною стойкостью и терпѣніемъ. Ребенокъ забитаго типа часто беретъ подъ свое покровительство какое нибудь животное, съ которымъ охотно дѣлитъ все, что имѣетъ.

Будучи подвергнутъ преслѣдованію или какому нибудь стро-

гому дисциплинарному взысканію, такой ребенокъ бываетъ какъ-то особенно подвиженъ и часто избираетъ себѣ самыя дикія развлеченія, которыя характеризуются вообще тѣмъ, что онъ мучить, истязаетъ, уничтожаетъ различныхъ животныхъ, наноситъ людямъ, и особенно своимъ попечителямъ, всякія непріятности, оскорбленія, а, если можетъ, то и прямой физическій вредъ. Онъ рветъ ноги и крылья насѣкомыхъ, давитъ мелкихъ животныхъ, топить въ водѣ крупныхъ, вѣшаетъ на гвоздь или на сукъ кошку, привязанную за хвостъ или лапу, казнить собаку, — и чѣмъ сильнѣе страданіе животнаго, тѣмъ, повидимому, больше удовольствія испытываетъ виновникъ его, тѣмъ сильнѣе его хохотъ, тѣмъ рѣзче его движенія.

Подобныя дѣти иногда послѣ продолжительнаго, спокойнаго и даже напряженнаго положенія, выскакиваютъ изъ класса, испуская самыя дикіе крики, производя при этомъ самыя безобразныя движенія, бросаясь другъ на друга, на всѣхъ и на все, встрѣчающееся имъ на пути, — даже на стѣну.

При постепенно увеличивающейся строгости, при постоянныхъ запрещеніяхъ, при произвольномъ отказѣ, иногда въ самомъ необходимомъ, ребенокъ начинаетъ добиваться всего тайкомъ, присвоивая себѣ то, что плохо лежитъ, и никогда не останавливаясь передъ препятствіями. Беретъ онъ то, что ему нужно, или то, что онъ прямо получить не можетъ. Онъ не прочь и подѣлиться добычею со своими товарищами по типу; затѣмъ онъ вмѣстѣ съ ними отрекается отъ своего поступка и ни одинъ изъ нихъ не выдастъ другъ друга. Онъ лжетъ, но здѣсь, какъ и всегда, ложь его состоитъ болѣе въ отрицаніи, чѣмъ въ воспроизведеніи. Иногда онъ беретъ даже и цѣнныя вещи, но только для того, чтобы ихъ разрушить и бросить. Вообще такой ребенокъ никогда не прочь чтонибудь испортить, исковеркать, изрѣзать, ежечь. Мало по малу такой ребенокъ принимаетъ виѣшній видъ и шаблонную форму даннаго заведенія, дѣлается пугливымъ и все болѣе и болѣе замыкается въ свой личный міръ, который онъ какъ будто охраняетъ проявленіемъ мелкаго самолюбія. Онъ не прочь при случаѣ пробѣжать огромное пространство, съѣсть большое количество какого-либо вещества, напр. брюквы или кочерыжки, даже

хлоповъ, мухъ и т. д., выпить какого нибудь крѣпкаго напитка и по возможности больше, накуриться махоркою, такъ чтобы въ ухахъ зазвенѣло, и все это не только для того, чтобы похвастать, а для того преимущественно, чтобы потѣшить себя. Всѣ его игры и развлеченія связаны у него непременно съ сильными ощущеніями. Слабость, мягкость, нѣжность въ обращеніи вызываетъ у него всегда рѣзкія дѣйствія, отталкиваетъ его отъ себя. Всякое зрѣлище, связанное съ сильными впечатлѣніями, — бойкій, быстрый бѣгъ, травля животныхъ или людей, крупная драка и т. д. — все это дѣйствительно занимаетъ его и даже развлекаетъ. При своемъ появленіи въ школѣ онъ всегда готовъ ущипнуть; уколоть или ударить, какъ своего сверстника, такъ и cadaго изъ младшихъ своихъ товарищей; онъ также относится даже и къ маленькимъ дѣтямъ. Сдѣлавшись постарше, онъ обыкновенно перестаетъ трогать маленькихъ дѣтей, иногда даже относится къ нимъ напротивъ очень внимательно.

Вообще у ребенка забитаго типа бываютъ иногда очень добрые порывы и онъ можетъ отнестись съ замѣчательной мягкостью и предупредительностью къ другому ребенку, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній подвергается явно несправедливымъ преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ, или когда немощный остается безъ всякаго призрѣнія. Религіозность этого ребенка ограничивается болѣе исполненіемъ внѣшней обрядности, рѣдко она бываетъ глубокая — искренняя.

Къ своимъ занятіямъ онъ относится очень вяло и безъ собственной инициативы, даже охотно отъ нихъ отдѣляется, а иногда впадаетъ въ какое-то инертное состояніе, въ которомъ ребенокъ или совершенно не реагируетъ или только вслѣдъ за примѣненіемъ самыхъ сильныхъ мѣръ, но эти послѣднія еще болѣе ухудшаютъ его состояніе, еще болѣе притупляютъ его. Обыкновенно онъ усваиваетъ все памятью, не вникая много въ значеніе усвоеннаго. Внѣшнія формы и обрядность составляютъ его единственное умственное достояніе, котораго онъ твердо держится.

Привыкая относиться съ большимъ расчетомъ къ своимъ занятіямъ, онъ начинаетъ также относиться къ исполненію всѣхъ остальныхъ своихъ обязанностей, стараясь отрѣзать только са-

мое необходимое и не передать ничего лишняго, оцѣнивая по возможности дороже свой трудъ.

Подобно тому какъ такіе ученики, выбѣгая изъ класса, бросаются на всѣхъ и на все окружающее, такъ и выходя на волю изъ школы, подобные молодые люди накидываются на всѣхъ и на все; въ особенности же они падки на всякія сильныя впечатлѣнія: большія количества разнообразной пищи, съ примѣсью пряныхъ веществъ, крѣпкіе напитки, искусственныя или естественныя половыя отравленія, шумныя оргіи, драмы, пошлыя возбуждающія рѣчи, лошади, скачки, травли и т. д. Все это продѣлывается чаще всего самымъ безшабашнымъ, шумнымъ и безобразнымъ образомъ. Нѣтъ ни одного вида и ни одной формы безобразій, которымъ бы не предавались эти молодые люди, какъ только они, хотя бы не на долго, вырвутся на свободу.

Если молодой человекъ злостнаго забитаго типа выходитъ изъ условій, при которыхъ онъ образовался, такъ что можетъ самостоятельно распоряжаться своими дѣйствіями, то онъ обыкновенно имитируетъ самыя крайніе и грубые образцы, которые ему приходилось встрѣчать, какъ въ отношеніи своей рѣчи, одежды, такъ и въ отношеніи всѣхъ своихъ потребностей. Все это выражается въ крайне рѣзкой и грубой формѣ и часто доходитъ до самыхъ нахальныхъ дѣйствій. По существу, проявленія этого типа совершенно одинаковы, какъ у мальчика, такъ и у дѣвочки; цинизмъ ихъ выступаетъ въ одинаковой степени. Самоувѣренность и требовательность ихъ облакаются въ очень рѣзкія и бессмысленныя формы; притязаніямъ ихъ часто трудно удовлетворить, до того они назойливы и беспощадны.

Подозрительность, рѣзкость и угловатость дѣйствій, замкнутость, тугая и медленная реакція на виѣшнія впечатлѣнія, проявленія мелкаго самолюбія и рѣзкія выходки, смѣняющія апатичную жизнь, стѣсненную мѣрами и правилами—вотъ тѣ крупныя черты, которыя характеризуютъ молодыхъ людей забитаго злостнаго типа.

Мы уже говорили, что ко всѣмъ своимъ занятіямъ и даже къ обычнымъ развлеченіямъ они относятся отрицательно, всегда стараясь отъ нихъ отдѣлаться и освободиться, и что они въ особен-

ности отличаются умственною вялостью и неподвижностью. Иногда впрочемъ встрѣчаются молодые люди, у которыхъ при отсутствіи рѣзкихъ выходокъ и кутежей, являются различныя занятія, служащія имъ развлеченіемъ или утѣшеніемъ. Въ такимъ занятіямъ принадлежатъ безобразная, рѣзкая игра на какомъ-нибудь-ни-струментѣ, — игра неумѣлая, но сильно раздражающая слуховой органъ, игра въ карты, малеванье какъ будто картинъ и ремесла. Если нѣтъ и этого, то они отдаются различнымъ слабостямъ, напр. половымъ, выражающимся иногда въ видѣ онанизма, буренію или наконецъ употребленію крѣпкихъ напитковъ и т. д. Все это дѣлается по возможности наединѣ или въ небольшомъ кружкѣ; напр. пьетъ горькую одинъ, или же является почти рабомъ лицемѣрной или честолюбивой женщины, исполняя безпрекословно всѣ ея прихоти и повелѣнія. Въ своемъ дѣлѣ онъ является строгимъ безжизненнымъ формалистомъ, дѣйствуя точно по опредѣленному шаблону и не отступая отъ него ни на шагъ.

Въ жизни злостный забитый является въ одномъ случаѣ, признаваемомъ обыкновенно за лучшій, въ видѣ подозрительнаго заборузлага служаки, не допускающаго никакого разсужденія и твердо исполняющаго всѣ данныя ему порученія. Онъ молчаливъ, трудно воспринимаетъ незнакомыя ему раньше мысли и дѣйствія. Онъ молча можетъ присутствовать и участвовать въ разборѣ и выясненіи различныхъ мѣръ и предложеній, но затѣмъ опять будетъ дѣйствовать по привычкѣ и по заученному способу. Онъ послушный слуга высшихъ и требовательный начальникъ низшихъ, рѣзко реагирующій какъ противъ первыхъ, такъ и противъ послѣднихъ во всѣхъ, по его воззрѣніямъ, несправедливыхъ дѣйствіяхъ, требованіяхъ или претензіяхъ. Онъ всегда слѣпо подчиняется какой-либо слабости, служащей ему развлеченіемъ въ его однообразной жизни. Въ крайнемъ случаѣ все его существованіе можетъ сѣзуться до простой потребности въ службѣ, махоркѣ, водкѣ и ненависти ко всему окружающему, при чемъ на все новое и чужое отвѣчаетъ фырканьемъ. Въ другомъ случаѣ онъ явится въ видѣ самаго отъявленнаго врага общества, мстящаго этому послѣднему безпощадно за всѣ несправедливости и страданія, кото-

рыя ему были причинены и которыми были отравлены раньше всего его дѣтство, а затѣмъ и вся жизнь.

Забитый злостный типъ такъ художественно выведенъ Помяловскимъ, что останавливаться еще болѣе надъ выясненіемъ отдѣльныхъ чертъ его мы не считаемъ нужнымъ.

Причины, содѣйствующія появленію и развитію такого типа въ семьѣ, будутъ главнымъ образомъ: запрещеніе разсуждать и примѣненіе различныхъ насильственныхъ мѣръ для укрощенія ребенка. Сердитая и раздражительная мачиха запрещаетъ ребенку съ самаго малолѣтства всякаго разсужденія, безотчетно и произвольно останавливаетъ и понукаетъ его, и постоянно ограничиваетъ всѣ его дѣйствія, находя ихъ нехорошими, невѣрными и даже безобразными. Лицо, воспитывающее такого ребенка, обыкновенно держится въ отношеніи его того правила, что его не слѣдуетъ баловать, а главное не слѣдуетъ пропускать какого либо изъ его проступковъ безъ преслѣдованія. Если ребенокъ напр. возьметъ что нибудь, что произвело на него сильное впечатлѣніе или же удовлетворяло той или другой его потребности, и его застанутъ при этомъ, то его громогласно обзываютъ «воромъ»; или же если несчастный случай сдѣлалъ его невольною, совершенно безсознательною причиною страданій, или даже смерти другого, его называютъ «извергомъ», «убійцею». Заклейменный такимъ названіемъ, онъ слышитъ его съ малолѣтства, подвергается за него преслѣдованію своихъ домашнихъ, а иногда даже всѣхъ дѣтей околodka. Или же онъ скажетъ неправду и его обзываютъ «лгуномъ», не наединѣ и не случайно, и не одинъ разъ, а громогласно, намѣренно и постоянно. Вообще здѣсь играютъ главную роль настойчивыя, постоянныя, безотчетныя и произвольныя преслѣдованія, вызываемыя большею частью личнымъ раздраженіемъ; оскорбленія личности ребенка и униженіе его передъ другими и передъ товарищами—въ особенности же передъ чужими и нелюбимыми лицами. Развитію этого типа также много содѣйствуетъ строгое распредѣленіе времени ребенка съ обязательными занятіями и невозможностью самостоятельно распоряжаться даже своими играми и развлеченіями; строгія и постоянныя взысканія за всякое нарушеніе установленныхъ правилъ или такъ называемыхъ порядковъ, при отсутствіи

всякой любви и добраго отношенія къ ребенку. Къ этому еще часто присоединяется неумѣлое, грубое или служебное отношеніе къ дѣлу со стороны воспитателей и наставниковъ, полное ихъ незнакомство съ нравами и потребностями дѣтей и преслѣдованіе всякаго проявленія ихъ личности, ихъ думъ и разсужденій.

Связь между приведенными явленіями и причинами ихъ не трудно прослѣдить, въ особенности принимая въ расчетъ все уже раньше сказанное. Внѣшними насильственными мѣрами, полными ограниченіями всякой самостоятельности и настойчивымъ сопротивленіемъ всякому разсужденію препятствуютъ обыкновенно развитію всѣхъ лучшихъ и истинно человѣческихъ качествъ. Знакомство съ условіями развитія этихъ качествъ уже отчасти выясняетъ намъ ту связь, которая здѣсь существуетъ между причиною и слѣдствіемъ. Но чтобы вполне понять все значеніе этой связи, необходимо остановиться надъ вліяніемъ различныхъ «мѣръ», примѣняемыхъ при воспитаніи дѣтей.

Представимъ себѣ, что въ семьѣ, гдѣ находятся маленькія дѣти, одному двухгодовалому ребенку вздумалось ткнуть—пальцемъ въ лицо, младшему ребенку, или даже онъ это сдѣлалъ нечаяно. Послѣдній, пораженный внезапностью и болью, закричитъ; мать, видѣвшая эту сцену, начинаетъ бранить задиру, возвышая при этомъ голосъ и усиливая впечатлѣніе своихъ словъ движеніемъ рукъ. Виновный ребенокъ смотритъ на все это и ему можетъ даже понравится такая картина, такъ какъ онъ получаетъ такимъ образомъ рядъ болѣе сильныхъ впечатлѣній, какъ со стороны маленькаго, который сильно рефлектируетъ на раздраженіе, такъ и со стороны матери, которая при этомъ отчасти также рефлектируетъ. При первомъ случаѣ, въ особенности при неудовольствіи или усталости, вліяющей на него нѣсколько угнетающимъ образомъ, онъ повторяетъ свой поступокъ; недовольная мать или няня уже сильнѣе возвышаетъ свой голосъ, дѣлаетъ болѣе рѣзкія движенія, а то и шлепнетъ непослушнаго ребенка. Такимъ образомъ, кромѣ возбуждающихъ картинъ, онъ получитъ и угнетающій его ударъ; но прекратится-ли послѣ этого новое повтореніе того же самаго? Обыкновенно нѣтъ, — онъ повторитъ его явно или скорѣе тайно, чтобы избѣжать повторенія угнетенія, и въ пос-

лѣднемъ случаѣ еще съ большею силою. Примѣненная къ нему мѣра ни къ чему не послужила и ни въ чемъ его не убѣдила, она не изгладила у него—картины, производившей на него довольно сильное впечатлѣніе; она не уничтожила той ассоціаціи идей или того состоянія апатіи, подѣ влияніемъ котораго ребенокъ вторично ткнулъ пальцемъ въ глазъ маленькому; напротивъ она тѣмъ самымъ дала еще большій поводъ къ повторенію того же поступка; кромѣ того она обратила вниманіе на послѣдній и сдѣлала его еще болѣе заманчивымъ.

Обычная ошибка педагоговъ состоитъ въ томъ, что они руководятся въ сущности вѣрнымъ, но только весьма дурно понятымъ ими положеніемъ, что сильное впечатлѣніе можетъ быть уничтожено еще болѣе сильнымъ; въ нашемъ примѣрѣ слѣдовательно—впечатлѣніе, произведенное рефлексами матери и маленькаго, можетъ быть уничтожено впечатлѣніемъ шлепка. Мы разберемъ это положеніе ниже и покажемъ его значеніе. Мы увидимъ, что стараясь уничтожить одно раздраженіе другимъ болѣе сильнымъ мы во—1) не достигаемъ цѣли, потому что это второе раздраженіе—временное и скоро-преходящее, тогда какъ первое обыкновенно—стойкое; во—2) мы въ тоже время дѣйствуемъ угнетающимъ образомъ на всю нервную систему, вызываемъ апатію, которая при полномъ отсутствіи мышленія служитъ весьма удобной почвой для стойкихъ раздраженій (являющихся въ видѣ различныхъ чувствованій). Слѣдовательно, стараясь уничтожить эти стойкія раздраженія нашими «мѣрами», мы напротивъ помогаемъ ихъ развитію. Возвращаясь къ нашему примѣру, мы поймемъ теперь, что здѣсь было бы гораздо цѣлесообразнѣе съумѣть не замѣтить самого поступка и уничтожить по возможности весь эффектъ картины, вызываемой такимъ поступкомъ. Понятно, что выгоднѣе всего было бы съ самаго начала быть болѣе сдержаннымъ и не обращать вниманія на случайное явленіе, внѣшне не придавать ему никакого значенія и не превращать простую случайность въ проступокъ. Гдѣ меньше надзирающихъ глазъ и карающихъ рукъ, тамъ такія явленія легче исчезаютъ безслѣдно; умная мать всегда съумѣетъ во время промолчать и не важное—не замѣтить. Поставьте на примѣръ на столъ тарелочку съ ва-

ренемъ и запретите строго на строго не трогать его, хотя бы четырехлѣтнему ребенку: общайте ему наказаніе въ случаѣ неповиновенія; если ребенокъ знаетъ, что такія угрозы дѣйстви- тельно исполняются, то оставшись наединѣ въ комнатѣ, ребе- нокъ непременно соблазнится лакомымъ блюдомъ и ткнетъ цѣ- лымъ кулакомъ въ тарелочку, съ тѣмъ чтобы потомъ облизать его, и тотчасъ убѣжить изъ этой комнаты, оставивъ слѣды ва- ренья на губахъ и на платѣ. Иначе поступитъ ребенокъ, кото- раго нибогогда не наказывали, которому даже никогда ничего строго и сурово не приказывали; если ему любящая мать только серьезно скажетъ, чтобы онъ съ тарелочки ничего не бралъ, и объяснить причину, почему не слѣдуетъ брать, то онъ и на самомъ дѣлѣ не возьметъ.

Подобныхъ примѣровъ всегда много; они намъ наглядно по- казываютъ значеніе простаго и теплаго отношенія къ ребенку. Сила мягкаго, любящаго слова такъ велика, что съ нею не мо- жетъ сравниться никакое наказаніе. Къ сожалѣнію, это слиш- комъ часто забываютъ при воспитаніи и прибѣгаютъ къ мѣрамъ, положительно пагубнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Дѣйствуя обыкновенно подъ вліяніемъ личнаго раздраженія, воспитатели примѣняютъ свои мѣры недостаточно сознательно, не отдавая себѣ полнаго отчета въ значеніи ихъ и даннаго проступка, а про- сто тѣшатъ себя, переводя свое раздраженіе въ рядъ безобраз- ныхъ, бессмысленныхъ движеній. Необходимо, чтобы воспита- тель всегда разсуждалъ и не допускалъ у себя рефлекторныхъ движеній; въ противномъ случаѣ получается большой абсурдъ: воспитатель преслѣдуетъ воспитанника за нарушеніе дисципли- ны и въ то же время самъ своими дѣйствіями доказываетъ, что онъ не умѣетъ владѣть собой, т. е., что онъ самъ недостаточно дисциплинированъ. На урокъ въ городской школѣ, въ Лейцигѣ, — въ моемъ присутствіи, учитель ходилъ по классу съ небольшой тросточкой, которой стегалъ то одного, то другого ученика; уви- давъ же, что одинъ семи-лѣтній мальчикъ заговорилъ шопотомъ съ своимъ сосѣдомъ, онъ вдругъ подбѣжалъ къ нему, отбросилъ трость и далъ ему увѣсистую пощечину; мальчикъ не пикнулъ, только злостно посмотрѣлъ на него, — слѣдовательно, это было уже

дѣло привычное. Послѣ класса, въ разговорѣ съ этимъ учителемъ, (молодымъ человѣкомъ лѣтъ 26) я спросилъ у него, находятъ-ли онъ необходимымъ бить дѣтей во время класса; онъ совершенно откровенно отвѣтилъ, что находить это совершенно ненужнымъ и даже вреднымъ, но дѣлаетъ это потому, что такъ «скорѣе», ибо ему нѣтъ времени много разсуждать, а иногда, говорилъ онъ, это дѣлается просто по привычкѣ. Такія произвольныя, привычныя дѣйствія постоянно встрѣчаются въ школахъ, а между тѣмъ ихъ допустить тамъ положительно нельзя; они правда облегчаютъ дѣятельность наставника, но только во вредъ ребенку. Если повышеннымъ голосомъ или даже крикомъ приводить ребенка къ порядку, то ребенокъ встрепенется, затихнетъ и останется въ этомъ состояніи нѣкоторое время, и тѣмъ меньше конечно, чѣмъ больше онъ привыкъ къ подобному обращенію или чѣмъ тише и менѣе рѣзко былъ сдѣланъ подобный призывъ. Затѣмъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго спокойнаго состоянія, ребенокъ задвигается, покажетъ языкъ или сдѣлаетъ какое-либо безобразное движеніе. Мнѣ приходилось видѣть въ закрытомъ учебномъ заведеніи одного воспитателя, который очень строго подтягивалъ свой классъ, въ особенности, когда ожидали появленія какого-либо начальства. Онъ всегда внушалъ воспитанникамъ, что при начальствѣ они должны даже задерживать дыханіе и не шевелиться на мѣстѣ. За то послѣ онъ имъ предоставлялъ полную свободу дѣйствій; трудно описать, что дѣлали тогда воспитанники: они испускали самые дикіе крики, бросались другъ на друга, на окружающихъ и даже на стѣну; было не безопасно попадаться имъ въ это время на встрѣчу, — можно было подвергнуться какому-либо неприятному дѣйствию.

Явленія, которыя наблюдаются въ такихъ случаяхъ, можно себѣ объяснить на основаніи выше приведенныхъ качествъ нервной системы. Болевыя ощущенія, получаемыя при перефирическомъ раздраженіи какой-либо вѣтви нервнаго ствола, совершенно исчезаютъ при болѣе сильномъ раздраженіи концовъ другой вѣтви того же ствола. Боли зубовъ, напримѣръ, на нижней челюсти могутъ совершенно исчезнуть при раздраженіи кожи височной области большой стороны. Болѣе сильное раздраженіе

видимо угнетаетъ всякую дѣятельность въ остальныхъ проводникахъ даннаго ствола; послѣ того, какъ вліяніе примѣннаго раздраженія прошло, болевья ощущенія являются снова, но уже съ большимъ упорствомъ. Чтобы уничтожить и эту боль, требуется примѣненіе болѣе сильнаго раздраженія; такимъ образомъ можно дойти до сильныхъ агентовъ, которыми только возможно пользоваться, при чемъ даже и они перестаютъ дѣйствовать. Тоже самое приходится наблюдать и въ психическихъ проявленіяхъ у ребенка, такъ напр. какое-либо возбужденіе или раздраженіе вызываетъ у него извѣстныя дѣйствія, наставникъ, желая прекратить ихъ (чаще просто раздраженный поступкомъ ребенка), примѣняетъ къ нему болѣе сильное раздраженіе въ видѣ выговора, крика или даже болѣе осязательнаго наказанія. Этимъ, какъ говорятъ, возбуждаются задерживающіе центры, но въ то же время угнетается сознательная дѣятельность и движеніе. Въ приведенномъ примѣрѣ изъ отправленій нервной системы болевья ощущенія несомнѣнно появятся вновь, такъ какъ причина, вызывающая ихъ, продолжаетъ дѣйствовать, — она не удалена и не уничтожена; мы ее только заглушали и угнетали. Точно также и въ послѣднемъ случаѣ; — прежнія дѣйствія опять же появятся, но только съ большею рѣзкостью и упорствомъ, степень которыхъ прямо пропорціональна силѣ и продолжительности угнетающаго вліянія. Какъ тамъ каленое желѣзо, такъ и здѣсь самое сильное наказаніе можетъ наконецъ остаться почти безъ вліянія. Мнѣ извѣстенъ слѣдующій случай: мать, желая заставить 6-ти лѣтняго ребенка раньше вставать, съ каждымъ утромъ должна была усиливать крики и брань, для того чтобы добиться исполненія своего требованія; наконецъ, когда это уже перестало дѣйствовать, она вытащила ребенка изъ кровати и подвергла его звѣрскому тѣлесному наказанію, измочаливъ о тѣло ребенка весь пучекъ розогъ, отъ котораго остались только мелкіе прутики, рассыпавшіеся по полу. Ребенокъ во все время не пикнулъ и только по окончаніи неистовства своей матери, сказалъ съ злостною улыбкою на лицѣ, указывая на разбросанные прутики: «вотъ какъ поступаетъ мать съ своимъ ребенкомъ!», и продолжалъ спать по утрамъ по прежнему. Ребенокъ этотъ, теперь уже взрослый, представляетъ сколь-

ко мнѣ извѣстно всѣ характеристическіе признаки заботаго злостнаго типа.

Въ одномъ изъ благотворительныхъ заведеній, въ которое берутъ дѣтей съ 3-хъ лѣтняго и содержатъ ихъ до 12-ти лѣтняго возраста, нашелся 9-ти лѣтній ребенокъ, который сталъ издавать журналъ, гдѣ представлялъ своихъ наставниковъ и воспитателей въ каррикатурномъ видѣ. Когда начальство заведенія узнало объ этомъ изданіи, то оно посмотрѣло на дѣло серьезно и рѣшило примѣрно наказать ребенка. Въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ заведенія, виновника подвергли жестокому тѣлесному наказанію. Впослѣдствіи его перевели въ другое учебное заведеніе, изъ котораго его собираются исключить, такъ какъ никакія тѣлесныя наказанія на него не дѣйствуютъ; послѣ нихъ онъ только злостно смѣется. Такихъ примѣровъ можно привести громадное количество, всѣ они вполне выясняются вышеприведеннымъ положеніемъ. Они доказываютъ, что всѣ эти мѣры положительно нравственно убиваютъ ребенка и превращаютъ его въ злостно-апатичнаго человѣка.

Посмотримъ теперь, нельзя-ли обойтись и безъ этихъ угрозъ и истязаній. Раньше уже было сказано, что всякое возбужденіе и раздраженіе, при непосредственномъ и сильномъ вліяніи, вызоветъ простыя рефлекторныя явленія. Если у ребенка замѣчаются подобныя явленія, то вѣдь только путемъ спокойнаго и послѣдовательнаго вліянія возможно заставить его задуматься и дойти до выясненія своихъ поступковъ. Такимъ образомъ ребенокъ возбуждается къ разсужденію и къ волевымъ проявленіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ противодѣйствию всякимъ случайнымъ и безобразнымъ побужденіямъ и чувствованіямъ. Внѣшними же тормозящими вліяніями, дѣйствующими на задерживающіе центры, необходимо понижается также умственная дѣятельность и угнетаются волевые импульсы, съ которыми не слѣдуетъ смѣшивать способность задерживать рефлексы. При такихъ-то условіяхъ эти внѣшнія раздраженія, на основаніи выше приведеннаго психофизическаго закона, должны постоянно расти въ геометрической прогрессіи или пропорціонально ихъ логарифмамъ; только въ такомъ случаѣ можно достигъ ими желаемаго возбужденія, при томъ угнетенномъ и апатичномъ состояніи, въ которое

ребенокъ былъ приведенъ предшествовавшими возбужденіями. Отсюда ясно, что эта внѣшняя дисциплина совершенно противорѣчитъ задачѣ школы, дѣлая ребенка неминуемо апатичнымъ и угнетая и понижая умственную дѣятельность. И напротивъ, наводя ребенка на разсужденіе, возбуждая его умственную и волевую дѣятельность, мы приучаемъ ребенка владѣть и управлять собой, у него развивается внутренняя нравственная дисциплина, во всѣхъ отношеніяхъ вполне соответствующая задачамъ школы и воспитанія вообще. Если впечатлительность ребенка не притупляется, то онъ остается способнымъ къ мягкому и спокойному отношенію къ окружающимъ его людямъ. Кромѣ того личное раздраженіе, подъ вліяніемъ котораго мѣры эти приводятся въ исполненіе, исключаетъ спокойную оцѣнку проступка, приводитъ поэтому къ произвольному и несправедливому преслѣдованію ребенка, къ оскорбленію его личности, что въ свою очередь порождаетъ злобу и ненависть къ преслѣдователямъ. Разсужденіе же напротивъ приучаетъ къ анализу, къ разработкѣ понятій и истинъ, научаетъ ребенка понимать правду, глубоко уважать и любить тѣхъ, которые ведутъ его къ этой правдѣ и никогда не оскорбляли его личнаго достоинства. Воспитатель, прибѣгающій къ мѣрамъ, навѣрное не знаетъ всего могущества и силы спокойнаго, справедливаго и правдиваго слова, а также значенія неприкосновенности и уваженія другого лица. Вліяніе любящаго и правдиваго человѣка такъ велико, что ребенокъ, находящійся при неблагоприятныхъ условіяхъ въ отношеніи нравственнаго своего развитія, можетъ быть добродушнаго типа, если онъ хотя только по временамъ встрѣчается съ такимъ человѣкомъ, къ которому понятно онъ будетъ тѣмъ сильнѣе привязанъ.

Мать, няня, воспитатель, относящіеся къ ребенку съ искреннею любовью и дѣйствительнымъ участіемъ, могутъ иногда прибѣгать и къ различнымъ мѣрамъ наказанія, не забывая ребенка и не нанося ему этимъ положительнаго вреда. Но все же такія дѣйствія нельзя вводить въ принципъ, да кромѣ того тутъ и самое дѣйствіе имѣетъ совершенно другое значеніе. То, что мы перенесемъ отъ близкаго, любимаго человѣка, — что отъ него насъ иногда даже пріятно возбуждаетъ, — то можетъ оскорблять и нрав-

ственно угнетать, если будетъ намъ причинено чужимъ, холоднымъ и не любящимъ человѣкомъ. Я знаю одного рабочаго, очень любящаго и хорошо относящаго къ своему сыну, котораго онъ однакожь въ нетрезвомъ состояніи иногда и бьетъ. Вытрезвившись, онъ дѣлается мрачнымъ, избѣгаетъ встрѣчи съ сыномъ, чувствуя себя при этомъ крайне неловко. Сынъ у него добродушный мальчикъ, который, не смотря на перенесенные имъ побои, никогда не измѣняетъ своихъ добрыхъ отношеній къ отцу, — напротивъ, видя неловкое положеніе его, онъ его окликаетъ: «чего дуешься, брось; пустяки—не важно». При всѣхъ наказаніяхъ, важно не одно механическое насиліе, а нравственное вліяніе, которое именно и дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на психическое состояніе ребенка, что и слѣдуетъ имѣть всегда въ виду.

Но иногда впрочемъ и механическое дѣйствіе можетъ вредно повліять на организмъ ребенка. Поставить ребенка въ уголъ или среди комнаты признается обыкновенно за незначительное наказаніе, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Обыкновенно полагаютъ, что постоять нѣкоторое время ничего не значить, судя по вліянію такого положенія у взрослого. Для ребенка же это много значить; у него основа туловища или позвоночный столбъ еще не вполне развитъ и онъ не въ состояніи удерживаться въ положеніи условіями равновѣсія отдѣльныхъ частей, какъ это бываетъ у взрослого. Поэтому, организмъ его удерживается въ положеніи только мышечною дѣятельностью. Но однообразная мышечная работа очень быстро приводитъ къ утомленію, которое дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на ребенка и дѣлаетъ его совершенно неспособнымъ къ какой либо дѣятельности. Искусственное утомленіе ребенка и доведеніе его до неспособности приняться за какую нибудь дѣятельность, наврядъ ли можетъ служить хорошею мѣрою для исправленія его. Чтобы убѣдиться, насколько тягостно и мучительно мышечное утомленіе, стоитъ только поднять руку до уровня плеча и поддержать ее въ горизонтальномъ положеніи впродолженіи 15 до 20 минутъ. Не всякій взрослый въ состояніи удержать такъ долго руку въ этомъ положеніи, а если продержитъ, то послѣ этого будетъ такъ утомленъ, что не скоро окажется способнымъ на спокойное продолженіе своей дѣятель-

ности. Тоже самое будетъ, если ребенка поставить на колѣни и заставить его принимать различныя неловкія положенія, въ выдумкѣ которыхъ иногда изощряются педагоги. Оставленіе ребенка безъ пищи, или на одномъ хлѣбѣ — тоже мѣра трудно понятная съ точки зрѣнія экономіи организма, въ особенности во время его роста. Понижая приходъ, необходимо понизить и расходъ, т. е. понизить требованія въ отношеніи дѣятельности ребенка.

Тѣлесныя наказанія, кромѣ уже сказанныхъ угнетающихъ вліяній на психическую дѣятельность ребенка и притупленія его впечатлительности, причиняютъ его организму еще и другой значительный вредъ. Таская ребенка за волосы, или надѣлая его пощечинами, легко произвести у него сотрясеніе мозга со всѣми его послѣдствіями. Наказывая розгами, раздражаютъ область, богатую сосудами и нервами, начинающимися изъ тѣхъ же стволовъ, изъ которыхъ происходятъ сосуды и нервы сосѣднихъ половыхъ органовъ. Слѣдовательно, при раздраженіи ягодичной области, необходимо возбуждается также и дѣятельность половыхъ органовъ. Послѣднее особенно невыгодно въ школьномъ возрастѣ, когда именно развиваются эти органы. Подобное искусственное возбужденіе легко можетъ довести до онанизма, что въ самомъ дѣлѣ и наблюдалось въ такихъ случаяхъ. Кромѣ того, чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ менѣе твердо установились основы его организма; между отдѣльными частями этой основы существуютъ нѣжные образовательные элементы съ сильно развитыми сосудами, приносящими увеличенное количество питательныхъ веществъ, необходимыхъ для роста, развитія и оплотнѣнія этихъ частей основы. При усиленномъ мѣстномъ раздраженіи, нормальный, физиологическій процессъ легко переходитъ въ ненормальный, патологическій; слѣдовательно, опять же искусственно создаются причины, приводящія непременно къ страданіямъ, иногда очень серьезнымъ. Все это необходимо имѣть въ виду, и не прибѣгать къ мѣрамъ, наносящимъ положительный вредъ ребенку и ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствующимъ цѣлямъ и задачамъ школы.

Въ школѣ должна требоваться не виѣшняя, мѣрами вынужденная дисциплина, а необходимо развить у ребенка внутреннюю нравственную дисциплину, умѣніе владѣть и управлять собой и

подчинять свои дѣйствія разумнымъ волевымъ отправленіямъ. Наказанія должны быть исключены изъ школы — это хирургическіе приемы, которыхъ нельзя допустить при нормальныхъ условіяхъ воспитанія. Подобныя мѣры непремѣнно ограничиваютъ и понижаютъ умственную дѣятельность ребенка. Къ какой бы дѣятельности не готовился ребенокъ, — къ административной ли, военной или какой либо другой — все равно, въ школѣ необходимо придерживаться только одного основанія, — содѣйствовать развитію человѣка со всѣми присущими ему качествами. Забитый человѣкъ можетъ быть только слѣпымъ исполнителемъ, а гдѣ нужно дѣйствовать самостоятельно и толково, съ пониманіемъ дѣла, тамъ онъ не будетъ годенъ, — онъ будетъ только фыркать, чѣмъ, понятно, дѣлу не пособить.

Указанія на то, что многихъ наказывали тѣлесно, а они между тѣмъ выросли и сдѣлались замѣчательными людьми, не имѣютъ смысла, ибо, какъ уже сказано выше, для выясненія причинной связи, необходимо знать всѣ нравственныя условія, при которыхъ ребенокъ жилъ и выросъ, а кромѣ того «замѣчательныя» качества человѣка могутъ быть очень односторонни и не всегда разумны. Мнѣніе, что маленькаго ребенка можно наказывать тѣлесно, а того, который постарше, нельзя, тоже не вѣрно, ибо чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ менѣе стоекъ его организмъ и тѣмъ легче у него появляются различныя страданія.

Необходимо помнить, что смертность новорожденныхъ приблизительно въ 4 раза больше, чѣмъ на второмъ году жизни; въ 40 разъ больше, чѣмъ на 7-мъ году, и въ 132 раза больше, чѣмъ въ 14-ти лѣтнемъ возрастѣ. Вообще, до 15-ти лѣтняго возраста смертность среднимъ числомъ равняется 51,37%, а безъ мертворожденныхъ — 48,96%. Всему этому, безъ сомнѣнія, содѣйствуютъ наше незнаніе постройки и потребностей дѣтскаго организма и предположеніе, что выясненіе и пониманіе условій, вредно вліяющихъ на развитіе ребенка, дѣлаютъ воспитателя нерѣшительнымъ и боязливымъ, и что вообще о причинной связи и толковать не зачѣмъ. Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ представителями учебныхъ заведеній, которые и знать ничего не хотѣли о научныхъ выводахъ и изслѣдованіяхъ; они ко всему научному относи-

лись съ проницескою насмѣшкою. По ихъ мнѣнію, экономъ — лучшей гигиенистъ и санитарь.

Мы разсмотрѣли вліяніе утнетенія на психическое и тѣлесное состояніе ребенка. Теперь намъ уже не трудно прослѣдить всю связь, существующую между основными явленіями и ихъ послѣдствіями. Замѣчаемая у такого ребенка апатія и умственная вялость будутъ безъ сомнѣнія послѣдствія сильныхъ возбужденій или постоянныхъ понуканій, которымъ онъ подвергается, и которыя ведутъ къ его утнетенію; стоитъ только удалить эти прибавочныя возбужденія, — апатія и вялость явятся, какъ неминуемое послѣдствіе. Кромѣ того, при работѣ подъ постояннымъ принужденіемъ почти обыкновенно не выясняется ни значенія, ни цѣли ея. Нѣтъ ничего убійственнѣе совершенно безцѣльной и непонятной для исполнителя работы; она дѣлается совершенно внѣшнею, механическою и вовсе не возбуждаетъ къ дѣятельности умственные центры.

Предположеніе, что ребенка необходимо постоянно понукать и принуждать къ занятіямъ совершенно не вѣрно; необходимо, чтобы онъ самъ прискивалъ себѣ занятія и непременно самъ распределялъ и распоряжался своимъ свободнымъ временемъ. При привычкѣ спокойно разсуждать надъ своею работою, трудъ распределяется между органами умственной и физической жизни, слѣдовательно увеличивается поверхность отправленій и поэтому дѣятельность можетъ продолжаться очень долго, — она не скоро утомляетъ. Кромѣ того, физическій трудъ подъ вліяніемъ умственной дѣятельности постоянно видоизмѣняется и вмѣстѣ съ этимъ самыя занятія переводятся отъ однѣхъ мышечныхъ группъ къ другимъ и такимъ образомъ мышцы не доводятся до утомленія. Распоряжаясь своими занятіями, ребенокъ, утомившись умственнымъ трудомъ, непременно перейдетъ къ физическому и обратно. Непосильный умственный или физическій трудъ потребуетъ отъ него большаго напряженія, поэтому онъ скоро имъ утомится и перейдетъ на другія работы. Если ребенокъ, предоставленный себѣ бездѣйствуетъ, то это указываетъ на его пониженную впечатлительность и апатію, которыя составляютъ послѣдствія бывшихъ сильныхъ возбужденій и раздраженій. Лѣнь ребенка будетъ

во всякомъ случаѣ результатъ пониженной впечатлительности, апатіи или утомленія, слѣдовательно всегда будетъ слѣдствіемъ угнетающихъ его условий; при нормальныхъ условіяхъ, проявленіе лѣности у ребенка не мыслимо. Непомѣрное количество занятій, несоотвѣтствіе требованій съ уровнемъ развитія ребенка— все это потребуетъ слишкомъ большаго напряженія его силъ и приведетъ къ скорому утомленію, а продолжительное утомленіе— къ истощенію и изнуренію, или какъ уже сказано раньше, къ избытку траты вещества сравнительно съ накопленіемъ. При обычныхъ занятіяхъ нѣтъ нужды хлопотать о томъ, чтобы вызвать у ребенка интересъ къ занятіямъ различными прибавочными возбужденіями; это даже вредно для него, такъ какъ пріучаетъ его къ лишнимъ раздраженіямъ. Необходимо только не утомлять его однородною и продолжительною дѣятельностью, которая утомитъ, угнететъ и усыпитъ его. Если занятія при нормальныхъ условіяхъ скучны ребенку, то это значитъ, что они его утомляютъ. Слѣдовательно, чтобы не забивать ребенка занятіями, необходимо видоизмѣнять его дѣятельность и постепенно и послѣдовательно увеличивать ее; иначе является скука, вялость, апатія, лѣнь, какъ неминуемыя послѣдствія непомѣрныхъ или однообразныхъ требованій.

Въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ весь день ребенка регламентированъ; въ его распоряженіи никогда не остается болѣе одного или полутора часа впродолженіе всего дня, все остальное время у него распределено по табели. Даже играть или поговорить съ товарищами онъ долженъ въ опредѣленное время; спокойно разсуждать и обдумывать свои дѣйствія и появляющіяся у него вопросы онъ совершенно не имѣетъ времени. Развѣ удивительно, что при такихъ условіяхъ у него являются безобразные и даже дикіе поступки, что онъ привыкаетъ вяло и апатично относиться къ своему дѣлу и постоянно уходитъ или убѣгаетъ отъ него. Необходимость постоянно увеличивать примѣняемая противъ него мѣры все болѣе и болѣе озлобляетъ его противъ его преслѣдователей, а встрѣчающіяся несправедливости и неисполненіе данныхъ обѣщаній дѣлаютъ его подозрительнымъ и недовѣрчивымъ. Постоянное исполненіе всѣхъ существующихъ регламентацій — невоз-

можно; отсюда—безпрерывное нарушеніе ихъ. Поэтому число проступковъ доходитъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ до поразительныхъ чиселъ. Въ хорошую недѣлю число записанныхъ взысканій въ заведеніи въ 325 воспитанниковъ бываетъ около 750, кромѣ незаписанныхъ (выговоръ, стойка, подергиваніе за ухо, за чубъ и т. д.), которыхъ будетъ вдвое больше; и кромѣ серьезныхъ оторыя рѣшаются на педагогическомъ совѣтѣ. Огромное число, примѣняемыхъ въ такихъ заведеніяхъ наказаній, уже должно показать всю несостоятельность принятаго шаблона и неминуемо требовать его измѣненія; однако до сихъ поръ нѣтъ и признаковъ чего либо подобнаго.

Преслѣдуемый окружающими, ребенокъ сосредоточивается надъ собой, надъ своею личностью, приучается болѣе цѣнить себя и дѣлается поэтому самолюбивымъ. Часто онъ рѣзко реагируетъ на незначительныя повидимому причины, которыя якобы оскорбили его лично и задѣли его самолюбіе. Вырвавшись изъ угнетающихъ его условій на свободу, онъ какъ будто освобождается отъ вліянія всѣхъ задерживающихъ центровъ и уже старается грубымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей вознаградить себя за свои лишеныя. Чтобы достигнуть этого удовлетворенія, онъ не всегда разборчивъ въ способъ добыванія себѣ необходимыхъ средствъ.

Первыя явленія замѣчаемой у него подозрительности состоятъ въ упорномъ отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ новымъ явленіямъ и предложеніямъ. Она составляетъ конечно несомнѣнное послѣдствіе несправедливости, произвола и неисполненія даннаго слова и обѣщанія со стороны окружавшихъ ребенка. Развившаяся у него подозрительность ведетъ къ недовѣрчивости, къ отрицанію всего добраго, правдиваго и истиннаго и къ злomu смѣху надъ всѣмъ, что сколько-нибудь приближается къ нравственному идеалу; носителей этого идеала онъ не признаетъ,—для него всѣ люди—носители грубой силы, произвола и собственнаго мамона; онъ презираетъ всѣхъ и все, поэтому онъ иногда недостаточно строгъ въ отношеніи избѣганія грѣха. Несправедливость и произволъ, окружающій ребенка, содѣйствуютъ этому послѣднему явленію, а также тому, что ему даютъ названія, совершенно не вѣрно и не основательно къ нему примѣняемыя. Вотъ еще примѣры, указывающіе

на послѣдствія произвола и несправедливости въ обращеніи съ дѣтьми. Воспитанникъ былъ отданъ въ закрытое заведеніе въ городѣ, въ которомъ у него не было ни единого родственника или знакомаго. Родители присылали ему ежемѣсячно нѣсколько карманныхъ денегъ на гостинцы, которые выдавались ему по праздникамъ, при отпускѣ его для прогулки по городу. Воспитатель вздумалъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ для примѣненія его въ видѣ наказанія. За проступки ребенка (12 лѣтъ) онъ лишалъ его прогулки въ воскресный день и не выдавалъ ему денегъ; такимъ образомъ мальчикъ лишенъ былъ своего единственнаго удовольствія въ продолженіи трехъ недѣль. Онъ видѣлъ, какъ товарищи возвращались изъ отпуска, принося съ собою лакомства, и слушалъ ихъ рассказы о пріятно проведенномъ на свободѣ времени. Все это такъ подѣйствовало на него, что онъ выбралъ удобный моментъ, вскрылъ ящикъ, гдѣ лежали лакомства одного изъ его товарищей, и присвоилъ ихъ себѣ. Онъ не съѣлъ ихъ на единѣ, а пошелъ показывать ихъ другимъ товарищамъ, говоря имъ, что и онъ имѣетъ лакомства, чѣмъ конечно сейчасъ-же себя и выдалъ. Название «вора» и карцеръ за «кражу со взломомъ» были послѣдствіями такого поступка. Выпущенный послѣ недѣльнаго сидѣнія въ карцерѣ и опять лишенный воскреснаго отпуска и денегъ, онъ вторично вскрылъ ящикъ и взялъ лакомства своего товарища, принесенныя послѣднимъ изъ дому. Родителямъ мальчика было предложено или тѣлесное наказаніе и исключеніе изъ заведенія, или переводъ въ бездушнѣйшее исправительное заведеніе. Можно ли придумать какое либо болѣе черствое произвольное и несправедливое отношеніе къ ребенку, чѣмъ это было въ данномъ случаѣ? — Вся жизнь ребенка испорчена безчеловѣчнымъ обращеніемъ воспитателя.

Шестилѣтній деревенскій мальчикъ купался съ своимъ товарищемъ и, балуясь, съѣлъ на него верхомъ. Послѣдній сталъ барахтаться и тонуть, что первый принялъ за шутку и потому не сходилъ съ него до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно не убѣдился въ томъ, что тотъ тонетъ. Спасти его оказалось уже поздно и съ этихъ поръ этотъ мальчикъ прослылъ въ деревнѣ за «убійцу». Это названіе отдѣлило его отъ всего юнаго поколѣнія деревни.

Понятно, какое сильное угнетающее вліяніе должно имѣть такое явленіе, какой глубокой отпечатокъ оно должно оставить на всю жизнь. Чѣмъ сильнѣе угнетать человѣка, чѣмъ болѣе его преслѣдовать, тѣмъ болѣе проявляются всѣ вышеприведенныя его качества, тѣмъ апатичнѣе, вялѣе и озлобленнѣе онъ становится. Выходъ изъ такого положенія онъ находитъ только либо въ грубомъ и сильномъ возбужденіи наркотическими или другими средствами, либо въ удовлетвореніи сильныхъ чувствованій. Мнѣніе, что битаго необходимо бить, иначе трудно на него подѣйствовать — положительно не вѣрно; изъ сказаннаго видно, до чего можно дойти по пути такой логики.

Приучившись ствѣчать только на сильныя впечатлѣнія, молодой человѣкъ забитаго злостнаго типа выбираетъ и развлеченія, отличающіяся самыми рѣзкими формами. У него цѣнятся тотъ, кто въ состояніи выпить огромное количество крѣпкаго напитка, кто можетъ сильнѣе затянуться махоркою, выдержать самыя страшныя пытки и истязанія, съѣсть огромное количество въ особенности трудноваримой пищи, обобрать огородъ, фруктовый садъ, кладовую, вообще—выкинуть изъ ряда выходящую штуку, соединенную съ сильнымъ впечатлѣніемъ. Цѣнность лица увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе поразить самый поступокъ. Несмотря на то, что между товарищами цѣнятся честность и вообще нравственныя качества, крайнія проявленія, совершенно не согласныя съ этими качествами, не только не отвергаются злостными забитыми, но даже засчитываются въ заслугу и возвышаютъ совершившаго такой поступокъ въ мнѣніи товарищей. Все это указываетъ на степень апатіи и потребности въ сильныхъ впечатлѣніяхъ, которыя бы дали возможность встрепенуться и выйти изъ гнетущаго состоянія. Даже религіозность ихъ выражается своеобразно, въ видѣ безчисленнаго числа земныхъ поклоновъ, словеснаго поста, т. е. рѣшеніи во время поста не говорить съ товарищами ни единого слова, не произносить ни единого звука, иногда же въ видѣ рѣзкихъ дѣйствій противоположнаго характера. Понятно, что нѣжность и ласки при такихъ условіяхъ не допускаются.

Вѣрнѣе и, повидимому, надежнѣе другой способъ—это справедливое, внимательное и простое отношеніе, причемъ ре-

бенку мало по малу предоставляется болѣе самостоятельности и свободы. Если сначала и могутъ являться безобразныя дѣйствія, то при послѣдовательномъ возбужденіи его къ умственной работѣ, эти явленія скорѣе исчезнутъ, чѣмъ при какихъ-либо другихъ условіяхъ. Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать нѣжными словами и внѣшнею ласкою; они вызовутъ только подозрѣніе со всѣми его послѣдствіями. Трудно себѣ представить такого злостнаго забитаго человѣка, на котораго не подѣйствовало бы правдивое, простое и справедливое обращеніе. Наблюденіе показываетъ, что это самое сильное орудіе, которое только возможно при-мѣнять въ такихъ случаяхъ, но къ которому, къ сожалѣнію, рѣдко прибѣгаютъ.

Если раньше, при разборѣ лицемѣрнаго типа, мы видѣли послѣдствія лжи и отсутствія умственной работы, у честолюбиваго типа—значеніе однороднаго, всеподавляющаго чувствованія и эгоизма, и въ добродушномъ типѣ—вліяніе правды, разсужденія, подчиненіе и связь личныхъ требованій нуждамъ и требованіямъ другихъ, то, при знакомствѣ съ настоящимъ типомъ, всего сильнѣе выступаетъ значеніе несправедливости и произвела при воспитаніи, связанныхъ съ угнетеніемъ или оскорбленіемъ человѣческихъ достоинствъ ребенка. Любовь, основанная на идеѣ правды, возвышаетъ человѣка и заставляетъ уважать его, безъ чего немыслимо развитіе истинныхъ человѣческихъ качествъ и достоинствъ, поэтому-то — самый главный и существенный агентъ при воспитаніи—это искренняя, неподдѣльная и глубокая любовь, могущество которой во всей его ширинѣ выступаетъ еще рѣзче и яснѣе, при знакомствѣ съ злостнымъ забитымъ типомъ, такъ какъ онъ развивается именно при полномъ отсутствіи любви.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ забитый злостный типъ, мы находимъ въ основаніи его проявленій одну черту, общую съ честолюбивымъ типомъ, а именно возбужденіе различныхъ чувствованій, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Въ первомъ случаѣ возбуждается чувствованіе оскорбленія, въ послѣднемъ—чувствованіе превосходства или даже величія. Возбужденіе всякаго рода чувствованій неминуемо ведетъ къ соотвѣтственной степени

угнетенія, за которымъ уже слѣдуетъ апатія, причемъ возбужденіе растетъ пропорціонально логарифму раздраженія.

Однакожь, несмотря на это сходство, они отличаются другъ отъ друга во 1-хъ) тѣмъ, что къ чувствованіямъ оскорбленія часто прибавляется еще и механическое вліяніе, увеличивающее эффектъ, чего въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ; во 2-хъ): въ первомъ случаѣ возбужденіе, вызываемое примѣняемыми мѣрами, доставляетъ не удовольствіе, а страданіе, и заставляетъ насколько возможно бѣжать отъ него къ такимъ же сильно возбуждающимъ удовольствіямъ; въ послѣднемъ же случаѣ, наоборотъ, оно пріятно дѣйствуетъ и потому сильно привлекаетъ къ себѣ; въ 3-хъ) причина, вызывающая возбужденіе въ первомъ случаѣ, дѣйствуетъ обыкновенно грубо, рѣзко, а потому сильнѣе вліяетъ; въ послѣднемъ же случаѣ вліяніе ея отличается большою мягкостью и большею постепенностью; въ 4-хъ): возбужденіе въ послѣднемъ случаѣ нѣсколько поддерживается еще воспоминаніемъ и потому понижается постепенно, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ воспоминаніе о непріятномъ возбужденіи настойчиво изгоняется и потому угнетеніе и апатія наступаютъ рѣзче и сильнѣе, отчего оставляютъ большой слѣдъ. Наконецъ, въ 5-хъ)—первый старается всѣми силами выйти изъ апатичнаго состоянія, что и проявляется у него рѣзкими, грубыми движеніями и дѣйствіями между тѣмъ какъ послѣдній стремится только къ тому, чтобы преодолѣть препятствія къ достиженію своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Сумма всѣхъ этихъ различій приводитъ къ тому, что проявленія злостнаго типа отличаются большею рѣзкостью и грубостью; онъ чаще лѣнивъ, циниченъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и развлеченіяхъ. Честолюбець же прилеженъ, онъ скорѣе эстетикъ во всемъ, что касается его внѣшности; соотвѣтственно этому и всѣ проявленія его болѣе мягки и изящны.

Подобно тому какъ проявленія радости и горя, смѣха и плача въ крайнихъ своихъ степеняхъ сливаются, совершенно теряя отличительныя черты, точно также исчезаютъ мало по малу и различія между этими двумя типами въ ихъ крайнихъ проявленіяхъ: оба они встрѣчаются на водѣ и преступленіи; въ послѣднемъ

случаѣ одинъ изъ личной цѣли стремится покорить себѣ весь міръ, — другой стремится уничтожить его за нанесенныя ему оскорбленія и страданія.

5. Забитый мягкій типъ.

Типъ этотъ въ противоположность предъидущему лучше всего назвать забитымъ мягкимъ типомъ. Онъ забить не строгими взысканіями и наказаніями, не розгою, онъ забить внѣшнею, живоотною ласкою, которая, какъ мы увидимъ, бьетъ не хуже розги и приводитъ не къ лучшимъ результатамъ. Его бы можно было еще назвать и «заласканнымъ» только этимъ послѣднимъ названіемъ не удастся охарактеризовать всѣ его проявленія.

Появляясь въ школѣ, ребенокъ такого типа сильно стѣсняется своей новой обстановкой: онъ не рѣшается самъ по себѣ ни пройти, ни встать, ни сѣсть; запустивши палецъ въ ротъ, онъ смотритъ, что дѣлаютъ другіе и мелочно имитируетъ имъ. Принужденный сдѣлать что-нибудь независимо отъ другихъ, онъ оказывается обыкновенно очень неловкимъ, неумѣлымъ и очень слезливымъ. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ онъ чаще всего прибѣгаетъ къ слезамъ; да и плачетъ онъ какъ 3—4-лѣтній ребенокъ съ крикомъ и воемъ, закрывая глаза тыльной стороной ручной кисти и распуская слюни изъ раскрытаго рта.

Когда онъ нѣсколько попривыкъ къ школьной обстановкѣ, онъ входитъ въ стадо, и имъ управляетъ лицомѣръ или честолюбецъ, а защищаетъ добродушный. Вообще ребенокъ этого типа находится подъ покровительствомъ или вліяніемъ какого-либо другаго товарища, и его дѣйствія и разсужденія вполне зависятъ отъ послѣдняго. Поэтому онъ является то добрымъ, мягкимъ, послушнымъ, то напротивъ того очень требовательнымъ, недовольнымъ, непокорнымъ. Съ другими дѣтьми онъ и пошалитъ, но и то больше повторяя видѣнное и слышанное.

Къ своимъ занятіямъ, такой ребенокъ относится равнодушно, исполняя все то, что требуется, и выучивая заданное.

Если чего можно не сдѣлать, то онъ отъ этого совсѣмъ не

прочь, — онъ охотно пропуститъ задачу или обойдетъ не особенно строго проводимое правило.

Въ товариществе онъ относится стадно; никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій у него не бываетъ; онъ является только слѣпымъ исполнителемъ предъявленныхъ ему требованій и начертаній и отличается главнымъ образомъ своими отрицательными качествами: онъ зла не сдѣлаетъ, потому что мама сказала, что это не хорошо, что такъ дѣлать не слѣдуетъ — грѣхъ. Онъ обыкновенно исполняетъ всѣ внѣшніе обряды, но при этомъ зѣваетъ и смотреть въ сторону. Онъ обыкновенно не жметъ, а если скажетъ неправду, то покраснѣетъ и сдѣлаетъ рядъ безобразныхъ движеній, закрывая свое лицо рукою и отворачиваясь отъ того, кому сказалъ эту неправду.

Въ проступкахъ онъ легко сознается и также легко указываетъ на зачинщика и участниковъ, поэтому онъ — ненадежный товарищъ. Онъ всегда бываетъ «умникомъ» и благихъ намѣреній ребенкомъ. Выдаетъ онъ своихъ товарищей вовсе не съ намѣреніемъ подслужиться и не изъ личной выгоды, а просто потому что спрашиваютъ.

Холодный и равнодушный, онъ въ сущности никого не любитъ, а только, такъ сказать, прицѣпляется къ кому нибудь и не отходитъ отъ него ни на шагъ точно также, какъ раньше не отходилъ ни на шагъ отъ матери или отъ няни. Оставленный одинъ онъ и впоследствии совершенно теряется. Величайшее горе, которое только можетъ быть у этого ребенка, это — такое положеніе, гдѣ онъ предоставленъ самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, гдѣ нѣтъ никакой посторонней помощи и заботы. Выражаясь аллегорически можно сказать, что онъ умретъ съ голода, сидя около каравая хлѣба, такъ какъ ему никто не указалъ какъ отрѣзать. Если эта аллегорія нѣсколько преувеличена, то тѣмъ рѣзче она показываетъ намъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ этого типа. Такое горе для него конечно самое сильное, потому что всѣ остальные, пояляющіяся у него тревоги и безпокойства легко проходятъ совсѣмъ, безъ слѣда, послѣ легко наступающаго безмятежнаго сна. Наединѣ онъ всегда скучаетъ и самъ никогда не можетъ приискать себѣ никакого занятія или развлечения. Всѣ неудачи, препятствія

или неожиданныя явленія становятъ его въ тупикъ, и онъ совершенно не въ состояннн справляться съ ними безъ посторонней помощи. Онъ не сдѣлаетъ ни малѣйшаго усилія, чтобы преодолѣть ихъ, а беспомощно остановится передъ ними и, если никто не придетъ ему на помощь, то слезы, рыданія и внѣшнія проявленія тревоги будутъ единственнымъ эффектомъ съ его стороны. Терпѣть боли или какія-либо физическія страданія, онъ также не въ состояннн, — онъ раскисаетъ при этомъ и оказывается въ высшей степени трусливымъ. Исполнить порученіе онъ можетъ только тогда, когда все необходимое ему раньше было показано, ибо дѣйствовать онъ можетъ только по имитации. При всякомъ болѣе сильномъ возбужденнн онъ сдѣлаетъ непременно какую-либо несообразность либо словомъ, либо дѣйствіемъ.

Въ школѣ онъ можетъ оказаться прилежнымъ и исполнительнымъ, выучить все, что ему зададутъ, стараясь запомнить и приготовить только такъ и на столько, на сколько требуетъ учитель. Стоитъ только уменьшить требованія или понизить бдительность за нимъ и онъ окажется лѣнливымъ и неряшливымъ ученикомъ. Смирный, боязливый и даже трусливый при строгомъ обращеннн съ нимъ, онъ дѣлается капризнымъ и раздражительно требовательнымъ при противоположныхъ условіяхъ. При занятіяхъ онъ скоро дѣлается самоувѣреннымъ, предполагая, что онъ все знаетъ, по крайней мѣрѣ всѣ тѣ науки, которыя обыкновенно значатся въ такомъ большемъ числѣ, въ росписанн нашихъ учебныхъ заведенн. Что сегодня онъ выучитъ, то готовъ завтра преподавать другимъ, при чемъ во всемъ будетъ имитировать своихъ преподавателей. Наблюдательности у него очень мало; поэтому онъ имитируетъ только болѣе рѣзкія явленія, что иногда выходитъ очень карикатурно.

Полное отсутствіе сознательнаго отношенія къ своимъ нуждамъ выражается въ высшей степени во всѣхъ его проявленіяхъ: онъ съ искусствомъ шаркаетъ ножкой, гладокъ, чистъ и изыщенъ, когда ему все приготовлено и показано, и на оборотъ онъ неряшливъ, оборванъ и грязенъ, и при появленн чужаго или совершенно не поклонится или же убѣжитъ и даже спрячется, если только

никто раньше въ этомъ отношеніи о немъ не позаботился и не далъ ему соотвѣтственныхъ распоряженій.

Оставшись безъ надзора, онъ будетъ неумѣренъ во всемъ, что ему понравится и что произведетъ на него болѣе сильное впечатлѣніе. Пища, питье, танцы и всевозможныя развлеченія, не имѣющія чисто эстетическаго значенія, а влияющія только перемѣною и увеличенною степенью впечатлѣнія, легко могутъ служить даже причиною заболѣванія его, вслѣдствіе неумѣренности въ употребленіи или въ пользованіи ими. Удовлетворяя эти свои потребности, онъ никогда не думаетъ и не принимаетъ въ расчетъ требованія другихъ; ему бы только насытить себя и удовлетворить свои требованія. Чтеніе литературныхъ произведеній и вообще серьезное чтеніе ихъ обыкновенно не привлекаетъ; по собственному побужденію они чтеніемъ не занимаютъ.

Подъ влияніемъ школы, мягкій забитый ребенокъ развѣ нѣсколько разовьетъ свою память, но пользоваться приобретенными знаніями онъ все же обыкновенно не въ состояніи. Неопытный, совершенно незнакомый съ жизнію, неподготовленный къ какой либо самостоятельной дѣятельности, онъ все же обыкновенно очень доволенъ собою, а также и своею жизнію, если только ему не приходится заботиться о своемъ существованіи и терпѣть лишеній. Никакихъ отвлеченныхъ понятій у него нѣтъ, онъ реалистъ во всѣхъ отношеніяхъ, но всегда по подражанію и реализмъ его доходитъ часто до цинизма.

Такія дѣти встрѣчаются главнымъ образомъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя ихъ приходится встрѣчать и въ мужскихъ, какъ въ среднихъ, такъ даже и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ типъ сохраняется довольно чисто и гдѣ онъ отличается тѣмъ же богатствомъ отрицательныхъ качествъ: ни пониманія, ни опытности и здѣсь у него нѣтъ, вездѣ онъ смотритъ теленкомъ, отыскивающимъ свое стадо и слѣдующимъ за пастухомъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ трудолюбивъ и исполнительенъ: все выучить, все зазубрить, но совершенно особенно, по своему, чисто—механически. Если послѣдить за нимъ, когда онъ занимается наединѣ, то можно подмѣтить очень характерныя особенности: сосредоточиться надъ дѣломъ онъ долго не можетъ и по-

тому, принявшись съ приступомъ, твердо повторяетъ вслухъ по нѣскольку разъ отдѣльныя фразы, затѣмъ отдѣльныя ихъ части, отдѣльныя слова — слоги — звуки—тоны, далѣе—переходъ на знакомый мотивъ—отдыхъ, при этомъ папироска, хожденіе вдоль и поперекъ комнаты, затѣмъ опять приступъ и т. д. Невозможность долго останавливаться надъ дѣломъ и неумѣніе распредѣлить и воспользоваться своимъ временемъ протягиваютъ занятія и приготовленія уроковъ до безконечности, а въ результатъ выходитъ развѣ только выдержанный экзамень. Къ дѣлу же — полная негодность, полное отсутствіе интереса, всякой инициативы и самостоятельности, при крайней внутренней неряшливости и нерѣшительности. Привязанности, любви — никакой; одинъ лишь эгоизмъ и полное самодовольство. У дѣвочекъ забитаго мягкаго типа, всѣ эти явленія выступаютъ въ такой же характеристической формѣ, и нѣкоторые изъ этихъ свойствъ иногда считаются очень цѣнными даже у взрослыхъ дѣвушекъ и принимаются за выраженіе наивности. Каждое новое или болѣе сильное впечатлѣніе у нихъ всегда сопровождается оханіемъ, вскрикиваніемъ, вздрагиваніемъ—словомъ рядомъ безцѣльныхъ движеній или ломаній, которыми онѣ реагируютъ на всѣ подобныя впечатлѣнія. Лицо совершенно гладкое съ безучастнымъ и безпечнымъ выраженіемъ, глаза направленные безучастно куда-то вдаль, такая же беззаботная рѣчь, постоянная слезливость и всевозможныя украшенія составляютъ всегда характеристическіе признаки людей этого типа. Недостоянство и измѣнчивость ихъ поразительны: всѣ ихъ дѣйствія зависятъ всегда отъ окружающихъ лицъ, которымъ они имитируютъ во всѣхъ отношеніяхъ, воспроизводя все, что сильнѣе на нихъ повліяло и что произвело болѣе сильное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ они не въ состояніи справиться съ какимъ либо серьезнымъ дѣломъ, если только оно требуетъ хотя бы малѣйшей самостоятельности или пониманія. Къ технической дѣятельности они еще болѣе годны, но только въ томъ случаѣ, если при этомъ не требуется ни видоизмѣненія показаннаго, ни малѣйшаго творчества. Слѣдя за забитымъ мягкимъ типомъ по выходѣ изъ школы, легко убѣдиться, что онъ все же удерживаетъ главные характеристическія черты. Люди этого типа остаются мягкими «добрými

малыми», очень самодовольными и самоуверенными, готовыми взяться всегда за всякое дѣло, которое они непременно испортятъ и разстроятъ. Въ сущности они остаются все тѣми же холодными безучастными эгоистами, безъ всякаго пониманія и самостоятельности, въ какой бы дѣятельности они не появлялись до ученой или профессорской включительно. Обладая властью они отличаются наивною важностью и напыщенностью передъ подчиненными и большою трусостью и малодушіемъ при противоположныхъ отношеніяхъ. Объ отвлеченіи и идеяхъ и говорить нечего — ихъ у такихъ лицъ и слѣдовъ нѣтъ, хотя все это можетъ маскироваться заучеными фразами и цитатами.

Появляются такіе типы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всякая дѣятельность ребенка предупреждается, когда все для него готово и онъ никогда не возбуждается къ разсужденію и къ самостоятельному распоряженію своимъ временемъ и своими дѣйствіями. Честолюбивая или раздражительная мать, не терпящая никакихъ противорѣчій, желая похвалиться своими дѣтьми, старается ласками и угодою ихъ чувствованіямъ сдѣлать ихъ умниками и послушными и такимъ образомъ всего болѣе содѣйствуетъ развитію дѣтей забитаго мягкаго типа. Тоже самое бываетъ при постоянномъ требованіи отъ ребенка внѣшнихъ обрядностей, а также при предупрежденіи всѣхъ его требованій и желаній. Гораздо хуже строгихъ наказаній, хуже розги забиваетъ это безтолковое заласкиваніе ребенка, когда при этомъ его окружаютъ еще возможно болѣе пышностью и роскошью и съ ранняго возраста подвергаютъ сильнымъ впечатлѣніямъ, вывозя его на собранія, вечера, балы, концерты, театры, путешествуя съ нимъ по всевозможнымъ странамъ и при этомъ постоянно удовлетворяютъ всѣ его нужды, предупреждая всѣ его желанія, никогда не допуская никакихъ лишеній; — въ тоже время дѣятельность ребенка обыкновенно ограничивается милліономъ краткихъ и бессмыслѣннѣйшихъ моралей вроде «не шали», «веди себя скромнѣе», «такъ не принято», «неприлично», «такъ умники не дѣлаютъ», «не приставай съ своими разсужденіями», «объ этомъ хорошіе дѣти не говорятъ», «не разсуждай, а дѣлай то-то и то-то» и т. д. и т. д., но все это безъ малѣйшаго смысла, безъ всякихъ сколько нибудь разумныхъ объа-

сненій, постояннымъ напоминаніемъ ему, но безъ примѣненія какихъ либо насильственныхъ мѣръ. Однимъ словомъ, мы видимъ здѣсь совершенно внѣшнее безучастное отношеніе къ ребенку, удовлетвореніе главныхъ его потребностей и проявленіе вниманія къ нему одиѣми внѣшними ласками — при отсутствіи или устраненіи какихъ-либо условій, возбуждающихъ къ умственной дѣятельности.

Кромѣ подобныхъ семейныхъ условій, такой типъ является также и въ закрытыхъ, въ особенности женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ въ семьѣ представители его носятъ названіе «маленькихъ сынковъ и дочерей», такъ въ учебныхъ заведеніяхъ они характеризуются названіемъ «институткозъ». Постоянныя регламентации, строгое исполненіе извѣстныхъ, по шаблону заученныхъ обрядовъ и внѣшнихъ выраженій приличія, отсутствіе какой либо самостоятельности и заботы, механическое чисто внѣшнее отношеніе ко всѣмъ своимъ занятіямъ и къ окружающимъ ихъ лицамъ, равнодушіе и оффиціальность лицъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло — все это неминуемо должно содѣйствовать появленію самыхъ рѣзкихъ формъ этого типа, который собственно лучше всего и изучается въ такихъ заведеніяхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ причины, содѣйствующія развитію забитаго мягкаго типа, сводятся вездѣ къ одному и тому же. Предупрежденіе всякой самостоятельной дѣятельности ребенка, уничтоженіе всякой инициативы, всякаго начинанія ребенка, отсутствіе и заботливое устраненіе условій для развитія умственной дѣятельности, — вотъ главные моменты, которые будутъ вліять во всѣхъ возможныхъ проявленіяхъ.

Прослѣдить связь между всѣми явленіями, наблюдаемыми у ребенка этого типа, и причинами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ развивается, теперь уже не трудно, если вспомнить все сказанное относительно значенія уже описанныхъ типовъ. Поэтому здѣсь достаточно остановиться только на нѣкоторыхъ явленіяхъ, характеризующихъ главнымъ образомъ этотъ типъ.

Выдающимися качествами ребенка этого типа будутъ, отсутствіе наблюдательности, опытности, самостоятельности и инициативы. При разборѣ лицемѣрнаго типа мы уже говорили, что

дѣйствія его главнымъ образомъ рефлекторно-опытныя. Изъ ряда безцѣльныхъ и безобразныхъ движеній, онъ скоро выдѣляетъ такіе, которыми онъ въ состояніи всего скорѣе удовлетворить известной потребности или достигнуть известной цѣли. Ребенокъ лицемѣрнаго типа, предоставленный большею частью самому себѣ, вскорѣ усваиваетъ себѣ нѣкоторую опытность, которую и руководствуется при дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Гдѣ онъ разъ обжегся, туда онъ во второй разъ не лѣзетъ, а направится по возможности туда, гдѣ легко удовлетворилъ свою потребность; онъ только замѣчаетъ условія, сопровождающіяся выгодными или невыгодными для него явленіями; въ этомъ именно и состоитъ его практическая опытность, которую онъ всегда пользуется при своихъ дѣйствіяхъ. Ребенка же забитаго мягкаго типа постоянно предупреждаютъ о томъ, чтобы онъ не обжигался, — постоянно заботятся о томъ чтобы его потребности были по возможности удовлетворены; вслѣдствіе этого нѣтъ стимула, заставляющаго замѣчать явленія и добыть себѣ хотя бы практическую опытность лицемѣра. Кромѣ того, такой ребенокъ никогда ничего самъ не начиналъ, — ему всегда говорили, что дѣлать, куда идти, что сказать, чѣмъ, какъ и когда развлекаться: когда ѣсть, когда пить, когда гулять, когда спать — ему ни о чемъ не приходилось заботиться, его во всемъ всегда предупреждали, поэтому у него нѣтъ ни инициативы, ни самостоятельности. Умственную дѣятельность этого ребенка никогда, ничѣмъ не поддерживали; на его вопросы ему чаще всего отвѣчали, чтобы онъ не шумѣлъ и не разсуждалъ, — чтобы былъ умникъ и велъ себя прилично. Безъ разсужденія у него конечно не могли развиваться центры его разума и волевыхъ проявленій. Безъ опытности, инициативы, самостоятельности и воли ему остается только имитировать тому, кто на него вліяетъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность такого ребенка преимущественно имитационная; онъ поэтому и старается прицѣпиться и слѣдовать за кѣмъ-либо другимъ, быть въ стадѣ и исполнять распоряженія пастуха. Всякое дѣйствіе, требующее какой либо инициативы и самостоятельности, которое было вызвано случайными обстоятельствами, для него положительно невозможно и вызываетъ съ его стороны только рядъ безцѣльныхъ, безобразныхъ движеній или

ломаній. Послѣднія являются, какъ результатъ подѣйствовавшихъ на него возбужденій или раздраженій и соотвѣтствуютъ степени и качеству послѣднихъ. Ломанія и безобразныя движенія всегда указываютъ на отсутствіе умственной дѣятельности, ибо раздраженіе прямо переходитъ въ мышечную работу. Предупредительное удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ, какъ напр., усиленное кормленіе, содѣйствуетъ развитію чувствованій, сопровождающихъ насыщеніе, и постепенному усиленію ихъ. Оказывается, что дѣти этого типа часто охотно принимаютъ большое количество пищи и чѣмъ больше имъ давать ее, тѣмъ больше мало по малу увеличивается ихъ требовательность. Поэтому у нихъ часто встрѣчается страданіе кишечнаго канала. Кажется все у нихъ есть и съ лихвою, — нѣтъ, они постоянно высматриваютъ, какъ бы еще что получить; часто они бываютъ не разборчивы даже въ пищу — ѣдятъ все, что попадется. Это доказываетъ, что они не руководствуются вкусовыми впечатлѣніями, а желаютъ только набить себѣ желудокъ пищею, чтобы, растянувъ его, вызвать чувство полноты и насыщенія. Какъ только желудокъ нѣсколько освободился и этого чувствованія уже нѣтъ, они опять готовы принять новое количество пищи до появленія того же чувствованія. Выше уже было сказано, что характеръ человѣка развивается изъ отношеній волевыхъ проявленій къ чувствованіямъ. Если слѣдовательно эти проявленія не развиты, то ребенокъ или молодой человѣкъ будетъ слабаго характера, онъ не въ состояніи справиться съ своими чувствованіями и потребностями и при появленіи ихъ до тѣхъ поръ будетъ тревожиться, беспокоиться и производить рядъ безобразныхъ движеній, пока не удовлетворитъ ихъ. Отсюда безхарактерность и неустойчивость лицъ этого типа, а такъ какъ условія для развитія физическаго, и нравственнаго нашего характера совершенно одинаковы, то вмѣстѣ съ этимъ выясняются и причины того малодушія, той трусливости и боязливости, которая наблюдается у такихъ лицъ. Не только у ребенка, но и у взрослого мы видимъ совершенно тѣже самыя явленія, какъ только будутъ дѣйствовать соотвѣтственныя причины. Вообще человѣкъ, которому постоянно все приготовляютъ и предупреждаютъ всѣ его требованія и желанія, мало по малу до такой степени отвыкаетъ слѣ-

дить за собой и за своими потребностями, что и не замѣтитъ, что части его туалета въ невозможномъ безпорядкѣ, волосы не чесаны, не въ мѣру имъ съѣдено и т. д. Бдительность окружающихъ нѣсколько ослабла и онъ дѣлается паразитальной неряхой, у него являются катарры желудка и тому подобныя страданія. Разница только въ томъ, что у взрослого все это можетъ ограничиваться только внѣшними проявленіями, а у ребенка неряшливость и беззаботность выразятся во всѣхъ его дѣйствіяхъ и проявленіяхъ.

Если ребенка этого типа не подвергали сильнымъ впечатлѣніямъ, а только предупреждали всѣ его желанія и требованія и не содѣйствовали его умственному развитію, не поддерживали его стремленій и разсужденій, то впечатлительность его вполне сохраняется; но, легко воспринимая внѣшнія впечатлѣнія, онъ имъ сильно имитируетъ, а при болѣе сильномъ возбужденіи или раздраженіи, онъ производитъ рядъ безцѣльныхъ движеній, — очень бурно радуется, вскрикиваетъ и вздрагиваетъ, и при малѣйшей непріятности, горько плачетъ и тревожится. Все это очень легко у него появляется и обыкновенно также легко исчезаетъ; проспится и все пройдетъ, если только причина перестала дѣйствовать. Понятно, что съ такимъ ребенкомъ все еще легче справиться, и серьезная, идеальная школа можетъ содѣйствовать выработкѣ изъ него даже человѣка. Но у ребенка, котораго подвергали сильнымъ впечатлѣніямъ, котораго рано стали вывозить въ свѣтъ, на балы, обѣды, вечера, театры, концерты и т. д., котораго постоянно окружали роскошью, приучили къ пестрымъ нарядамъ, и всевозможному внѣшнему блеску, впечатлительность вслѣдствіе этого притуплена, и онъ всегда отличается апатіею и вялостью, изъ которой его можно возбудить только сильными впечатлѣніями, сильными раздраженіями и возбужденіемъ. Дѣвочку съ ранняго возраста украшаютъ, одѣваютъ въ платья самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ, обвѣшиваютъ блестящими украшениями въ видѣ браслетъ, серегъ, запонокъ и т. д. Съ семи или восьмилѣтняго возраста, на нее уже надѣваютъ лифчикъ изъ плотной матеріи, прошитый толстыми шнурами и служащій для слабаго стягиванія грудной кѣтки, въ особенности въ ея нижней половинѣ. Съ десяти или двѣнадцатилѣтняго возраста, на нее надѣваютъ корсетъ съ металлическими

пластинками, который постепенно затягивают все сильнѣе. Ее научаютъ извѣстнымъ образомъ стоять, вытягиваться, складывать руки на животъ, даютъ правила для губъ, глазъ и носа, приучаютъ такъ-то сидѣть и такъ-то ходить и кланяться; заставляютъ заучивать фразы и различныя позиціи при танцахъ—однимъ словомъ, заколачиваютъ въ такую тѣсную рамку, въ которой можетъ двигаться развѣ только маріонетка. Правила нравственности также заучены; они раздѣляются на «стыдно» и «не стыдно», «прилично» и «не прилично»; такъ какъ заученныя правила исключаютъ пониманіе, то они, понятно, могутъ постоянно мѣняться и иногда являются даже въ самомъ безобразномъ видѣ; критерія ихъ вѣрности или правды у нихъ нѣтъ.

Всѣ украшенія, которыми они окружаются, предполагаютъ отсутствіе внутреннихъ достоинствъ и потому примѣненіе ихъ въ принципѣ основано на лжи. Это—мишура, которой прикрывается пустота. Дѣйствительно интеллигентный человѣкъ отличается простотою своей внѣшности, и на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что чѣмъ выше степень образованія и развитія женщины, тѣмъ проще ея внѣшность относительно требованій той среды, въ которой она находится. Зачѣмъ же изъ ребенка дѣлать вѣшалку различныхъ украшеній? Зачѣмъ подвергать его сильнымъ впечатлѣніямъ и вносить ложь, хотя бы въ его внѣшній видъ? Ясно, что это можетъ только притупить его впечатлительность и развратить его. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ частей туалета могутъ положительно вредно вліять на организмъ молодого человѣка, въ особенности это относится къ корсету. При вдыханіи, мы въ силу существующихъ здѣсь механическихъ условій съ наименьшею тратою силы и съ наибольшимъ эффектомъ расширяемъ нижнюю часть грудной кѣтки, а слѣдовательно и растягиваемъ легкіе. Подвижность въ этой части у насъ удобно развивается постояннымъ упражненіемъ мышцъ, которыя еще болѣе облегчаютъ эту работу. Корсетомъ мы стягиваемъ главнымъ образомъ эту нижнюю половину груди и дѣлаемъ расширение ея, при вдыханіи, почти невозможнымъ. Въ такомъ случаѣ работа эта переводится на верхнюю половину груди, гдѣ она труднѣе, требуетъ больше тратъ и никогда не можетъ растянуть легкія на столько, на сколько это воз-

можно, при расширеніи груди въ нижней части. Обыкновенно даже говорятъ о женскомъ или верхнемъ дыханіи и о мужскомъ или нижнемъ дыханіи, но такого полового различія на самомъ дѣлѣ нѣтъ и оно не признается въ механикѣ человѣческаго организма. Наблюденія показываютъ, что женщины, не носившія въ молодомъ возрастѣ корсета, дышутъ также, какъ мужчины; кромѣ того, при опытахъ надъ щенятами удалось стягиваніемъ нижней (или задней) половины груди вызвать у каждаго щенка женское дыханіе. Соответственные препараты сохраняются у меня въ кабинетѣ. Корсетъ между тѣмъ содѣйствуетъ уменьшенію вѣса и емкости легкихъ при одинаковомъ ростѣ. Абсолютный вѣсъ легкихъ мужскихъ равняется 1320 гр., а женскихъ 1050 гр. Относительно вѣса всего тѣла, вѣсъ легкихъ у мужчинъ составляетъ $\frac{1}{37}$, а у женщинъ $\frac{1}{43}$ часть. По моимъ наблюденіямъ, емкость легкихъ у женщинъ на 1000 и на 1500 куб. сант. меньше, чѣмъ у мужчинъ, при одинаковомъ ростѣ; между тѣмъ какъ среднія числа емкости легкихъ у молодыхъ дѣвицъ, никогда не носившихъ корсета, сходятся съ числами, полученными у молодыхъ людей соответственнаго роста и возраста. Уменьшенный приходъ воздуха непременно понижаетъ дѣятельность во всѣхъ частяхъ тѣла и содѣйствуетъ развитію цѣльнаго ряда явленій, которыя обыкновенно причисляются къ половымъ различіямъ. Недостаточное окисленіе въ организмѣ и пониженіе его дѣятельности содѣйствуютъ отложенію жира и большей нервной раздражительности. Кромѣ того, мышцы позвоночнаго столба и нижней части грудной кѣтки мало по малу атрофируются отъ бездѣйствія, вслѣдствіе вызванной корсетомъ неподвижности, а уменьшеніе ихъ дѣятельности приводитъ въ свою очередь къ общему пониженію обмѣна элементовъ въ нашемъ тѣлѣ, въ особенности если, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, наши умственные центры также бездѣйствуютъ. Сжатіемъ грудной кѣтки сдавливаются книзу брюшныя внутренности, которыми растягиваются брюшныя стѣнки и такимъ образомъ понижается дѣятельность мышцъ, входящихъ въ составъ этихъ стѣнокъ. Ослабленіе этихъ послѣднихъ и отложеніе въ нихъ большого количества жира всегда служитъ причиною различныхъ страданій и непременно дѣйствуетъ неблагоприятно при актѣ ро-

довь. Опыты, произведенные надъ щенятами, которымъ сжимали корсетомъ нижнюю (заднюю) половину грудной кѣтки, показали, что они первоначально жирѣли, затѣмъ у нихъ развивались явленія малокровія, отчего они всѣ и погибли. При изслѣдованіи оказалось, что грудь ихъ приняла форму такъ называемой женской груди, легкія были сжаты въ нижнихъ частяхъ, сердце нѣсколько смѣщено къ средней линіи тѣла и брюшныя стѣнки растянуты. Понятно, что эти признаки полученные въ продолженіе 6—7 мѣсяцевъ, очень рѣзки, потому что опыты производились надъ совершенно молодыми животными, а чѣмъ они моложе, тѣмъ рѣзче должны быть получаемые эффекты. Слѣдовательно корсетъ несомнѣнно дѣйствуетъ положительно вредно, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; поэтому въ школьномъ возрастѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ, тѣмъ болѣе, что единственная его цѣль состоитъ въ искусственномъ искаженіи тѣла съ ложно-эстетическою цѣлью. Все это не имѣетъ ничего общаго съ задачей школы. Тоже самое можно сказать и о другихъ частяхъ нарядовъ, а также и объ обуви.

Самодовольство и ложная самоувѣренность ребенка забитаго мягкаго типа составляетъ несомнѣнно прямое слѣдствіе апатіи и отсутствія желанія расширять и провѣрять свою дѣятельность. Ограничиваясь въ своей дѣятельности имитацией, онъ очень легко достигаетъ удовлетворенія требованій, при чемъ у него является увѣренность въ томъ, что онъ въ состояніи исполнить всякое требованіе и разрѣшить всякій вопросъ. Чѣмъ меньше человекъ знаетъ, тѣмъ больше ему кажется, что онъ все усвоилъ и въ состояніи все рѣшить. Ребенокъ, который только-что началъ читать, всегда скажетъ, что умѣетъ читать и не прочь даже прибавить слово «хорошо». Покажите ребенку какіе-либо опыты изъ физики и химіи, и онъ, при первомъ случаѣ, скажетъ, что онъ знаетъ и физику, и химію: все это такъ легко ему далось, что онъ предполагаетъ, что, если какія-либо знанія онъ себѣ еще не усвоилъ, то изученіе ихъ ему не доставитъ ни малѣйшаго затрудненія. Только настойчивыя и серьезныя занятія, провѣряемые различными методами, показываютъ, сколько вниманія, сколько труда, сколько напряженія умственныхъ силъ необходимо для того,

чтобы дѣйствительно усвоить себѣ научныя истины. Начиная съ самыхъ элементарныхъ методовъ ученія и доходя до самыхъ сложныхъ, мы прокладываемъ у себя пути къ развитію центровъ разума, а слѣдовательно—къ дѣйствительному знанію той или другой науки, освѣщенному критикой и пониманіемъ ея, между тѣмъ какъ заучиваніе или знакомство съ одними результатами и выводами можетъ развить только разсудочные центры и память. Запоминаніе требуетъ во всякомъ случаѣ меньшаго труда и можетъ быть достигнуто совершенно механически, но результатомъ его будетъ только имитация. Чѣмъ поверхностнѣе и болѣе механически ребенокъ относится къ своимъ занятіямъ, чѣмъ болѣе онъ имитируетъ, тѣмъ легче ему кажется знакомство съ дѣломъ, тѣмъ скорѣе у него является увѣренность въ своихъ знаніяхъ. Притупленная впечатлительность или апатія дѣлаютъ его не воспріимчивымъ къ внѣшнимъ вліяніямъ, поэтому онъ меньше останавливаетъ свое вниманіе на этихъ вліяніяхъ, меньше задумывается надъ ними, а вмѣстѣ съ этимъ и требованія его къ самому себѣ уменьшаются, что приводитъ къ самодовольству и умственной неподвижности. Чѣмъ съ большею послѣдовательностью и настойчивостью мы относимся къ своимъ занятіямъ, чѣмъ болѣе анализируемъ явленія и вырабатываемъ понятія о нихъ, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся въ трудности дойти до истины; мы приучаемся видѣть и понимать свои ошибки и недостатки, терпимъ неудачи, боремся съ ними, часто одолеваяемъ ихъ и также часто падаемъ подъ ихъ ударами — все это указываетъ на трудность усвоенія истинныхъ знаній, дѣлаетъ насъ скромнѣе и осторожнѣе и постоянно подстрекаетъ насъ къ дальнѣйшему совершенствованію.

Имитация и внѣшнія отношенія такого ребенка доходятъ до того, что онъ ласкается и прицѣпляется къ тому, за кѣмъ ему проще и легче идти и кто больше удовлетворяетъ его главныя потребности. Истинной привязанности и любви у него положительно нѣтъ, онъ относится ко всѣмъ холодно и равнодушно. Такой забытый, апатичный ребенокъ чрезвычайно трудно поддается образованію и развитію; отъ него какъ-то все отражается, все скользитъ по поверхности, а въ глубину не идетъ. Въ школѣ, гдѣ на индивидуальныя проявленія не обращаютъ никакого вниманія, этотъ

типъ часто принимаетъ рѣзко нахальный характеръ; претензій и самоувѣренности очень много, а умѣнія чрезвычайно мало. На словахъ онъ все знаетъ, всему обучался, обо всемъ можетъ или по крайней мѣрѣ берется говорить, на дѣлѣ же не въ состояннн сдѣлать ничего; онъ можетъ только имитировать и то грубо и неловко; передъ первымъ препятствіемъ онъ останавливается, опускаетъ руки и либо сейчасъ же отворачивается отъ него; либо слезами и различными звуками выражаетъ всю свою неспособность и полную негодность къ какому либо дѣлу. Никогда не останавливаясь надъ нуждами другихъ и не будучи въ состояннн выяснитъ себѣ послѣдствія этихъ нуждъ, ребенокъ долженъ отличаться узкимъ эгоизмомъ, что у него дѣйствительно наблюдается постоянно.

Дѣло воспитанія у насъ установилось еще такъ мало, что обыкновенно оно основывается болѣе на личныхъ возрѣнняхъ и субъективныхъ ощущенняхъ. Существующую въ настоящее время «педагогикѹ» можно опредѣлить такимъ образомъ, что это есть предметъ, преподаваемый почти исключительно въ послѣднихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведенннхъ и дающнй матеріалъ для зубреннн къ различнымъ установленнымъ тамъ репетиціямъ и экзаменамъ. Подъ влнннемъ личныхъ возрѣннхъ и чувствованннхъ, производятся часто самые непозволительные опыты, результаты которыхъ, къ сожалѣнню, остаются обыкновенно неизвѣстными и теряютъ поэтому даже то отрицательное значенне, которое могли бы имѣть. Имѣя случай видѣть результатъ и знать весь ходъ такого опыта, постараюсь сообщить его здѣсь вкратце.

Пятимѣсячнаго мальчика отдали въ воспитательное учрежденне, представительница котораго руководствовалась самыми лучшими основанннми и желала одного — содѣйствовать развитню и образованню самостоятельныхъ и разумныхъ людей. Ребенокъ жилъ, насколько это было возможно при лучшихъ гигиеническихъ условннхъ, въ деревнѣ, при тихой и спокойной обстановкѣ; за нимъ слѣдила внимательная и любящая воспитательница. Всѣ игры и занятнн примѣнялись по методамъ лучшихъ педагоговъ; при прогулкахъ и въ свободное время его занимали разсказами изъ жизни растений и животныхъ и знакомили съ окружающею природою,

стараясь, по возможности, сдѣлать разсказъ болѣе интереснымъ и даже эффектнымъ.

Наказанія для него сначала не существовали; ребенку выясняли неправильность его дѣйствій и старались показать неблагоприятныя ихъ послѣдствія. Все ему было приготовлено и всѣ требованія предупреждались. Чтобы находящіяся въ этомъ заведеніи дѣти постоянно понимали явленія, съ которыми встрѣчались, и чтобы имъ можно было всегда выяснить ихъ вопросы и сомнѣнія, взрослые избѣгали такихъ словъ и выраженій, объясненія которыхъ ихъ стѣсняли или которыя могли бы произвести непріятное впечатлѣніе на дѣтей, напр. клевета, обманъ, болѣзнь, ложь, ханжество, воровство, убійство, разводъ, сватовство, смерть, разсужденія о матерьяльныхъ выгодахъ и мелкихъ житейскихъ расчетахъ и т. д. и т. д.

Ребенокъ сдѣлался любимцемъ главной воспитательницы и пользовался поэтому ея особыми заботами; его находили и умнымъ, и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ; ему ни въ чемъ не отказывали и насыщали всякими удовольствіями до отвала. Раздражительная, очень непостоянная и нервная мать пріѣзжала по временамъ, оставалась долгое время въ заведеніи и всякими ласками и угощеніями старалась привязать къ себѣ сына; иногда она по цѣлымъ часамъ выпрашивала у него разрѣшенія поцѣловать его руку. Такъ прожилъ онъ до пятилѣтняго возраста, когда неблагоприятныя условія заставили главную воспитательницу передать своего любимца другимъ лицамъ, и она уже не могла заниматься имъ по прежнему. Лица, слѣдившія за ребенкомъ, мѣнялись; они уже съ меньшимъ вниманіемъ занимались съ нимъ и часто оставляли безо всякаго вниманія. Ребенокъ поступилъ въ дѣтскій садъ, гдѣ соблюдали такое правило: если кто при первомъ урокѣ невнимателенъ и не исполняетъ всѣхъ требованій, тотъ не допускается ко всѣмъ остальнымъ урокамъ дня. Случалось такъ, что первымъ занималось лицо, которое съ ребенкомъ худо ладило, а потому его почти постоянно оставляли безъ занятій; это слѣдовательно примѣнялось уже въ видѣ наказанія. Имъ часто оставались недовольны, ибо онъ не обращалъ вниманія на дѣлаемые ему замѣчанія, плохо исполнялъ требованія и даже подговаривалъ

товарищей къ непослушанію и неудовольствію на главную воспитательницу. За всё проказы его сажали въ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ онъ разрушалъ и уничтожалъ все, что попадало ему подъ руку. Наконецъ, его взяли изъ этого заведенія.

Мальчикъ былъ совершенно незнакомъ съ обыденною жизнію: видитъ онъ какую-либо игрушку или вещь, которая ему нравится, онъ непременно пристанетъ съ просьбой дать ему эту вещь; на заявленіе что она дорога, онъ уговариваетъ попросить у торговца, ибо тотъ навѣрное дастъ. Видитъ-ли онъ извозчика, онъ тотчасъ же требуетъ, чтобы его повезли; если ему говорятъ, что нѣтъ съ собою денегъ, то онъ упорно настаиваетъ, что стоитъ только попросить извозчика и онъ повезетъ. Съ этихъ поръ девятилѣтній мальчикъ переходитъ отъ одного воспитателя къ другому. Отъ занятій онъ обыкновенно прятался въ уголъ или подъ столъ. Между многочисленными, постоянно мѣняющимися воспитателями былъ и такой, который неотступно по цѣлымъ днямъ не отпускалъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не выльзетъ изъ подъ стола и не исполнитъ требуемую задачу или не выучитъ заданный урокъ. За неповиновеніе, грубость и различные его проступки, мать въ минуты раздраженія подвергала его и тѣлесному наказанію розгою. Былъ онъ и въ учебномъ заведеніи, гдѣ по случаю мѣстнаго праздника дѣтямъ давали водку къ обѣду, а въ обыкновенные дни — вино. Наконецъ я имѣлъ случай встрѣтить этого мальчика на двѣнадцатомъ году его жизни и послѣдить за нимъ, при чемъ мать характеризовала его слѣдующимъ образомъ: мальчикъ съ слабою волею, избѣгающій всякаго дѣла, исполненіе котораго требуетъ нѣкотораго усилія. Дѣтское чтеніе, рассказы и прогулки его не интересуютъ; больше всего у него замѣчается стремленіе къ лакомству; онъ старается удовлетворить свой голодъ большимъ количествомъ пищи, хотя бы даже и хлѣбомъ. Съ животными и вообще съ слабыми существами онъ обращается жестоко; охотно болтаетъ, рассказывая все, что около него дѣлается. Къ окружающимъ онъ совершенно не привязанъ и никого не любитъ, а также мало принимаетъ участія въ страданіи другихъ; деньги и чужія вещи (коробки, карандаши, перья) онъ охотно присвоиваетъ себѣ, но затѣмъ также скоро бросаетъ ихъ или же раздариваетъ даже

и всё свои вещи. Наконецъ — у него замѣчается полное непониманіе самыхъ простыхъ житейскихъ требованій и отношеній.

На основаніи моихъ личныхъ наблюденій оказалось, что мальчикъ простой, смотритъ прямо въ лицо; онъ замѣтно стѣсняется и при этомъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ дѣти, закрывается рукою и производитъ рядъ безцѣльныхъ движеній. На вопросы онъ отвѣчаетъ прямо, а познакомившись ближе, не стѣсняясь, передаетъ свои впечатлѣнія. Онъ не скоро реагируетъ на полученные впечатлѣнія, но, при спокойномъ разсужденіи, легко усваиваетъ иногда довольно серьезный разборъ и выясненія. Необходимости онъ подчиняется съ большимъ трудомъ, ибо предполагаетъ, что всякое его желаніе и хотѣніе можетъ быть исполнено. Все, что онъ видитъ и что производитъ на него нѣкоторое впечатлѣніе своимъ цвѣтомъ, блескомъ или объемомъ, онъ желаетъ имѣть и старается достигнуть своей цѣли, если не прямо, то тайкомъ, — на столько сильно у него хотѣніе. Онъ особенно страстно относится къ принятію нищи, при чемъ гораздо меньше заботится о вкусовыхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ объ удовлетвореніи себя количественно. Тотчасъ послѣ обѣда онъ уже внимательно слѣдитъ за часами, не обращая вниманія на то, что около него дѣлается; — онъ только толкуетъ о предстоящей ѣдѣ и опасается попасть домой не во время, такъ какъ гости могутъ все съѣсть и оставить ему мало. Вообще онъ очень плохо владѣетъ появляющимися у него чувствованіями голода и жажды, и совершенно не въ состояніи противоѣдѣйствовать имъ, а также и всѣмъ своимъ желаніямъ. Заниматься онъ самъ по себѣ можетъ довольно легко, но стоитъ только заставить его приняться за дѣло и онъ заберется подъ столъ, куда очень охотно прячется. Получивши прямо или какимъ-либо другимъ путемъ деньги, онъ на нихъ покупаетъ всевозможные съѣстные припасы и различныя совершенно не нужныя ему вещи, отличающіяся развѣ только своею внѣшнею пестротою или блескомъ. Цѣнности вещей онъ также совершенно не знаетъ; появилась у него жажда, онъ непременно долженъ ее удовлетворить, для чего онъ купитъ себѣ питье, за которое онъ готовъ заплатить и даже самъ предложить вдвое, лишь бы удовлетворить свою жажду. Наказанный даже тѣлесно, онъ не признается въ своихъ проступ-

кахъ, между тѣмъ какъ, при простомъ, спокойномъ распросѣ и заявленіи, что никакихъ наказаній не послѣдуетъ за его отвѣтами, онъ откровенно признается не только въ послѣднихъ неправильныхъ своихъ дѣйствіяхъ, но даже и въ тѣхъ, о которыхъ умалчивалъ даже послѣ строгихъ наказаній. Это положительный фактъ, на который нельзя не обратить вниманія. Онъ мало принимаетъ участія въ окружающихъ его лицахъ и ни къ кому изъ нихъ не привязанъ: не смотря на всѣ внѣшнія ласки, просьбы и увѣщанія матері, онъ относится къ ней холодно и даже невнимательно. Нравственные качества его еще не установились, но на него всегда можно вліять спокойнымъ убѣжденіемъ, разсужденіемъ и разъясненіемъ — онъ въ состояніи видѣть и признать правду.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что это — добродушный мальчикъ, который очень рано лишился любящаго человѣка, относившагося къ нему искренно и внимательно, съ которымъ въ первые годы своей жизни онъ былъ неразлучно. Постоянное желаніе искусственно заинтересовать его, предупрежденіе всѣхъ его дѣйствій, примѣненіе шаблонныхъ методовъ ученія еще къ очень молодому и впечатлительному ребенку, наконецъ удаленіе отъ любящаго человѣка и отсутствіе такого среди воспитателей—все это должно было угнетать ребенка и сдѣлать его равнодушнымъ и безучастнымъ къ окружающимъ. Искусственное удаленіе отъ всѣхъ жизненныхъ явленій, постоянное, безграничное удовлетвореніе голода и жажды и отсутствіе всякой заботы о всѣхъ своихъ требованіяхъ и нуждахъ окружающихъ не научили его, хотя нѣсколько, владѣть своими чувствованіями и ограничивать свои требованія. Грубыя наказанія и преслѣдованія со стороны чужихъ лицъ, произведенныя подъ вліяніемъ раздраженія, должны были озлобить его и дѣйствовать на него угнетающимъ способомъ. Внѣшнія ласки, просьбы и уговоры, понятно, не могутъ вызвать любви и привязать ребенка.

Мы видимъ передъ собой сложный типъ, который мы въ состояніи себѣ выяснитъ и, по возможности, понять только тогда, когда приведемъ въ причинную связь всѣ дѣйствовавшія на него вліянія и замѣчаемыя теперь явленія. Сначала добродушный ребенокъ, оторванный отъ доброй почвы, лишается благоприятныхъ

условія для своего образованія, подвергается угнетающимъ вліяніямъ наказаній и однородныхъ чувствованій насыщенія. Вслѣдствіе этого у него являются признаки ожесточенія и апатіи. Повидимому худо направленный ребенокъ можетъ быть самымъ несчастнымъ человѣкомъ, если школа на него не повліяетъ благопріятно; между тѣмъ искреннее, любовное и правдивое отношеніе къ нему, при серьезномъ образованіи и развитіи волевыхъ его отпавленій, могутъ содѣйствовать развитію добраго и полезнаго человѣка, хотя слѣды первой неудачи, скажу—разочарованія, относительно любимаго человѣка, долго останутся неизгладимыми. Еще будучи въ заведеніи, гдѣ онъ выросъ, онъ подъ конецъ даже возбуждалъ товарищей къ неповиновенію своей первой воспитательницѣ, отрицая добрыя ея качества.

Предупреждая всѣ требованія и постоянно направляя ребенка во всѣхъ его дѣйствіяхъ и размышленіяхъ, всегда дѣлаютъ его совершенно негоднымъ къ жизни: такія дѣти становятся развѣ только исполнительными, но, къ сожалѣнію, очень эгоистичными и самоувѣренными. Мнѣ приходилось встрѣчать молодыхъ людей, даже студентовъ, до такой степени неопытныхъ и наивныхъ, что они вполнѣ напоминали настоящую институтку. Занимаясь математикой, они зазубриваютъ самыя сложныя формулы, не подозрѣвая даже внутренняго ихъ смысла. Каждый разъ, какъ одинъ изъ такихъ молодыхъ людей желалъ идти куда-нибудь, онъ спрашивался у маменьки. Однажды, желая показать свою самостоятельность, молодой человѣкъ рѣшился самъ себѣ купить шапку и тутъ вышло плохо: купилъ скверную шапку, а заплатилъ много. Такія лица совершенно негодны къ какой-либо серьезной дѣятельности и могутъ прожить всю жизнь, не будучи никогда взрослыми.

Этотъ типъ въ особенности распространенъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ высшихъ, гдѣ онъ встрѣчается также въ самомъ чистомъ видѣ. Школа какъ будто совершенно не вліяетъ на нихъ. Холодность, апатія, отсутствіе всякой любви и привязанности, отсутствіе понятій о правдѣ характеризуютъ ихъ всюду. Равнодушіе, внѣшность, имитация и циническое стремленіе удовлетворяютъ свои несложныя потребности — все это составляетъ наслѣдіе, данное имъ воспитаніемъ и вносимое ими въ жизнь.

Разсмотрѣвъ злостный и мягкій забытые типы, перейдемъ къ разбору типа, угнетеннаго неблагоприятными условіями жизни.

6. Угнетенный типъ.

Ребенокъ угнетеннаго типа появляется въ школу обыкновенно блѣднымъ, слабымъ и отличается всегда своимъ тихимъ и смирнымъ нравомъ. Лицо его — серьезно, заботливо, какъ будто онъ постоянно отыскиваетъ работу или же занимается ею. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ отличается своею замѣчательною скромностью, что и составляетъ одинъ изъ самыхъ характеристическихъ его признаковъ. Такой ребенокъ, кромѣ того, весьма трудолюбивъ; онъ постоянно чѣмъ-либо занятъ и всегда вполне сосредоточенъ надъ своимъ дѣломъ. Онъ отдаляется отъ своихъ товарищей, отыскиваетъ себѣ болѣе спокойный уголокъ, чтобы на единѣ воспользоваться временемъ для своихъ работъ. Онъ никогда не выходитъ впередъ, а всегда остается позади, въ послѣднихъ рядахъ и внимательно слѣдитъ за всѣми происходящими въ классѣ занятіями. Въ играхъ и развлеченияхъ товарищей онъ обыкновенно не принимаетъ никакого участія, также скромно выражаетъ свою радость, какъ подавляетъ свое горе; онъ не легко плачетъ и не выражаетъ свою скорбь различными внѣшними проявленіями. Всякая похвала и отличіе его очень стѣсняютъ и заставляютъ спрятаться, уйти.

При разговорѣ даже съ чужимъ для него лицомъ, онъ всегда просто и прямо смотритъ въ глаза, отличается большою искренностью и откровенностью, всегда вездѣ видитъ свои недостатки и неумѣніе и во всѣхъ неудачахъ обвиняетъ себя. Ласки онъ положительно не терпитъ и всегда удаляется отъ нея; внѣшнихъ проявленій и движеній вообще у него очень мало, а украшеній — никогда никакихъ. Себя онъ ни въ какомъ случаѣ не жалѣетъ; никогда не останавливается передъ препятствіями, если только можно преодолѣть ихъ трудомъ. Стойкость и настойчивость его громадна; лишенія, бѣдность, страданіе, нужда никогда его не останавливаютъ, такъ какъ онъ можетъ ограничить свои требованія

до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Отъ оскорбленій онъ молча уйдетъ.

Къ товарищамъ и овружающимъ онъ всегда относится мягко и не требовательно, теоретически защищаетъ ихъ передъ другими и старается объяснить ихъ дѣйствія и проступки въ лучшую сторону. Конечно, онъ надежный товарищъ, никогда никого не выдастъ и спокойно подвергается всякому преслѣдованію и несправедливости. Къ страждущимъ и оскорбленнымъ онъ относится съ участіемъ и готовъ просиживать около нихъ цѣлые дни и ночи, не жалѣя себя и забывая о собственныхъ своихъ нуждахъ и лишеніяхъ. Все для себя необходимое ребенокъ въ состояніи сдѣлать самъ, никогда не унывая въ случаѣ неудачи, —напротивъ онъ постарается отыскать ея причину и съ удвоенною силою преодолѣть ее. За своими занятіями онъ слѣдитъ съ большимъ вниманіемъ и всегда исполняетъ всѣ обращенныя къ нему требованія и старательно заучиваетъ всѣ заданные уроки. Обыкновенно религіозность такого ребенка очень искренняя и глубокая, а также нравственныя его понятія о добрѣ и злѣ—тверды и основаны на глубокой вѣрѣ. Онъ никогда не жалуется на нужды и лишенія; о нихъ онъ даже избѣгаетъ говорить, такъ что часто только болѣзнь или непосредственное наблюденіе можетъ указать на крайне неблагоприятныя условія его существованія. Не находя обыкновенно у себя никакихъ талантовъ и способностей, онъ часто отказывается отъ занятій, требующихъ инициативы и самостоятельности, не всегда и не скоро рѣшаясь на новое для него дѣле, въ особенности, если оно требуетъ нѣкоторой самоувѣренности и предприимчивости; но разъ рѣшившись, твердо преслѣдуетъ свою цѣль и не останавливается предъ затрудненіями, которыя можетъ преодолѣть трудомъ и лишеніями.

Въ школѣ онъ всегда очень внимательно слѣдитъ за объясненіями и разсказами преподавателя и очень тщательно выполняетъ всѣ требованія; однако, не будучи вполне увѣренъ, въ своихъ знаніяхъ, онъ прямо заявляетъ, что не знаетъ и потому иногда навлекаетъ на себя неудовольствіе преподавателя.

Онъ отличается всегда своею спокойною наблюдательностью и опытностью, которая и служитъ главными основаніями его дѣй-

ствій. Боли и страданія онъ переносить стойко, не выказывая ихъ существованія никакими рѣзкими движеніями или жалобами; напротивъ того онъ старается увѣрить окружающихъ, что его страданія не сильны и не имѣютъ никакого значенія. Выносливость его относительно физическихъ страданій и лишеній также велика, какъ его скромность. Всѣ свои растительныя потребности онъ можетъ довести до крайне малыхъ предѣловъ и удовлетворяться, на примѣръ, очень скромными количествами пищи и питья. Эгоистическихъ проявленій у него не существуетъ; онъ всегда мягко и внимательно относится къ другимъ, никогда не унижаясь передъ ними, но и никогда не оскорбляя ихъ и даже уходя или убѣгая отъ оскорбителя. Онъ съ благодарностью относится ко всякой оказанной ему услугѣ и всѣми мѣрами старается отвѣтить съ лихвою. Онъ всегда очень стѣсняется, при обращеніи къ другимъ, въ особенности, если это вызвано личными требованіями или нуждою, при чемъ самъ аттестуетъ себя всегда съ невыгодной стороны, указывая на свою неспособность и неумѣлость. Музыкаю, пѣніемъ, живописью и вообще эстетическими занятіями онъ не такъ заинтересованъ, — ими онъ занимается рѣже, точно также какъ и поэтическими произведеніями. Скромность, трудолюбіе и стойкость его въ своихъ рѣшеніяхъ всегда остаются характеристическими его качествами; они у него неизмѣняются и въ школѣ. Матеріальный расчетъ или личная выгода никогда не ложатся въ основаніи его дѣйствій; онъ имъ всегда чуждъ, не смотря ~~на~~ на крайнюю нужду и лишенія, которыя онъ часто терпитъ. Согрѣшить противъ этого онъ можетъ развѣ только по ошибкѣ, такъ какъ имъ руководитъ все-таки не отвлеченная идея. Онъ всегда отличается правдивымъ и строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, а также простымъ, откровеннымъ и искреннимъ отношеніемъ къ другимъ. Онъ трудно и не скоро дружится; но въ случаѣ дружбы, онъ строго и свято (въ смыслѣ вѣры) соблюдаетъ товарищество; онъ не является однакожъ внѣшне сильнымъ, активнымъ защитникомъ ихъ интересовъ, точно также какъ и не бываетъ открытымъ и горячимъ защитникомъ страждущихъ и оскорбленныхъ; — въ крайнемъ случаѣ онъ скажетъ грубо и уйдетъ, ибо его участіе всегда мирное, дѣловое. У него нѣтъ достаточно самоувѣренности и бой-

кости, чтобы выступить открыто и вѣщше—горячо, но его участие всегда глубоко въ отношеніи чувствованія, постоянно и неизмѣнчиво. Онъ твердый, надежный другъ и товарищъ, никогда не оставляетъ близкаго своего человѣка и готовъ добровольно терпѣть съ нимъ крайнюю нужду и лишенія. Всѣ эти явленія могутъ быть, какъ у дѣвочки, такъ и у юноши; въ своихъ основаніяхъ проявленія у нихъ будутъ совершенно одинаковы.

Въ жизни онъ также не измѣняется, а остается вѣренъ себѣ. Онъ здѣсь не является слѣпымъ исполнителемъ и нѣмымъ труженникомъ, а напротивъ наблюдательность и опытность его, развиваясь все болѣе, позволяютъ ему всегда видоизмѣнить свою дѣятельность и быть часто опытнымъ творцомъ. Не довѣряя самъ добытымъ имъ результатамъ и постоянно уменьшая ихъ значеніе, онъ не заявляетъ о нихъ публично и часто даетъ лицемѣру или честолюбцу случай ими воспользоваться. Онъ вообще низко цѣнить свой трудъ и иногда просто ставитъ его ни во что. Правдивость никогда не позволяетъ ему быть слѣпымъ орудіемъ другихъ и подчиняться ихъ требованіямъ; такое подчиненіе можетъ быть только въ отношеніи его личныхъ интересовъ, но не нравственныхъ качествъ, которыя у него неподкупны и тверды. Нерѣдко приходится видѣть, что молодые люди этого типа, студенты и слушательницы, имѣя на всѣ свои расходы и нужды по 10—15 руб. въ мѣсяцъ, уже не жалуется на нужду и недостатокъ, а находятъ свое положеніе хорошимъ. Если средства ихъ случайно увеличиваются, то они не будутъ улучшать раньше всего свою житейскую обстановку, а непременно пріобрѣтутъ лишнюю книгу, микроскопъ или какое-либо вспомогательное средство для своего ученія или же подѣлятся съ домашними, къ которымъ они всегда очень привязаны.

Часто непосильный трудъ и нужда скоро сказываются: жизнь въ углахъ и различныхъ дешевыхъ помѣщеніяхъ, питаніе въ проголодь въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ обыкновенно благотворительствуютъ во вредъ призрѣваемымъ и въ пользу призрѣвающихъ, — все это неминуемо приводитъ къ страданію, къ медленной изнурительной болѣзни, которая застав-

ляетъ этихъ людей искать пріюта въ больницѣ, гдѣ они часто погибають.

Развитію этого типа въ чистомъ видѣ содѣйствуютъ — любящая, мягкая, трудящаяся мать или другіе близкіе, живущіе въ постоянной нуждѣ и недостаткахъ, эти-то лишенія и являются здѣсь угнетающими моментами. Сюда относятся слѣдовательно всѣ условія, требующія постоянной борьбы съ экономическими затрудненіями и пріучающія преодолевать ихъ трудомъ и настойчивостью. Этотъ типъ развивается въ бѣдной семьѣ, въ которой добрые и трудолюбивые родители все дѣлать съ своими дѣтьми и всегда отдають имъ лучшую часть, но эта часть почти никогда не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ ихъ требованіямъ. Ребенокъ привыкъ постоянно видѣть предъ собою нужду и недостатокъ своихъ родителей и лицъ, съ которыми онъ близко связанъ, къ которымъ пріучился относиться искренно и съ любовью. Онъ знаетъ и достаточно убѣдился на дѣлѣ, что ему даютъ и отдѣляютъ возможное; онъ видѣлъ, какъ часто дорогіе ему люди остаются сами безъ всего и какъ вся жизнь ихъ проходитъ въ трудѣ и лишеніяхъ. Никогда ему не приходилось слышать ихъ жалобъ и выраженія недовольства своею участью, — они терпятъ молча, весь свой досугъ они отдають ребенку, охотно съ нимъ бесѣдуютъ и внимательно относятся ко всѣмъ его требованіямъ, удовлетворяя ихъ по силѣ и возможности. Онъ привыкаетъ видѣть въ трудѣ и лишеніи явленія обычныя, нормальныя. Онъ видѣлъ, какъ дома собирали и собирали гроши, чтобы отправить его въ школу или дать возможность доѣхать до мѣста, гдѣ можно бы продолжать свое образованіе или познакомиться съ извѣстнымъ ремесломъ или искусствомъ. Онъ не тревожится о томъ, какъ ему тамъ придется жить, хотя и не надѣется на гроши, которые могли бы ему прислать изъ дому; онъ даже скорѣе не желаетъ ихъ получать, ибо знаетъ какимъ лишеніямъ черезъ это подвергаются самыя дорогія ему лица. Онъ надѣется только на работу и на свое умѣніе справляться съ нуждою. Вотъ главные условія для развитія чистаго угнетеннаго типа.

Въ этомъ случаѣ мы не находимъ примѣненія какихъ либо оскорбляющихъ ребенка мѣръ; онъ видитъ во всѣхъ неблагопріят-

ныхъ обстоятельствахъ какую-то неотразимую необходимость, которой и покоряется. Не чистый, а скорѣе переходный типъ появляется въ томъ случаѣ, если отецъ или мать требуютъ безусловнаго исполненія всѣхъ своихъ распоряженій и не допускаютъ никакого отступленія отъ своихъ требованій; въ этомъ случаѣ онъ все-таки находитъ или въ матери, или въ отцѣ, нянѣ, или въ комъ либо изъ окружающихъ добрыхъ любящихъ людей, съ которыми иногда даже тайкомъ, какъ говорится, отводитъ свою душу. Въ этихъ лицахъ онъ все-же находитъ справедливыхъ оцѣнщиковъ своихъ дѣйствій; съ ними онъ дѣлится своими впечатлѣніями и провѣряетъ свои наблюденія и чувства. Но здѣсь все же существуетъ вліяніе строгихъ мѣръ со стороны суроваго владыки семьи въ случаѣ неповиновенія его требованіямъ, и если изъ ребенка не развивается при этомъ забитый злобный типъ, то только потому, что силу любящаго человѣка преодолѣть нельзя: онъ смягчалъ и парализировалъ вліяніе личныхъ мѣръ. Нѣтъ нужды, чтобы послѣднія выражались непременно тѣлеснымъ наказаніемъ; онѣ достаточно могутъ дѣйствовать своею холодною требовательностью, назойливостью и безотчетнымъ произволомъ. Понятно, что здѣсь говорится только объ условіяхъ вліяющихъ въ семьѣ, ибо чѣмъ моложе ребенокъ тѣмъ рѣзче и сильнѣе вліяніе окружающихъ условій, тѣмъ сильнѣе и глубже дѣйствуетъ доброе и любящее вліяніе и тѣмъ сильнѣе оно будетъ проявляться втеченіе всей жизни. При одновременномъ вліяніи слѣдовательно строгой требовательности и произвола съ одной стороны и любящаго отношенія съ другой, съ самыхъ первыхъ периодовъ жизни ребенка можетъ развиваться этотъ другой видъ угнетеннаго типа; но у него легко являются рѣзкость въ дѣйствіяхъ и подозрительность, — качества не принадлежація чистому угнетенному типу, но составляющія уже послѣдствія примѣненныхъ мѣръ.

Разсмотримъ теперь связь между приведенными явленіями угнетеннаго типа и причинами, содѣйствующими развитію этихъ явленій. Къ самымъ выдающимся изъ этихъ послѣднихъ принадлежатъ скромность, трудолюбіе и стойкость, развившіяся подъ вліяніемъ борьбы съ угнетающими условіями жизни, при благоприятной нравственной обстановкѣ. Если прослѣдить за ходомъ

развитія ребенка угнетеннаго типа, то нельзя не замѣтить у него отсутствія собственно дѣтскаго возраста: онъ какъ будто рано возмужалъ подъ вліяніемъ серьезной реальности, которая его окружала. Онъ является въ школу уже съ такою привычкою къ труду, что онъ даже избѣгаетъ здѣсь развлеченія своихъ товарищей, посвящая все свободное время учебнымъ занятіямъ или какой либо другой работѣ. Привычка къ труду, усвоенная первоначально имитационно, ибо кругомъ всѣ трудятся, становится затѣмъ какъ бы физиологическою потребностью. Съ перваго момента сознательной своей жизни ребенокъ видѣлъ, какъ близкіе и любимые имъ люди безъ ропота и жалобъ заботятся и работаютъ для добыванія необходимыхъ средствъ. Онъ никогда не слышитъ отъ нихъ выраженія неудовольствія, а только иногда подмѣчаетъ заботливое выраженіе на лицѣ матери; видитъ какъ часто мать обдѣляетъ себя, чтобы только удовлетворить его потребности и сколько возможно избавить отъ нужды. Такое отношеніе заставляетъ ребенка внимательнѣе присматриваться ко всѣмъ дѣйствіямъ окружающихъ и больше подмѣчать то, о чемъ ему не говорятъ, но что бываетъ на дѣлѣ. Онъ замѣчаетъ, какъ иногда ему отдають послѣднее, безмолвно оставаясь безъ необходимаго.

При этомъ онъ много остается наединѣ; окружающіе его не свободны; они находятся при дѣлѣ и потому не могутъ предупредить всѣхъ случайностей и не въ состояніи всегда устранить ихъ неблагоприятныя дѣйствія, такъ что онъ самъ научается избѣгать ихъ, зная изъ опыта ихъ послѣдствія. Всѣ эти условія содѣйствуютъ развитію наблюдательности у ребенка и увеличиваютъ его опытность, приобретаемую имъ, благодаря ранней встрѣчѣ съ суровою дѣйствительностью.

Привязанность и любовь къ окружающимъ составляютъ необходимое условіе развитія этого типа, — иначе непременно явится забитый типъ. Только при этихъ условіяхъ, ребенокъ внимательно будетъ присматриваться и слѣдить за всѣми дѣйствіями своихъ близкихъ и воспринимать ихъ, — а также замѣчать тѣ лишенія, которыя его мать часто безмолвно терпитъ, отказываясь иногда въ его пользу отъ удовлетворенія самыхъ существенныхъ своихъ требованій. Подмѣчая такой именно способъ дѣйствій ма-

тери, ребенокъ привязывается къ ней не внѣшнюю ласкою и нѣжностью, а на основаніи замѣченныхъ имъ дѣйствій, указывающихъ на то вниманіе и участіе, съ которыми къ нему относятся. Все это содѣйствуетъ той внимательности и деликатности отношеній такого ребенка, которыми онъ отличается; такое явленіе еще замѣчается только у добродушнаго ребенка, у всѣхъ же остальныхъ его нѣтъ; всѣ они эгоисты, знаютъ только свою личную выгоду и никогда не замѣтятъ нужды и требованій другаго. Внѣшнія ласки и нѣжности приводятъ къ ложнымъ и лицемернымъ отношеніямъ къ матери и вообще людей между собой; между тѣмъ какъ отсутствіе ихъ и правдивое, внимательное и теплое отношеніе, а главное—фактическое преимущество, придаваемое интересамъ любимаго лица передъ своими,—всегда всего сильнѣе сближаютъ и связываютъ людей между собой.

Ребенокъ постоянно видитъ, сколько труда стоитъ окружающимъ добыть необходимое; онъ на опытѣ убѣдился въ томъ участіи, съ которымъ къ нему относятся; поэтому онъ непременно постарается по возможности помочь и этимъ облегчить трудъ и заботы матери. Онъ этимъ какъ будто отвѣчаетъ на то внимательное и деликатное отношеніе, которое раньше подмѣтилъ и которое уже научился цѣнить. Уже съ раннихъ лѣтъ онъ такимъ образомъ приучается къ труду; результатъ этого труда не великъ, да онъ ему и не придаетъ никакого значенія; онъ совершенно счастливъ, если замѣтитъ, что хотя нѣсколько облегчилъ трудъ матери, или чѣмъ-либо содѣйствовалъ при исполненіи извѣстной работы.

Серьезность, съ которой ребенокъ дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ,—замѣчательна: онъ обыкновенно готовъ взяться за всякую, даже подъ часъ очень трудную задачу; поэтому онъ часто терпитъ неудачи. Это однако жъ не останавливаетъ его; онъ только съ большею настойчивостью стремится добиться извѣстной цѣли и исполнить начатое. Такимъ образомъ развивается его трудолюбіе и настойчивость при работѣ; частыя же неудачи дѣлаютъ его неувѣреннымъ въ своихъ силахъ, а незначительный эффектъ добытаго имъ результата, при трудности для него работы и перене-

сенныхъ неудачахъ, приучаетъ его чрезвычайно скромно относиться къ своимъ силамъ.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ убѣждается, что настойчивымъ трудомъ все же можно преодолѣть различныя препятствія, съ которыми ему приходится встрѣчаться и часто исправить неудачи. Всѣ эти условія содѣйствуютъ слѣдовательно развитію того трудолюбія, той скромности и деликатности, а также той стойкости, которыми отличается ребенокъ угнетеннаго типа и которыя составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ послѣдствія его наблюдательности и опытности.

Постоянный трудъ и неутомимая работа не совсѣмъ согласуются съ спокойнымъ разсужденіемъ надъ этою работою, такъ какъ при этомъ является обыкновенно слишкомъ много механическихъ занятій, при которыхъ приходится дѣйствовать преимущественно опытно-рефлекторно. На опытѣ легко убѣдиться, что напряженный, умственный трудъ чрезвычайно утомляетъ даже привыкшаго къ такому труду человѣка. Умственная послѣдовательная работа, продолжающаяся съ одинаковымъ напряженіемъ приблизительно около трехъ часовъ, требуетъ несомнѣнно большаго навыка, и подъ конецъ этого времени мы все же будемъ или усваивать памятью, или работать съ меньшимъ напряженіемъ. Повидимому, умственная работа съ наибольшимъ напряженіемъ, при желаніи, на примѣръ, уловить основную идею какого-либо явленія или обобщить значеніе цѣльнаго ряда аналогическихъ явленій и придти такимъ путемъ къ истинѣ—возможна только въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ или даже моментально. Поэтому обыкновенно и предполагаютъ, что творческая работа можетъ быть только случайная, подъ вліяніемъ особеннаго свѣтлаго момента или врожденной способности. Врожденнаго тутъ ничего нѣтъ, необходима только извѣстная подготовка, чтобы въ моментъ полной бодрости поработать умственно съ наибольшимъ напряженіемъ и уловить или выяснитъ какую-либо идею или подмѣтитъ болѣе широкое ея значеніе. Это происходитъ обыкновенно подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія, возбудившаго мгновенно наибольшее напряженіе уже заранѣе подготовленныхъ способностей. Послѣ такихъ крайне усиленныхъ сконцентрированныхъ работъ, наступаетъ непременно утомленіе и даже изнуреніе, продолжающееся

довольно долго; въ такіе моменты часто нѣтъ возможности не только продолжать умственную работу, но даже видѣть какой-либо знакъ или букву, напоминающую о ней. Не хочется видѣть ни книги, ни даже газеты и вообще никакого печатнаго листа. Это однако уже крайнее проявленіе умственной работы, при которой въ наименьшій промежутокъ времени производится дѣйствительно наибольшая работа, въ особенности по своей ширинѣ и послѣдствіямъ, ибо во всякомъ случаѣ даетъ результатъ отвлеченный, идейный. Спокойный, медленный анализъ возможенъ въ гораздо большей мѣрѣ, но все же и онъ приводитъ даже привычнаго человека къ скорому утомленію. Разсужденіе, въ основаніи котораго лежатъ явленія и образы привычной для насъ области, всего менѣе утомляетъ, но только въ томъ случаѣ, если постоянно чередуется съ механическимъ или физическимъ трудомъ; вслѣдствіе привычности оно не требуетъ такого напряженія, а потому можетъ продолжаться болѣе долгое время. При постоянномъ умственномъ трудѣ, мы легко переходимъ къ механическому усвоенію представленій,—оно несомнѣнно легче, менѣе утомляетъ и допускаетъ болѣе продолжительную дѣятельность, такъ какъ производится, безъ сомнѣнія, при возможно меньшемъ напряженіи умственной дѣятельности.

Такимъ образомъ работа разума,—ведется ли она путемъ анализа или синтеза,—необходимо требуетъ времени и отдыха.

Но эти условія могутъ быть удовлетворены только при отсутствіи всякаго принужденія и насилія, только при спокойномъ сосредоточіи надъ своею дѣятельностью, внѣ всякаго внѣшняго давленія и нужды; въ противномъ случаѣ дѣятельность умственныхъ центровъ будетъ угнетена тѣми условіями, которыя производятъ это давленіе или принудительными и насильственными мѣрами, которыми на нихъ вліяютъ. Изъ этого слѣдуетъ, что только свободный и спокойный умственный трудъ безъ принужденія можетъ быть дѣйствительно плодотворенъ, хотя бы онъ продолжался даже небольшой промежутокъ времени, между тѣмъ какъ настойчивый, постоянный трудъ, направляемый имитацией, привычкой или гнетущими обстоятельствами можетъ развить память и часто вести къ неудачамъ, такъ какъ онъ знакомитъ насъ съ частными явле-

ніями, не освѣщая ихъ отвлеченными понятіями и истинами. Все это, однакожъ возможно въ зрѣломъ возрастѣ, когда эти истины и понятія вполне выяснены и усвоены рядомъ предшествовавшихъ работъ. Эти, такъ сказать, приготовительныя занятія, безъ сомнѣнія, самыя трудныя, — ими мы прокладываемъ пути въ центрахъ нашей сознательной дѣятельности. Усвоивая себѣ одни выводы и результаты различныхъ ученій, хотя бы въ видѣ истинъ, мы никогда не будемъ въ состояніи примѣнить ихъ и вполне объяснить себѣ частныя явленія, съ которыми встрѣчаемся; мы станемъ развѣ только повторять ихъ безъ возможности примѣнять. Для послѣдняго необходимо, чтобы мы активно прошли весь тотъ путь умственной работы, который ведетъ къ истинѣ; послѣ этого мы научаемся разбирать явленія и мысли, — подводить ихъ подъ ту или другую общую идею и наоборотъ — разлагать эти общія идеи, общіе выводы на частныя образы, представленія и явленія, лежащія въ ихъ основаніи. Такимъ образомъ мы проложимъ въ своихъ умственныхъ центрахъ пути критики и творчества. Все это, безъ сомнѣнія, возможно при покоѣ и терпѣніи, при послѣдовательности и постепенности, при полномъ субъективномъ участіи и отсутствіи всякаго гнета и насилія. Слѣдовательно, чѣмъ менѣе мы подготовлены къ такому труду, тѣмъ медленнѣе и спокойнѣе необходимо дѣйствовать, — заваливаться работою при этомъ положительно не слѣдуетъ. Постепенно и послѣдовательно мы должны раньше всего научиться владѣть своими физическими отправлениями и дѣятельностью, а затѣмъ достигнуть того же въ умственной работѣ. Тогда мы становимся зрѣлыми и, безъ сомнѣнія, будемъ въ состояніи производить наибольшую работу въ малый промежутокъ времени, ибо приучились наблюдать, понимать и творить.

Примѣръ подобной дѣятельности и умѣнья владѣть своими умственными силами, мы видимъ между прочимъ у знаменитаго академика Эйлера; онъ жилъ 78 лѣтъ (отъ 1705 до 1783 г.) и написалъ съ 1727 г. — 756 ученыхъ работъ; среднимъ числомъ выходитъ по 13,5 статей въ годъ; но до 1744 года онъ напечаталъ только 73 работы. Въ послѣднее же десятилѣтіе своей жизни (съ 1764 до 1783), будучи уже слѣпымъ, онъ напечаталъ 355

работъ, т. е. по 35,5 статей въ годъ, по всѣмъ отраслямъ математическихъ наукъ ¹⁾).

Угнетенный типъ намъ показываетъ, какъ первоначально имитационный, затѣмъ привычный трудъ можетъ сдѣлаться у насъ физиологическою потребностью, но все же онъ не будетъ содѣйствовать широкому умственному развитію. Ребенокъ этого типа не приучается спокойно, безъ внѣшняго вмѣшательства наблюдать за разнообразными явленіями жизни и разсуждать надъ ними; онъ не смѣняетъ и тѣхъ разсужденій, которыя появляются у него, веселою игрою, простыми развлеченіями и свободными проявленіями своихъ желаній и дѣйствій; напротивъ, онъ рано угнетается тѣми сильными, постоянными и неотразимыми условіями, которыя молчаливо переносятся его любимыми людьми и которымъ онъ также молча покоряется, не рѣшаясь проявлять своихъ желаній или предаваться какимъ либо развлеченіямъ или играмъ. У его любимыхъ людей нѣтъ времени и возможности рѣшать или содѣйствовать разрѣшенію появляющихся у него вопросовъ; они не могутъ поддерживать его разсужденій; они отдають ему лучшее изъ того, что имѣють, но только не въ состояніи удалить отъ него всѣ угнетающія условія ихъ жизни и создать такія, которыя необходимы для болѣе широкаго умственнаго развитія. Условія ихъ жизни могутъ содѣйствовать развитію трудолюбія, стойкости, скромности и деликатности; они приучаютъ наблюдать за явленіями и будутъ содѣйствовать появленію опытности, но не выработаютъ ни анализа, ни пониманія явленій на основаніи отвлеченія, ни ширины взглядовъ, ни проявленія самостоятельной творческой силы. На основаніи практическаго опыта можетъ быть творчество, но только практическое, реальное, или, если такъ можно выразиться, «штучное», а не отвлеченное, идейное.

То, что сказано въ отношеніи умственнаго труда, имѣетъ такое же значеніе и въ отношеніи физическаго. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ онъ подвижнѣе, тѣмъ чаще онъ долженъ переходить отъ одного занятія къ другому, отъ одной работы къ другой. Нѣж-

¹⁾ Приведенныя здѣсь численныя данныя переданы мнѣ академикомъ В. Г. Имшенецкимъ.

ный организм его, въ которомъ отдѣльныя части основы еще разъединены прослойками образовательной ткани, богатой сосудами, не можетъ подвергаться продолжительной или усиленной работѣ; отъ нея онъ непременно будетъ страдать. Исслѣдованія основы туловища или позвоночнаго столба показали, что изъ всѣхъ скелетовъ, ежегодно приготовляемыхъ въ анатомическомъ Институтѣ Академіи, 47 — 48,56% оказывается съ явными измѣненіями, указывающими на бывшія здѣсь страданія. Скелеты эти принадлежатъ людямъ рабочаго класса, и страданія ихъ составляютъ прямыя послѣдствія непосильнаго труда, въ особенности въ молодомъ возрастѣ. (Скелеты большей частью взяты отъ людей, умершихъ въ 20 — 40 лѣтнемъ возрастѣ). Многіе безъ сомнѣнія погибли въ остромъ періодѣ такихъ страданій, не оставляющемъ явныхъ измѣненій формы и потому не вошли въ эти процентныя числа. Въ зрѣломъ возрастѣ организмъ въ состояніи выдержать гораздо болѣе тяжелыя физическія работы, которыя возможны безъ вреда для его здоровья въ продолженіи гораздо большаго промежутка времени.

Слѣдовательно и въ отношеніи физическаго труда необходима полная непринужденность дѣйствій, отсутствіе работъ, требующихъ большаго напряженія и усилія. Здѣсь раньше всего необходима частая перемѣна въ занятіяхъ, постепенность и послѣдовательность ихъ, веселый, свободный нравъ и отсутствіе угнетенія; худыя гигиеническія условія, главнымъ же образомъ — отсутствіе истиннаго дѣтства, непременно содѣйствуетъ хилости, частому заболѣванію и ранней смертности, которая, сколько мнѣ приходилось видѣть, часто встрѣчается у дѣтей и вообще у людей угнетеннаго типа.

Все это необходимо помнить при школьномъ преподаваніи, гдѣ часто хлопочуть только о томъ, чтобы не разсуждать, а только учиться, что совершенно не согласно съ задачею школы, съ требованіями гармоническаго развитія умственной нашей дѣятельности и истинно человѣческихъ качествъ. Мнѣ приходилось во очію видѣть всѣ грустныя послѣдствія угнетенія, предпринимаемаго для возстановленія порядка въ учебномъ заведеніи. Общая апатія и проявленія самыхъ низшихъ животныхъ инстинктовъ были по-

слѣдствіями его. Ихъ можно было ожидать, и они явились въ ужа-сающей формѣ. Водка, карты, развратъ, пощечины, клевета и т. д. и т. д.—вотъ что породило угнетеніе; идеи исчезли, отвлеченія не было и слѣда — исчезли люди, остались одни животныя.

Боязнь и неудачи часто доводятъ до крайней подозрительности въ отношеніи къ личнымъ своимъ качествамъ и силамъ. Какъ это явленіе, такъ и отсутствіе истинныхъ эстетическихъ проявленій, составляютъ ни что другое, какъ слѣдствіе недостатка твердыхъ отвлеченныхъ основъ, на основаніи которыхъ мы легче избѣгаемъ неудачъ и благодаря которымъ у насъ является возможность по-нимать значеніе эстетическихъ явленій.

Характеризуя ребенка угнетеннаго типа, мы видѣли въ числѣ его рѣзкихъ особенностей стойкость въ отношеніи своихъ рѣше-ній, выносливость различныхъ лишеній, сдержанность въ отноше-ніи чувствованій. Они очень стойкаго и твердаго характера и не легко поддаются постороннимъ вліяніямъ. Раньше мы уже гово-рили, что характеръ человѣка зависитъ отъ отношенія волевыхъ его проявленій къ чувствованіямъ. Съ раннихъ лѣтъ ребенокъ привыкъ подчиняться необходимости, сдерживать и ограничивать свои желанія и требованія. Онъ пріучился выносить голодь и жажду и удовлетворять ихъ вообще небольшими количествами пищи, при чемъ никогда не хлопоталъ объ удовлетвореніи вкусовыхъ ощущеній. Онъ знакомъ съ непосредственнымъ вліяніемъ холода, сырости и спокойно переноситъ ихъ; не привыкъ онъ также под-вергать свое обоняніе пріятнымъ ощущеніямъ. Онъ можетъ не под-даваться утомленію и усталости и не ласкалъ свой слухъ одними гармоничными звуками. Онъ не баловался эластическими подуш-ками и подстилками и не привыкъ къ внѣшнимъ ласкамъ и ще-котаніямъ, а умѣетъ отдохнуть и на твердомъ и не всегда удоб-номъ ложѣ. Вслѣдствіе всего этого онъ пріучился первоначально владѣть всѣми чувствованіями, появляющимися при отправленіяхъ растительной жизни и движенія и не допускать ихъ развитія. За-тѣмъ совершенно такимъ же образомъ ребенокъ дѣйствуетъ и въ отношеніи психическихъ проявленій. Это — общее явленіе, общій законъ, по которому мы первоначально пріучаемся относиться извѣстнымъ способомъ ко всякимъ непосредственнымъ вліяніямъ

и раздраженіямъ, а затѣмъ такимъ же образомъ относится ко всѣмъ соотвѣтствующимъ психическимъ проявленіямъ.

Точнѣ всего этотъ фактъ изучается на выраженіи лица: раньше всего мы приучаемся относить сокращенія мышцъ, окружающихъ органы высшихъ чувствъ, къ получаемымъ впечатлѣніямъ, а затѣмъ производимъ такія же сокращенія подъ вліяніемъ чувствованій, соотвѣтствующихъ этимъ впечатлѣніямъ, при чемъ степень сокращенія и число участвующихъ мышечныхъ группъ прямо пропорціонально силѣ впечатлѣнія. Тоже самое, какъ мы увидимъ это послѣ, имѣетъ полное значеніе, при изученіи развитія характера человѣка. Наблюденіе угнетеннаго типа даетъ намъ совершенное подтвержденіе этого положенія, на основаніи котораго мы хорошо можемъ себѣ выяснитъ причинную связь замѣчаемыхъ у него явленій. Ребенокъ этого типа приучается очень рано задерживать свои желанія и реальныя потребности, онъ привыкаетъ удовлетворять этимъ потребностямъ въ самой ограниченной степени и постоянно покоряться необходимости, не жалѣя при этомъ своихъ трудовъ и силъ. Тоже самое является потомъ во всѣхъ психическихъ и нравственныхъ его качествахъ: онъ скромнѣе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, тратитъ очень много умственныхъ силъ и не допускаетъ и не находитъ у себя никакихъ талантовъ и способностей; онъ сильно привязанъ и можетъ сильно любить, удовлетворяясь при этомъ только вниманіемъ и простыми отношеніями. Онъ не жалѣетъ силъ и труда и терпитъ различныя лишения, лишь бы только преодолѣть извѣстное препятствіе, не употребляя никакихъ обходныхъ путей и не облегчая себя при этомъ ложнымъ дѣйствіемъ; онъ правдивъ, откровеннѣе и искреннѣе во всѣхъ отношеніяхъ, никогда не отступая отъ объективной почвы и не облегчая себѣ пути пустою фразою, ложными видомъ, формою, рѣчью или мыслью. Напротивъ онъ обыкновенно тратитъ свой трудъ съ избыткомъ, между тѣмъ какъ знаетъ его значеніе, ибо дорого цѣнитъ его у другихъ, при необходимости пользоваться послѣдними. Онъ благодарнѣе за малѣйшее вниманіе, оказанное лично ему, часто бережливѣе, но всегда готовъ подѣлиться своимъ достояніемъ и никогда не рассчитываетъ извлечь изъ своихъ услугъ какую либо выгоду. Онъ привыкъ и умѣетъ задерживать свои

требованія на основаніи своего опыта и наблюденія, которыя объективно показываютъ ему все значеніе необходимости, такъ что у него наблюдаются собственно не волевые проявленія, основанныя на идеѣ и отвлеченныхъ истинахъ, а проявленія, сдерживаемыя на основаніи житейскаго опыта и знакомства съ необходимостью. Вообще ребенокъ этого типа отличается своею наблюдательностью и опытностью, но только постоянный трудъ препятствуетъ ему задумываться надъ получаемыми впечатлѣніями и сознательно переходить отъ нихъ къ отвлеченнымъ понятіямъ; они усваиваются только памятью и остаются у него какъ будто въ видѣ однихъ реальныхъ образовъ, не освѣщенныхъ разносторонней критикой. Условія, при которыхъ онъ живетъ, заставляютъ его внимательно относиться къ окружающимъ его явленіямъ, слѣдить за ними и внѣшне усваивать ихъ себѣ; постоянная встрѣча съ дѣйствительностью дѣлаетъ его опытнымъ, но недостаточная постепенность этого явленія, рѣзкость и случайность его, невозможность всегда выяснять себѣ причинную связь явленій и провѣрять свои разсужденія въ разумной бесѣдѣ съ другимъ лицомъ, наконецъ необходимость часто быстрого дѣйствія — все это уменьшаетъ у него возможность относиться къ своему опыту съ достаточнымъ анализомъ и усвоить себѣ все его значеніе. Самымъ характернымъ различіемъ между угнетеннымъ и добродушнымъ типомъ составляетъ, слѣдовательно, недостатокъ отвлеченія и привычки къ спокойному разсужденію надъ явленіями у перваго; усвоеніе имъ знаній, впечатлѣній и представленій болѣе, чѣмъ понятій, а вслѣдствіе этого — недостатокъ въ инициативѣ и самостоятельности, въ умѣннн обобщать и отвлеченно мыслить.

Человѣкъ добродушнаго типа всегда идеалистъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и разсужденіяхъ, чего нельзя сказать о лицѣ угнетеннаго типа, — послѣдній напротивъ реалистъ, вполне владѣющій своими чувствованіями и руководящійся въ дѣйствіяхъ своею наблюдательностью и опытностью. Доброе, мягкое отношеніе лицъ послѣдняго типа къ окружающимъ и товарищамъ составляетъ тоже слѣдствіе его опытности: онъ хорошо знакомъ съ неудачами, всякими лишеніями и страданіями; хотя онъ и переноситъ все это молча, но увидавъ что-либо подобное у другаго, онъ всегда го-

товъ, не жалѣя себя и какъ бы забывая о себѣ, отдать все, чтобы только облегчить участь или помочь страждущему и оскорбленному. Объективная, неувлекающаяся его натура заставляетъ его быть всегда справедливымъ и правдивымъ, и искать себѣ утѣшенія въ искренней и глубокой вѣрѣ. Искренно вѣруя самъ, онъ всегда очень остороженъ и терпимъ въ отношеніи другихъ, стараясь предупредить и избѣжать всего, что можетъ оскорбить или даже неприятно повліять на духовныя и нравственныя убѣжденія другихъ. Не допуская у себя никакихъ способностей и талантовъ, онъ скромно держится въ сторонѣ, иногда даже стѣсняется другихъ и избѣгаетъ или уходитъ отъ оскорбителей. Зная изъ опыта, какъ часто ошибаются въ людяхъ, и привыкши быть всегда правдивымъ, непосредственнымъ, участливымъ и искреннимъ въ своихъ дѣлахъ и мысляхъ, онъ всегда старается объяснять дѣйствія и поступки другихъ въ лучшую сторону, опасаясь ошибокъ и недоразумѣній или неточности сообщаемыхъ свѣдѣній.

При разборѣ мягкаго забитаго типа, мы говорили, что у лицъ этого типа, такъ же какъ и у лицемѣровъ, замѣчается самоувѣренность, доходящая часто до нахальства, въ особенности у послѣднихъ. Мы объяснили себѣ это явленіе легкимъ отношеніемъ къ дѣлу и незнакомствомъ съ трудовою жизнью, съ трудностью умственной работы, приводящимъ къ пониманію явленій. При знакомствѣ съ лицами угнетеннаго типа, мы находимъ подтвержденіе, или, по крайней мѣрѣ, явленія, согласныя съ этими объясненіями. Такія лица хорошо знакомы съ трудомъ и терпѣли не мало неудачъ; поэтому они твердо знаютъ, какъ трудно усваиваются знанія, которыя могутъ ложиться въ основаніи ихъ дѣйствій, постоянно опасаются ошибокъ и не увѣрены въ основательности своихъ знаній или въ точности и вѣрности предполагаемаго или ожидаемаго результата. При недостаткѣ отвлеченія, мы обыкновенно видимъ, что чѣмъ меньше знаній и, въ особенности пониманія, тѣмъ больше самоувѣренности и даже нахальства и наоборотъ; — это вполне подтверждается при изученіи лицъ забитаго мягкаго и въ особенности лицемѣрнаго типа.

Знакомство съ угнетеннымъ типомъ и выясненіе причинной связи, замѣчаемыхъ у него явленій, показываетъ намъ все зна-

ченіе непосильнаго ранняго труда, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. При этомъ обыкновенно смѣшиваютъ вліяніе труда на взрослога съ значеніемъ его для ребенка, что далеко не одно и тоже, и отличается между собой, какъ и вся организація и постройка организма взрослога и ребенка. Какъ психическія, такъ и механическія вліянія всегда очень сильно дѣйствуютъ на организмъ ребенка и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ моложе. Всякое сильное вліяніе непременно понижаетъ энергію тканей, на которыя оно дѣйствуетъ, что неминуемо ведетъ къ ослабленію ихъ отправленій, къ апатіи и раньше всего къ пониженной самостоятельной дѣятельности. Угнетающее вліяніе лишеній и настойчиваго труда непременно должно неблагоприятно дѣйствовать на молодой, нѣжный организмъ и, при постоянствѣ ихъ дѣйствій, неминуемо должно привести къ страданіямъ, что чрезвычайно часто и замѣчается у лицъ этого типа. Мертвая блѣдность и всѣ послѣдствія истощенія и изнуренія часто наблюдаются у нихъ, и только терпѣніе, выносливость и привычка къ лишеніямъ заставляютъ ихъ молчаливо страдать и часто даже отрицать у себя всякія страданія.

Этимъ мы теперь оканчиваемъ разборъ тѣхъ выдающихся типовъ, которые приходится наблюдать въ школѣ и которые обыкновенно уже достаточно рѣзко выражены, при появленіи дѣтей въ школѣ, составляя поэтому главнымъ образомъ результатъ семейнаго воспитанія или слѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ ребенокъ провелъ свою дошкольную жизнь. Необходимо твердо помнить, что здѣсь говорится только о школьномъ возрастѣ и что каждый типъ составляетъ только отвлеченный образъ, не принадлежащій одному лицу и появляющійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ причинъ и составляющій неминуемое послѣдствіе ихъ вліяній. Здѣсь могутъ быть ошибки въ наблюденіи и въ особенностяхъ въ выясненіи, но одно вѣрно — всѣ типичныя явленія, замѣчаемыя у ребенка въ школѣ, составляютъ неминуемое и неотразимое послѣдствіе условій, при которыхъ ученикъ жилъ въ дошкольномъ періодѣ. Точно также, какъ мы непременно получаемъ опредѣленную химическую реакцію, при соединеніи различныхъ тѣлъ въ пробирномъ цилиндрѣ, — точно также, какъ вліяніе

извѣстныхъ физическихъ силъ неминуемо проявится при существованіи необходимыхъ для этого причинъ, — точно такимъ же образомъ неминуемо, неотразимо, безусловно появятся и опредѣленные послѣдствія, при дѣйствіи извѣстныхъ условій на организмъ человѣка. Выясняя себѣ основную идею постройки человѣческаго организма и его отправления, мы твердо и неопровержимо убѣждаемся въ неминуемости послѣдствій при дѣйствіи извѣстныхъ причинъ. Изученіе анатоміи положительно намъ показываетъ существующую здѣсь причинную связь, если только при этомъ изученіи мы не ограничиваемся одними внѣшними формами, а стараемся выяснить себѣ значеніе существующихъ здѣсь формъ и ту идею назначенія данной части, которую осуществляетъ эта форма, этотъ наружный видъ. Описанные типы составляютъ ни что другое, какъ отвлеченные образы тѣхъ частныхъ формъ, или проявленій, съ которыми дѣти появляются въ школѣ; понятно, что существенное значеніе эти формы и проявленія могутъ имѣть только тогда, когда мы будемъ въ состояніи выяснить себѣ значеніе ихъ и идею, лежащую въ основаніи этихъ формъ и проявленій, которую они осуществляютъ. Рядомъ приведенныхъ типовъ желательнo только выяснить себѣ осуществленіе идеи лжи со всѣми ея видоизмѣненіями въ лицемѣрномъ типѣ, осуществленіе идеи первенства или величія—въ честолюбивомъ—идеи правды—въ добродушномъ и идею гнета во всѣхъ остальныхъ типахъ, а также, — р возможности, прослѣдить за причинами, служившими основаніемъ развитія этихъ идей. Понятно, что это только антропологическій этюдъ, который можетъ служить основаніемъ для выясненія метода наблюденій за ребенкомъ и установленія причинной связи замѣчаемыхъ у него явленій. Только на основаніи выясненія этой причинной связи возможно перейти съ почвы произвола на почву собиранія научныхъ истинъ и основанныхъ на нихъ объективныхъ дѣйствій.

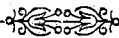
Только на идеяхъ и истинахъ можно сойтись и основать свои дѣйствія; ихъ слѣдовательно и необходимо раньше всего разработать, а затѣмъ уже говорить о наукѣ о воспитаніи.

Теперь я перейду къ разбору нормальнаго т. е. идеальнаго

типа и постараюсь постоянно оставаться на почвѣ антропологии. При этомъ я начну разборъ съ новорожденного ребенка и прослѣжу его до школьнаго возраста, выясняя, по возможности, значеніе тѣхъ явленій, которыя у него встрѣчаются, а также условія, необходимыя для нормальнаго психическаго и физическаго его развитія.

П. Десгафта.

7-го октября 1888 г.

7313

220

1/2

ИБ ПНУС

7313